

**Совет ветеранов
Сергиево-Посадского района Московской области**

Дети войны - дети Победы

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ

г. Сергиев Посад – 2013

Совет ветеранов Сергиево-Посадского района
Московской области
выражает благодарность
ОАО “Банк Москвы”
в лице Президента-Председателя правления
Михаила Валерьевича Кузовлева
за помощь, оказанную в издании книги
“Дети войны - дети Победы”.

Спасибо за активную поддержку и участие в жизни
Сергиево-Посадского района.

*Председатель Совет ветеранов
Сергиево-Посадского района Московской области
Валерий Сергеевич Кругликов*

«Дети войны - дети Победы». Сборник воспоминаний. РЕМАРКО.
г. Сергиев Посад. 2013 г. 200 стр. Ил.

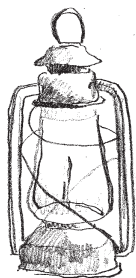
В книге представлены воспоминания ветеранов Сергиево-Посадского района Московской области о военном детстве. О том времени, когда их отцы сражались на фронтах Великой Отечественной войны, а они вместе с матерями выживали в жесточайших условиях тыла. И это было их вкладом в Великую Победу, в будущее.

Как удалось преодолеть трудности, голод и холод рассказывают очевидцы. Непридуманные истории потрясают своей правдой, искренностью и являются свидетельствами того, как выстояла страна в тяжелое лихолетье.

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-903615-37-7

© Совет ветеранов Сергиево-Посадского района
© Авторы текстов и фото. 2013
© ООО «РЕМАРКО». 2013

**Посвящается детям войны,
их матерям, бабушкам и дедушкам, всем тем,
кто преодолел суровые испытания времени в тылу
и сберег жизнь ради будущего.**

Уважаемые читатели! Дорогие друзья!

Книга, которую вы держите в руках поистине народная, полная переживаний, надежд и ожиданий, которыми была полна жизнь наших земляков в годы Великой Отечественной Войны. Победа в этой страшной войне, завоёванная неимоверными усилиями, была, есть и останется символом стойкости и несокрушимости духа российского народа.

Неоценимый вклад в победу над фашистскими захватчиками внесли жители Сергиево-Посадского района. У каждого из нас родные воевали на фронте, сражались в рядах народного ополчения ради одной великой цели - разгрома немецко-фашистских захватчиков. Труженики нашего города и района работали не покладая рук. Заводы и фабрики производили все необходимое для фронта. ЗЭМЗ выпускал пистолеты-пулемёты Шпагина. Краснозаводский химический завод делал гранаты и сигнальные патроны. ЗОМЗ изготавливал перископы и прицелы для танков. Трикотажная фабрика поставляла на фронт макировочные костюмы.

В нашем районе было более 20 госпиталей, куда днем и ночью привозили раненых бойцов. В городе формировалась 1-ая Ударная армия, которой было суждено нанести фашистским войскам сокрушительный отпор и сломить план врага о молниеносном захвате нашего народа.

Более тридцати тысяч загорчан ушли на фронт. Больше половины погибли на полях сражений и пропали без вести.

За мужество и героизм нашим землякам было присвоено звание Героя Советского Союза. Их именами названы улицы Сергеева Посада: Митькина, Симоненкова, Куликова, Шлякова, Алексеева.

Книга «Дети войны - дети Победы» - это не просто сборник воспоминаний, это памятник бесценному подвигу наших земляков.

Владимир КОРОТКОВ,
глава Сергиево-Посадского района

Дорогие читатели!

68 лет прошло со дня окончания самой жестокой и кровопролитной войны.

Вернулось с полей сражений в наш район 12 тысяч участников Великой Отечественной войны и сейчас их остается все меньше и меньше. Начало 2012 г. встретило с родными и друзьями 839 ветерана.

Военные лишения коснулись всего нашего народа. Особенно страдали дети. Никто не считал, сколько детей умерло от холода и голода, в концлагерях, на полях сражений, на оккупированных территориях. Только малолетних узников фашистских лагерей в нашем районе проживает в настоящее время 275 человек.

Наш район, как прифронтовой, славен не только 1-ой Ударной армией. Он славен нашим мужественным населением, основная часть которого состояла из детей. В то время семьи, как правило, были многодетными, воспитание проходило в духе высокого патриотизма. Детская жизнь - это тоже кусочек истории, который должен быть достоянием будущего поколения. Поэтому так важно зафиксировать воспоминания детей войны.

Начало этой работы было положено в 2010 году выпускниками «Народного университета» при Сергиево-Посадском государственном историко-художественном музее-заповеднике. В сборнике представлены подлинные свидетельства очевидцев той далекой поры.

Надеемся, что книга привлечет внимание наших современников к правдивым историям, описаниям судеб и поступков детей войны в жестких условиях военного времени. Для наших потомков это ценнейший источник информации.

Валерий КРУГЛИКОВ,
Председатель Совета ветеранов района

Николай Васильевич Агарков

Я родился 25 мая 1940 года на хуторе Агарчик Курской области в крестьянской семье. Отец в июне 1941 года был мобилизован на фронт. Мама, бабушка и я оставались проживать в хуторе.

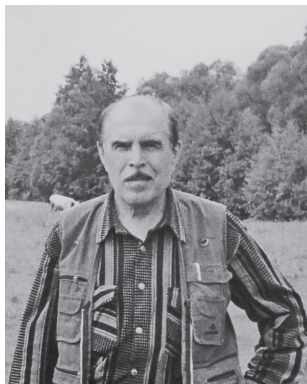
В 1959 году, после окончания Курского сельскохозяйственного техникума, я несколько месяцев работал младшим зоотехником в колхозе, по месту жительства. В октябре 1959 года был призван в ряды Вооруженных сил СССР. В 1967 году окончил Новгородское военное училище, и для прохождения военной службы был направлен в Закавказье. В 1979 году окончил военный факультет Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В Вооруженных силах СССР прошел службу от рядового до заместителя начальника политического отдела соединения. В 1988 году в звании подполковника уволился в запас, отдав службе Родине двадцать восемь лет.

С 1996 года состою на общественной работе в комитете ветеранов военной службы Вооруженных сил Сергиево-Посадского района. Член Совета старейшин города Сергиев Посад, помощник депутата районного Совета.

Проходят годы, уходят из жизни люди, кому-то удастся оставить о себе хорошую память, а кому-то нет. Все меньше остается очевидцев прошедших событий.

Я — продукт своего времени, дитя прошедшей Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Моё детство прошло в самые, наверное, трагические годы прошлого столетия. Повзрослев, я понял, что эта война — беда нашего народа. Нынешнее же время не дает мне уверенности в будущем. Все, о чем бы я хотел написать, так это мои воспоминания из моего детства и юности.

Жизнь моя перекрыла половину двадцатого столетия и перевалила в двадцать первый век. От рождения до отрочества моя жизнь, в основном, прошла в хуторе Агарчик, где я встретил войну вместе с мамой и бабушкой, где получил аттестат в самостоятельную жизнь. Мой хутор располагается в районе границ трех областей: Курской, Воронежской и Липецкой (Липецкая область образовалась уже после войны). Хуторок — это административное казачье поселение, которое выполняло роль заставы и охраны от нападения противника. Хутора располагались на небольшом расстоянии друг от друга и должны были задерживать противника до подхода подкрепления. Мой хутор окружали хуто-

ра — Колганчик, Русанчик, Ушаковка, а рядом располагались деревни — Верхотопье, Горяново, Мелавка. На хуторах находилось по сорок пять — шестьдесят дворов. В частности, на моем родном хуторе было сорок девять дворов. Хутор располагался в ложине, его разделяла речка Безымянная. Он был красивым, весь утопал в зелени и садах. Люди жили дружной семьей и в достатке. Приусадебные участки в основном были по пятьдесят соток — с садами, жилым домом и прилегающими к нему постройками. Дома были обнесены плетнями. По хутору проходила одна улица. Скот ходил по хутору мало, только утром при выгоне из дворов и вечером — по его возвращении.

Речка Безымянная по весне так разливалась, что пока не сойдет паводок перебраться через нее на другую сторону хутора было очень сложно. Пацаны любили приключения — кататься на льдинах. Такие приключения, конечно, бесследно не проходили. Много было в речке разной рыбы, но в основном щука, окунь, плотва. Они были нашей добычей. На мелководье водились пескари — их мы ловили лукошком.

На хуторе не было электричества, радио и телефона. Дорога была грунтовой (грунтовая) и после дождя проехать по ней было очень сложно. (Асфальтированные дороги, радио и электричество появились только в 70-е годы прошлого столетия.) В каждом доме было печное отопление, печьку топили торфом, который здесь же летом разрабатывали и готовили его к зиме. Дом освещался керосиновой лампой.

Школ, как таковых, на хуторах не было, а отдельные избы приспособляли под начальную школу, и в ней занимались сразу четыре класса, а так как детей школьного возраста было мало, поэтому учительница была одна. Порой старшие школьники (четвертый класс) помогали первоклассникам. После окончания начальной школы в пятый класс ходили в соседнее село за шесть километров. Там была семилетняя школа. Зимы в то время были холодные и снежные. В отдельные годы хуторскую улицу заносило снегом наравне с крышами домов, и стоило больших трудов расчистить двор и улицу.

Население хутора трудилось в колхозе «Красный борец». Колхоз был рентабельный, люди трудились хорошо. Занимались полеводством, скотоводством и птицеводством. Оплата производилась по трудодням после уборочной, натурой. Колхозникам за труд давали зерно, картофель, овощи, сено, а в отдельные годы рассчитывались медом и арбузами.

В каждом личном хозяйстве на конюшне было семнадцать лошадей, сорок дойных коров с телятами, до ста овцематок с ягнятами, двенадцать волов.

В 50-х годах в один колхоз объединили три хутора, две деревни. Назвали колхоз «Революционный путь» («Ревпуть»). Крайние деревни находились друг от друга на расстоянии двенадцати километров. В

настоящее время осталась только одна деревня с сельским Советом, а остальные хутора и деревни погибли, заросли бурьяном. И сейчас остается только сожалеть об этом и надеяться, что наступят времена, когда начнется возрождение наших российских деревень и хуторов, когда будет престижно трудиться на земле — растить хлеб, заниматься животноводством. Как в народе говорят, надежда умирает последней!

Жизнь на хуторе шла в установившемся веками ритме. Одни сельскохозяйственные работы сменялись другими, но 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Мужчины хутора были мобилизованы на фронт. На войну ушли двадцать четыре хуторянина, из них погибли девять, в том числе двое моих дядей. На хуторе остались женщины, старики и подростки. Вся тяжесть положения легла на их плечи. Было очень сложное время. К тому же была мобилизована вся конная тяговая сила. Но люди по-прежнему пахали землю, сеяли, убирали урожай, ухаживали за скотом, вели домашнее хозяйство. За всё время войны из посевных площадей и сенокоса не вышел ни один гектар.

Война на хуторскую землю пришла летом 1943 года. Отступая после поражения на Курской дуге, немцы вошли в хутора и соседние деревни, чтобы перестроиться. Хуторяне были выселены из домов, в них разместились немцы. Мама, бабушка и я, пока немцы размещались в хуторе, жили в погребе. Всю нашу имевшуюся живность (кур, гусей) немцы уничтожили. Не тронули только корову, потому что бабушка раненого офицера отпаивала парным молоком, и вот в знак как бы уважения к бабушке оставили корову и даже после их ухода из хутора.

После того как немцы покинули хутор, начались восстановительные работы, а они были очень сложные. Всю имевшуюся тяговую силу немцы уничтожили. Пахать и сеять было не на чем. Всё приходилось делать вручную. Женщины становились за плуг и пахали землю. Приходилось запрягать коров, оставшихся после ухода немцев, и пахать землю. Нам с мамой давали задание — вспахать за день пятнадцать-двадцать соток земли на нашей Бурёнке. И мне, пятилетнему малышу, пришлось на веревке водить корову, а мать ходила за плугом. Иногда помогали старшие ребята — родственники. А ночью отправляли корову на ночное, чтобы она отдохнула и набралась сил. Сложностей хватало! В 1946—1947 годах разразилась в нашей округе засуха. Озимые хлеба посохли, а с яровых зерновых площадей сняли урожай на семенной фонд.

Стар и млад перешли на подножный корм — собирали лебеду, под-свекольник, мололи их и пекли небольшие пирожки, от которых страдали болью в животе, были и другие осложнения. Мы, пацаны, пробирались на свиноферму и воровали подсолнечный жмых, которым кормили свиней и за милую душу сами его уплетали, а после этого без клизмы не могли сходить в туалет.

Стареть душой и телом не хочется. Вроде тьма и горе были в детстве, но сегодня уже восьмой десяток разменян, однако все Отечество помнится. На всех этапах жизни была на первом месте среди других ценностей работа, работа и ещё раз работа. Моя трудовая деятельность началась в юном детстве, в семилетнем возрасте. В это время я уже самостоятельно участвовал в заготовке сена и в уборке хлеба. Во время сенокоса изо дня в день работал на конных граблях, ворошил, а после сгребал в копны скошенное сено. В хлебоуборочную компанию я ранним утром заготавливал на болоте осоку, из которой женщины вили жгуты и вязали ими снопы. Задание нарезать осоки и обеспечить ею женщин давал нам колхозный бригадир. Дальше в нашу обязанность входило снести повязанные снопы в копны, которые после сушки свозили на колхозный двор — для обмолота. Приходилось молотить цепями вручную, так как механическая молотилка была только в МТС (машинно-тракторная станция) и выделялась она колхозу по графику. И вот надо было ждать своей очереди. Потому снопы свозили на колхозный двор, укладывали там в скирды, и они ожидали своей очереди. Сроки обмолота порой затягивались до наступления заморозков.

Разумеется, рабочей силы не хватало, поэтому в период школьных каникул к работе привлекались дети. В школах было соревнование по выработке трудодней. Ученик, выработавший сто трудодней, зачислялся кандидатом в пионерский лагерь. На нашем хуторе колхозники работали с энтузиазмом. Уборочная страда проходила весело. В скошенную траву скирдовали и свозили поближе к фермам. Продолжительность горячей поры длилась полтора-два месяца.

Не оставались без трудового внимания и приусадебные хозяйства. Ведь их тоже надо было вскопать, засеять, а после еще и неоднократно обработать. Вот и приходилось, придя с колхозной работы, работать в своем хозяйстве. Работа в колхозе лишала нас детства. Конечно, дети сильно уставали, порой засыпали под кустом или в копне сена. Пожилые люди нас жалели и старались тяжелую работу нам не давать. Так, в подготовке к посевной, бригадир посылал нас, детей, боронить вчерашнюю пашню, готовить её под посев или заделывать семена после посева. Ведь сев проводился вручную: к лошади цепляли деревянную раму с металлическими зубьями, так называемую борону, и с помощью вожжей управляли лошастью, шагая по пластам, перевернутым плугом. А иногда, бывало, бороновали и верхом на лошади, сидя без седла, вместо него подстиляли мешок. За день копчик натирался так, что от боли на ноги встать было невозможно. Комья сухой земли плохо разбивались бороной, поэтому приходилось проезжать по одному месту несколько раз. Самочувствие в поле было паршивое — от жары сохли губы, одолевали оводы и мухи.

Весело и хорошо проходило время на хуторских крестьянских празд-

никах. В каждом хуторе был свой крестьянский праздник. Чем это объяснить, я не знаю. Нашим праздником был Михайлов День — 21 ноября. Хуторяне тщательно готовились к этому дню: резали животных, готовили горилку, а потом ожидали гостей с других хуторов и деревень. Собирались родственники, устраивались застолья, и праздник проходил весело. Гулянье продолжалось три дня. Девчата и ребята нарядно одевались, под баян или гармонь устраивали гулянье. Такая традиция продолжалась до 70-х годов. В 70-е годы хуторская молодежь после окончания школы в поисках «счастливой жизни» разъезжалась по городам. На хуторках и в деревнях остались единицы. Отсутствие культурно-развлекательных центров также способствовало оттоку молодежи. Не было даже своей средней школы. Чтобы получить среднее образование, надо было поступать в среднюю школу в районе, за двадцать пять километров от места жительства. Такую чашу трудностей испытал и я. Среднюю школу окончил на сахарном заводе, в районе, прожив три года на квартире у чужих людей. Подходило время службы в армии. Призыв в армию в наших краях проходил с огромным уважением. Призывника провожали всей округой. И беда была тому парню, которому по тем или иным причинам было отказано в призыве. После этого с ним ни одна девушка не соглашалась гулять, не говоря уже о замужестве. Все девчата считали его «бракованным», и он вынужден был покидать хутор.

Были в детстве и казусы, о которых можно вспомнить. В 1940-е годы были отдельные неурожайные годы. Разумеется, потребность в зерне не сокращалась. И мы, пацаны, пошив холщовые сумки, после уборки зерновых пытались украдкой собирать колоски. Районными властями был установлен запрет. Назначались объездчики, которые старались нас заловить, а после с родителей получить выкуп - бутылку самогона. Сбор колосков констатировал о потерях при уборке, чего районные власти допустить не могли, поэтому был установлен запрет. В один прекрасный день мы, трое пацанов и две девочки, были задержаны и доставлены в милицию. Составили на нас акт на предмет привлечения наших родителей к ответственности. Трое суток нас держали в сарае и потом отпустили по ходатайству председателя сельского Совета и директора школы. Был взят в зачет и наш труд - помощь колхозу в проведении уборочных работ.

В октябре 1959 года, несмотря на отсрочку от армии как молодому специалисту, я был призван в ряды Советской Армии и в 1960 году был зачислен кандидатом для поступления в военное училище. Но жизнь круто повернулась, и военное училище я окончил в 1967 году. Всю сознательную жизнь я отдал служению Родине, пройдя службу в разных рангах и должностях двадцать восемь лет, служил на южных и крайних северных границах. Опаленное войной детство прошло в жизни не бесследно.

Эмилия Яковлевна Артамонова

Родилась я в 1934 году в городе Горький (нынешний Нижний Новгород) в семье речника-волгаря, и прожила там до 1959 года. Жили мы в самом центре города в четырехэтажном доме. Во дворе было два таких дома, которые были построены в начале 30-х годов для работников Горьковского порта и потому они назывались домами водника. Дома были плотно заселены — все квартиры были коммуналками, и в каждой из них жило по две-три семьи.

Дома стояли в тихом переулке, рядом было много бараков, небольших домиков и сараев. Все эти строения образовывали большой двор, в котором обитало много детей разного возраста. Жизнь у нас была веселая и дружная.

Наша квартира была на четвертом этаже. В квартире жили в три семьи: наша — в шестнадцатиметровой с балконом, в двадцатиметровой жила тоже семья из трех человек (супруги с сыном, старше меня лет на восемь), а в десятиметровой жила женщина с дочкой, которая тоже была постарше меня года на три. Жили все очень дружно — без ссор и каких-либо претензий друг к другу.

Вскоре, в году 36–37-м за нашим домом построили детский сад для детей водников, куда я и ходила до школы. Кстати, этот детский сад существует и работает до сих пор. В 1939 году у меня появилась сестренка. В комнате стало теснее, так как поставили детскую кроватку и коляску.

Отец наш работал на дебаркадере, который стоял у берега. В чем заключалась его работа, я не знаю, помню только, что он часто дежурил целыми сутками. Мама была домохозяйкой. Она хорошо шила и подрабатывала дома. Но говорить об этом вслух и всем было нельзя, так как частная деятельность была запрещена, за это строго наказывали. Сестра была очень болезненным ребенком, и в детский сад её отдавать было нельзя, поэтому мама не могла пойти на легальную работу.

Летом мы уезжали в деревню к маминым родственникам. Деревня находилась недалеко от города, но добраться до неё можно было только по Волге на филъянчике (так называли небольшие пароходики, которые плавали вверх и вниз по реке). Далее от пристани шли пешком километров шесть. В деревне проживали дедушка с бабушкой и их многочисленные дети и внуки. Жили они уже не все вместе, так как многие уже были семейные и жили отдельно, но всё равно неподалеку друг от друга. Дом был небольшой, но двухэтажный, низ дома — каменный, а верх — деревянный. При доме — хозяйственный двор, где держали корову, поросят и кур. За домом был небольшой участок, на котором выращивали картошку, овощи и ягодные кустарники, там же, на участке, была банька. В деревне у всех жителей были бани.

В доме, кроме деда и бабушки, жили ещё двое младших их детей — сын и дочь, а также один из женатых сыновей с семьей, в которой было уже две девочки. А на лето к ним приходили и приезжали ещё другие внуки.

Моя бабушка, о чем я узнала будучи уже взрослой, была замужем вторым браком. Почему она не жила с первым мужем, никогда никто не говорил. От первого мужа у неё была дочь (моя мама), и она вышла замуж второй раз за человека, у которого уже было шестеро детей, при родах последнего ребенка у него умерла жена. Этим человеком и был мой любимый дедушка, который меня очень любил и я его обожала. У них родилось общих пятеро детей, из которых в детстве умер только один сын. Семья была очень большой, но дружной, а внуки долго не знали о том, что дед был не всем нам родным и узнали об этом только тогда, когда его уже не было в живых, а умер он накануне Великой Отечественной войны. Своих родственников со стороны отца я почти не знала, во всяком случае, даже не помню, видела ли я когда-нибудь его родителей. Бывали у нас уже после войны его братья (их двое, оба младшие) и старшая сестра, но это было очень редко. Почему-то в нашей семье об этих родственниках почти ничего не говорили.

Вообще в то время не принято было говорить о родственных связях. И вот уже после войны я узнала, что старший сын деда от первого брака был репрессирован и жил, правда с семьей, на Колыме. Освободили его уже после войны. Его старшая дочь приехала в Горький в 1953 году поступать в институт, а уже позже приехали и её родители с младшим сыном. Я так и не знаю о том, за что они пострадали. Тогда все умели хорошо молчать!..

Я очень хорошо помню день, когда началась война. Было солнечно и жарко, и мы куда-то собирались — то ли в гости, то ли гулять. И вдруг по радио услышали выступление Молотова... Все взрослые собрались на кухне, о чем-то взволнованно говорили и даже плакали. Жизнь мгновенно изменилась. В сентябре этого года я пошла в школу. Годы, которые я училась в начальной школе, я помню плохо. Помню, что в первом классе мы учились с мальчиками, а уже во втором классе — одни девочки.

Помню темные улицы, затемненные окна квартир. Мы переехали из комнаты, что была на четвертом этаже, в другую, что на первом этаже, в том же подъезде. Комната эта была больше, и было не так страшно, потому что во время бомбежек быстрее выбегали в убежище. Уехал папа, и мы остались только с мамой, которая стала часто болеть. Появились карточки на все товары, стало мало еды. Нам в школе вначале еще давали небольшие завтраки, но недолго, потом все стали приносить завтраки из дома, всё складывали на последние парты и всё делили на всех.

Эльвира Ерофеевна Барынина

«Оптимизм черпаю от своего образа жизни»

Её жизненное кредо — делать то, что доставляет радость другим, и жить там, где чувствуешь себя счастливой. Она без устали может объясняться в любви своему подмосковному Хотькову, что приютился на берегу реки Пажи в бассейне Клязьмы. И на это есть причины. «Небольшому городу положил начало Покровский Хотьков монастырь, основанный здесь ещё в XIV веке. Близ города расположен музей-усадьба Абрамцево и село Радонеж, где провёл детские годы основатель Троице-Сергиевой лавры — преподобный Сергей Радонежский. Так что наш город имеет богатую историю. А это возлагает на его жителей огромную ответственность», — размышляет Эльвира Ерофеевна Барынина, которая уже полвека честно служит родному Хотькову, ибо находит в этом своё человеческое предназначение.

Её детство пришлось на военное лихолетье. Самым ярким воспоминанием той поры стало поручение родителей слушать с сестрой «чёрную тарелку», так дети называли радио, запоминать и пересказывать им сводки с фронтов. Когда началась война, Эльвире было ровно четыре года, а жили они тогда на Урале в городе Краснокамске Пермской области. «Папу на войну не взяли, так как он был ранен ещё на финской. И он сутками работал на целлюлозно-бумажном комбинате электриком. За всех нас воевал мой дядя — Иван Илларионович Миков, который был в плену в Германии, а после освобождения закончил войну в Австрии. Да ещё всю войну прошла медсестрой в санитарных поездах моя тётя — Валентина Фёдоровна Захарова. Приезжая с ранеными в Пермь, она всегда навещала родных, привозя сладкий гостинец — маленький кулёчек кускового сахара, к которому дети не притрагивались без разрешения родителей, а так хотелось... Жили в войну все очень бедно и голодно», — рассказывает Эльвира Ерофеевна.

А ещё она вспоминает, что в школу в 1944 году пошла без портфеля, книг и тетрадей, а свою первую учительницу, Зинаиду Александровну Некрасову, любит до сих пор, с ней ходили в военный госпиталь выступать с концертами перед ранеными.

Ей запомнился День Победы — 9 мая 1945 года. Уроки отменили, все жители маленького городка вышли на улицы, радовались, плакали, поздравляли друг друга. По уличным динамикам звучала ликующая информация и музыка. Жизнь налаживалась, появились коммерческие магазины, хлеб на рынке, правда, был очень дорогой, но уже без карточек.

В школе Эльвира училась увлечённо. «Педагоги наши почти все были из потомственных учительских семей и, кроме прекрасных знаний, не навязчиво учили нас достойной жизни. На всю жизнь запомнила директора школы — И.Г. Сачкова, бывшего фронтовика, учителя математики. Со

школьными подругами — Ритой Дзюбенко и Диной Каменских — дружу до сих пор», — улыбается Эльвира Ерофеевна.

Школу она закончила одной из лучших учениц, получив серебряную медаль, и по настоянию папы поехала учиться в Ленинград на инженера-электрика. Училась в институте с интересом, занималась в конькобежной секции, любила ходить в театры, музеи, филармонию. «Охватить хотелось всё и впитать в себя высокую культуру северной столицы. Жили по-студенчески скромно, на стипендию, коммуной. Мама, которая отменно шила, иногда присылала новое платье, придуманное для меня — это было счастьем», — с теплотой вспоминает Эльвира Ерофеевна. За годы студенчества она обрела бесценный капитал: наставника в будущей профессии профессора А.В. Башарина и институтских друзей. С двумя подругами — Татьяной Коршуновой и Валентиной Разиной — они и сейчас дружат семьями.

Славная трудовая биография Эльвиры Ерофеевны действительно связана с одним городом — Хотьково, который строился с её участием и поэтому особенно ей дорог. Целых тридцать шесть лет она отработала на одном предприятии — ЦНИИСМ (бывшем Конструкторско-технологическом бюро Миноборонпрома), на который приехала молоденьким инженером-конструктором сразу после окончания Ленинградского электротехнического института. И всего лишь через год стала признанным лидером-секретарём комитета комсомола завода. А через несколько лет — делегатом главного молодёжного форума СССР — XVI съезда ВЛКСМ.

Завод и комсомол вместе с секретарём-лидером гремели в области своими комсомольско-молодёжными бригадами и почином «Советское — значит, отличное». И это было так! Сегодня просто невозможно поверить, но силами комсомольцев двух предприятий: «Электролит» и «КТБ» был построен стадион «Энергия», ныне «Олимп», и посажена берёзовая роща вокруг него. Эльвира увлечённо организовывала досуг молодёжи в стареньком клубе завода, отчаянно занималась спортом — бегала на лыжах и коньках. Отличаясь артистизмом, организовывала популярные в то время КВНЫ, но и сама играла в команде. А ещё с комсомольцами шефствовали над совхозом, школами и детскими домами, организовывали турпоходы, концерты.

Затем были годы работы председателем профкома, секретарём парткома, начальником лаборатории и начальником научного отделения института. И всегда она задавала тон и увлекала за собой остальных. На вопрос о том, где истоки такой неуёмной энергии, Эльвира Ерофеевна рассказывает, что ей очень повезло в жизни, так как это были годы подъёма и развития ЦНИИСМ (ранее КТБ Миноборонпрома) и города, в котором развивалась наука, строились детские сады, пионерские лагеря, базы отдыха. Депутатская работа в городе и районе позволяла общаться с интересными людьми и работать во благо. И добавляет: «Меня всегда окружают люди, которые задают высокие образцы профессионализма. С теплотой вспоми-

наю В.Н. Козлова, секретаря парткома завода “Электролит”, организатора народной стройки по возведению стадиона в городе, В.Д. Протасова, директора ЦНИИСМ, члена-корреспондента Академии наук, большого учёного, который был душой коллектива, В.И. Смыслова, главного инженера, талантливейшего организатора производства. В последние годы самым значимым в моей жизни человеком стала глава городского поселения Хотьково Р.Г. Тихомирова. Я не перестаю удивляться её трудоспособности и огромному энергетическому запасу, которым она заряжает всех, кто находится рядом. А это важнейшее умение лидера-политика».

А мне подумалось, что в жизни нет ничего случайного. И с эпохой повезло, и люди на пути попадают самые достойные... Эльвира Ерофеевна Барынина деликатно умалчивает, что она сама сделала свою жизнь наполненной и ни разу не спасовала перед трудностями. Даже в сложное перестроечное время, когда осталась без работы, наладила через фонд мира связи с американскими педагогами и организовала курсы для детей из Хотькова, знакомила прибывших американцев с молодыми художниками АХПУ им. Васнецова, организовывала поездки в Лавру, город Дмитров и общение с гостями в семейном кругу.

Она и сегодня энергично и активно занимается общественной работой, в Администрации города возглавляет Совет по работе с населением и общественными организациями, обобщает наказы избирателей и добивается их выполнения. С 2005 года избрана председателем Совета ветеранов ЦНИИСМ, является членом городского и районного Советов ветеранов. Работу ведёт с энтузиазмом, с выдумкой так, как может делать только Барынина, — проводит экскурсии, поздравления с юбилеями на дому, организует помощь словом и делом каждому обратившемуся и нуждающемуся. Ежедневно в её кабинет приходят и звонят жители города, и всех она внимательно выслушивает и обязательно поможет.

Эльвира Ерофеевна — заботливая и любящая мама и бабушка. Гордится своей дочерью Юлией, которая унаследовала профессию своей бабушки, возглавляет в Хотьково швейное производство ООО «Самшит». Любит внуков: Вячеслав ныне окончил 8-й кадетский Московский корпус и уже студент, Надежда заканчивает 11-й класс. Она гостеприимная хозяйка, её дом всегда полон родных и друзей.

«Оптимизм я черпаю от моей семьи, от друзей, коллег по работе, а вообще-то от моего образа жизни, — заключает Эльвира Ерофеевна. — Я по натуре активна, уважаю людей отзывчивых, всегда стараюсь всем помочь, не люблю ныть и жаловаться. Я спешу жить — интересуюсь всем новым, поддерживаю здоровый образ жизни, люблю путешествовать и не представляю себя без работы!»

Борис Михайлович Бирик

Я родился 22 июня 1936 год в Сумской области и проживал в городе Дружба на границе с Брянской области.

Хорошо помню четырнадцатый день войны, так как у нас была большая железнодорожная станция Хутор-Михайловский — крупный железнодорожный узел. Жили мы рядом с вокзалом, и на четырнадцатый день войны наш дом был разрушен бомбежкой. Мы скрывались в бомбоубежище. Сообщали о налетах гудками паровозов заранее. Моя мать была неграмотная и о проходящей войне мне ничего не говорила. Бомбили нас каждый день

все годы войны: вначале немцы, а после вступления их в августе 41-го года в наш город — бомбили наши самолёты, так как к нам приходили грузы с немецкими танками, самолетами и другой техникой. Особенно запомнился день, когда входили мадьяры (венгры). Все закрывали дворы, многие уезжали на восток, так как издевательств было очень много. У них в городе сразу же начали расстреливать евреев, комсомольцев и парработников, а рядом в трехстах метрах от дома, где мы жили, построили концентрационный лагерь на двадцать тысяч человек. В первые же дни немцы загнали в клуб завода девятьсот человек и подожгли — все погибли, смог стоял на весь город. Большинство жителей уходили на восток или в деревни к родственникам. Мы с мамой пытались уйти к Брянску, пройдя несколько километров, вернулись, так как нечего было есть, а жить в лесу становилось холодно. Я помню, как мадярами у нас во дворе был организован военный госпиталь, а на кухне вкусно пахло и ребятишки приходили к моменту раздачи раненым пищи.

Меня позвал один мадьяр: «Билко, принеси миску, я тебя угощу». (Так меня звали — Билко.) Я принёс из дома посуду и мне наложили туда капусты с мясом. Принёс это матери. Она попробовала и её начало рвать — туда положили табаку (махорки). В доме, где был госпиталь, жил старик, раненные любили пить чай из русского самовара. Старика заставляли растапливать самовар, а туда накладывали дымный порох и каждый раз он обжигался. Это вызывало хохот оккупантов. Когда они добывали мёд, то мазали ему голову, а сверху посыпали пеплом и запрещали мыть голову... «Пах, пах», — пугали его. На центральной площади всегда стояли около двадцати виселиц, на которых

всегда кто-то висел. Вешали за поход в лес без пропуска, за нарушение комендантского часа и так далее. Вокруг нашего города был лес, а в лесу партизаны Сидора Артемовича Ковпака, и они не давали немцам покоя, освобождая по несколько раз в год город. Немецкие склады с продовольствием они открывали и раздавали нам всё, что там было. Когда оккупанты возвращались, требовали всё вернуть в двадцать четыре часа, а затем проверяли, кто не сдавал — наказывали (вешали, штрафовали и так далее).

В 1943 году мы оказались на Курской битве, в боевых порядках немцев, в полосе наступления 60-й армии Черняховского. Но перед тем как отступить, немцы расстреляли всех пленных (свыше двадцати тысяч человек) на наших глазах. Сейчас там братские могилы, не очень ухоженные сегодня. Рядом с нашим домом, когда вступили наши войска (60-й армии), был заброшенный старый дом, который восстановили, и в нём несколько лет жили отец и мать генерала Черняховского.

Когда вступили наши войска, мы с мамой шли через вокзал и нас застала стрельба, мать упала между рельсами вместе со мной, и я видел, как наши солдаты несколько раз поднимались в атаку, но неудачно... И в этот момент один из командиров поднялся и крикнул: «За Сталина!», и солдаты броском вскочили и заняли вокзал. Тогда я впервые слышал и понял, что такое Сталин!

В 1944 году я пошел в первый класс. Нас в школе подкармливали стоявшие в городе русские советские солдаты из Сибири, а один солдатик даже пошил мне маленькие сапоги — «джимми», как он сказал мне, так как на моих ногах вместо обуви были намотаны тряпки.

В школе нам делали уколы, прививки и с нас не брали денег, как сейчас.

День Победы мне не запомнился, увы. Город стоял в руинах. К 1948—1949 году всё было восстановлено.

Зоя Васильевна Бородкина

Учитель — высокое звание!

Родилась Зоя Васильевна в январе 1945 года в селе Зубачёво, которое находится в трёх километрах от Лавры на реке Коперке. Зубачёво — большое древнее поселение. Родители Зои Васильевны, коренные жители, работали в животноводстве.

В 1952 году Зоя поступила в первый класс Зубачёвской начальной школы, затем во вторую общеобразовательную школу города Загорска.

В школьные годы — пионерка-красногалстучница, а в 1960 году её приняли в комсомол. Школьная общественная работа: пионервожатая, секретарь комсомольской организации. В учебный период Зоя помогала маме и другим дояркам на животноводческой ферме, а в летнее время она со своими с одноклассниками трудилась в колхозе на прополке овощей и просушке сена.

После школы стала студенткой Московского областного педагогического института имени Н.К. Крупской, училась на физико-математическом факультете.

В 1968 году начала работать в средней школе в деревне Каменки, через девять лет учебное заведение было закрыто, и учитель Зоя Васильевна была переведена в Марьинскую среднюю школу (со дня её основания) на должность заместителя директора на учебно-воспитательной работе. А с 2010 года она стала только учителем математики. Общий рабочий стаж — сорок четыре года.

У каждого учителя свой стиль работы с детьми, а у Зои Васильевны — демократичный, основанный на коллективном управлении и решениях, опирающихся на потребность учителя и ученика, на их интересы, а также основанный на самоанализе к совершенствованию педагогической деятельности.

Итогом работы Зои Васильевны в должности заместителя директора школы можно считать победу в национальном проекте «Образование». Школа тогда заняла призовое место, а учительница истории школы стала победителем района!

Итогом работы деятельности учителя можно считать и хорошие результаты его учеников по сдаче единого государственного экзамена по математике. Иными словами, работа учителя Зои Васильевны Бород-

киной гарантирует выпускникам Марьинской сельской школы поступление в высшие учебные заведения страны.

Зоя Васильевна пользуется заслуженным авторитетом среди учителей, учащихся и родителей. Равное обращение со всеми — основная черта поведения творческого человека.

Три года Зоя Васильевна возглавляет Совет ветеранов Марьинской первичной общественной организации. И каждый человек, подходя к ней со своими проблемами и горестями, знает, что практически любой вопрос Зоей Васильевной будет решён, что она обязательно поможет.

Благородный труд учителя Бородинной отмечен высокими наградами — медалью «В память 850-летия Москвы», грамотами Министерства образования России, области, областной Думы.

В начале 2012 года ветерану труда на торжественной школьной линейке, был вручён особый наградный знак «Почётный ветеран Подмосковья». Красивый букет цветов и бурные аплодисменты Зое Васильевне были подарены коллегами и учащимися Марьинской школы. Радостная весть облетела деревню Марьино, все жители которой от всей души поздравляли Зою Васильевну с наградой.

Н.Д. Александров,
председатель Совета ветеранов
сельского поселения Шеметовское

Валентина Александровна Буга

Я родилась 8 июля 1937 года в Вологодской области в семье учителей, есть брат и сестра. В Вологодской области не было боевых действий, но засылались провокаторы, которые хотели отравить воду в колодцах. Были найдены их мешки с отравой и парашюты, их задержали.

Папа был на фронте, мама работала в школе учителем начальных классов, брат учился в школе. Мне было три с половиной года, когда началась Великая Отечественная война, я ходила в детский сад. Когда брат приходил за мной, я ему давала половину кусочка сахара, а самой так хотелось сладкого, но я делилась.

Все время хотелось есть. Я просила в магазине хлеба: «Тетя, дай мне мой паёбп». Это означало паёк. Я отдавала тете картошку, а она мне давала кусочек хлеба.

Я была маленькая и худенькая, в школу меня отпустили с восьми лет, упросила, чтобы я еще годик походила в детский сад.

За селом у нас был участок земли, где сажали картофель, морковь. Морковь мололи на жерновах два раза, делали муку. Еще мама косила траву для коровы, коровушка нас и спасла от смерти. Мама делала из муки «заварку» — так ее называли, подливали молока и так ели, только однажды брату сделалось плохо, и он чуть не умер, еле отходили.

Весной мы с братом собирали макушки клевера, мама раскладывала их на противень и в печку, а потом мы клевер толкли и делали лепешки. А еще мы собирали картофельные волоти и картофель, оставшийся с осени, волоти были белые, и их толкли с молоком.

Мама корову приучила запрягаться в телегу, как лошадь, и таким образом возила с поля овощи, сено.

Тяжелая жизнь была — и холод, и голод, мама перешивала вещи и одевала нас, как могла.

Голод послевоенный был очень тяжелый, папа пришел с войны больной, нужно было его поддерживать, лишний кусочек хлеба — папе.

Хочу отметить, что мы, дети войны, были приучены к труду с детства. Папа был директором школы, все мы, дети, выучились, сестра и я стали учителями, брат — инженер.

Зинаида Андреевна Бычкова

Я родилась 21 сентября 1934 года в селе Булатниково Мурманского района, Владимирской области в семье колхозника. После школы поступила во Владимирский пединститут имени Лебедева-Полянского, который окончила в 1956 году. Два года работала учителем математики в Копнинской средней общеобразовательной школе Собинского района Владимирской области. В 1958 году вышла замуж и переехала жить в город Загорск (сейчас это Сергиев Посад) Московской области. Много лет работала учителем математики в общеобразовательных школах в Загорске и Хотькове. Общий педагогический стаж работы — сорок шесть лет. В 2008 году ушла на заслуженный отдых.

Когда началась война, мне было около семи лет. Семья у нас была большая: мать, отец и семеро детей — четыре брата и три сестры. Старшему из них, Ивану, было четырнадцать лет. Жили мы в селе Булатниково, Мурманского района, Владимирской области. В селе у нас была средняя общеобразовательная школа. В неё ходили учиться и дети из близлежащих деревень за два-пять и даже восемь километров. Зимы были холодные, морозные, но занятия никогда не срывались. Все стремились учиться. Автобусов в то время не было. Связь с городом была только поездом. До станции — три с половиной километра. В то время в деревнях были в основном колхозы, но кое-где были и совхозы. В колхозах за работу оплата была в трудоднях, а в совхозах платили деньгами. В колхозах на трудодни за работу ничего не давали. Вся продукция отправлялась на заготовительные пункты под лозунгом: «Все для фронта, все для Победы!» Люди жили в деревнях за счет своего участка и подсобного хозяйства: сажали картофель и разные овощи. Это спасало население деревень. У части жителей были посажены яблони. За них требовали ежегодный налог независимо от того, был урожай или нет. Жили бедно — у всех в основном были большие семьи. Мужчин забрали в армию. Остались в основном старики и женщины с несовершеннолетними детьми. Приходилось землю (усадебу) под картофель пахать самим. Лошадей, тракторов, автомашин в колхозе не было — их забрали для армии. Для вспашки земли некоторые односельчане использовали быков и коров. С продуктами было трудно. Супы варили из ботвы свеклы, моркови и крапивы. Спелую ле-

беду обмолачивали и добавляли в муку, чтобы испечь хлеб, лепешки. Весной, украдкой, рано по утрам, собирали на полях замороженный картофель, но и его не давали собирать.

В начале войны отца забрали в армию. Мать осталась с несовершеннолетними детьми. Через полтора года пришел с войны отец — инвалидом второй группы. (Одна нога на протезе, а вторая не сгибалась, так как операцию надо было сделать в субботу, а ее отложили до понедельника, вот и получилось заражение, после которого нога не сгибалась.)

Дети помогали стране и фронту. От школы с учителями ходили по полям собирать колоски ржи, пшеницы. Шили кисеты для табака и их отправляли солдатам на фронт. Вязали для солдат варежки и носки, чтобы внести свою, по возможности, долю в победу над врагом.

Приспосабливались к жизни, как могли. Повзрослев, я с матерью ходила жать серпом колхозную рожь, пшеницу, овес, убирать с полей картофель, свеклу, турнепс.

Для нашей семьи я и брат корчевали в лесу (площадь участка — три с половиной квадратных километра) пеньки, чтобы было чем зимой отапливаться, так как денег на покупку дров не было.

А чтобы прокормить корову (без коровы в деревне с детьми с голоду умрешь), мы с братом Николаем босиком по полям рвали желтый цветок: одну тележку — до обеда, а другую — после обеда, а жара стояла двадцать пять — двадцать семь градусов. Для подстилки корове нужна была солома, но ее не давали, взять было негде. Грабастали граблями жнивую, но и ее, готовую, в вязанках, отнимали, не дав донести до дома.

Питьевую воду добывали из колодца (глубиной двадцать метров), колонок не было, всем жителям воды не хватало. Приходилось дежурить по ночам — ходить за водой в час-два ночи при морозе двадцать пять — двадцать семь градусов.

Помню еще, как из разных районов страны приезжали в село люди, чтобы поработать у кого-либо (у частных) по хозяйству за картофель (так как нечего было есть) или же обменять на картофель свои хорошие вещи (лишь бы прокормиться). Вот как во время войны жило немало людей.

В войну одевались в основном бедно, детей много, всех надо обуть, одеть, накормить. У нас отец получал пенсию по инвалидности — двадцать пять рублей, мать работала в колхозе за пустые трудодни (обещали на них что-то, но не давали, все отправляли на фронт).

Из колхоза на производство в город работать не отпускали, если не было блата, либо каких-то связей. Лично меня после окончания десятого класса из колхоза не отпускали, пока я не предоставила в справку из института, что зачислена в число студентов.

Во время войны у нас в селе по домам стояли солдаты. Прямых бомбежек в селе не было, но самолеты пролетали. Электричества не было, дома освещались керосиновыми лампами. Населению было приказано по вечерам занавешивать плотно окна, чтобы свет не проникал на улицу. В огородах, на случай бомбежки, у всех были выкопаны землянки, весной они заполнялись талой водой. Несколько раз в этих землянках люди прятались, когда население оповещали о воздушной тревоге.

Тамара Александровна Варакина

Я родилась 27 ноября 1937 года в селе Константиново, Загорского района, Московской области. Когда началась Великая Отечественная война, мне было четыре года. Помню, как провожали отца на войну. Воевал он под Курском, погиб в самом начале войны. Когда получили известие о гибели отца, мама и я с сестрой очень плакали.

После окончания войны я училась в школе в деревне Шеметово, окончила семь классов. В школе села Константиново в 1955 году я уже окончила десять классов. Ходили шесть километров пешком. Жили плохо, за отца нам с сестрой платили двести рублей. Мама работала уборщицей. Когда мы учились в школе, мы с сестрой помогали маме: носили воду, пилили дрова, мыли полы, ходили в лес за дровами, так как отопления не было. Жили трудно. Тетрадей не было, писали на листочках. Детство было очень тяжелое.

После окончания школы один год работала на МТС разнорабочей. Никаких льгот и подарков за погибшего отца мы не получали.

В 1957 году поступила в лесотехнический техникум. После окончания техникума работала мастером в Константиновском лесхозе. В 1961 году переехала жить в поселок Реммаш. В 1962 году поступила на работу в НИИХСМ и работала в измерительном отделе механиком. Награждена медалью «Ветеран труда». В настоящее время нахожусь на заслуженном отдыхе.

Т. Д. Васильева

Как мы убирали картошку

Было это холодной и снежной зимой, все учащиеся школы номер пять были на лыжах. Путь шёл лесом, было темно и очень холодно. Наш классный руководитель Леонид Тимофеевич Сокуренок шёл впереди нас. Поверх своих ботинок он натянул варежки.

Накануне того зимнего похода учеников школы номер пять и учеников школы «Ким» собрали на общее собрание, которое проводил первый секретарь горкома партии. Нам поручили выкопать мерзлый картофель. Так наш класс (восьмой) оказался в деревне Бубяково. Разместили нас в очень бедной семье, спали мы на полу — на соломе, а нашей едой была картошка в мундире.

В поле надо было сначала убрать снег, а потом выкопать картошку. Обувь у всех быстро пришла в негодность — сушить ее нигде было. Утром мы снова шли работать в поле. Это был 1947-й или 1948-й год.

Надежда Николаевна Витязева

Я родилась 20 февраля 1928 года. Война застала меня в Мордовии. Отец был директором совхоза «Коммунар» Лямбирского района. Все мужчины ушли на фронт. Вся работа легла на плечи женщин и детей. Работали все дети, помогали взрослым. Работали по ночам на молотилке, подавали снопы, скирдовали сено, днем собирали яблоки, в лесу — ягоды. Машин, лошадей не было, один раз в неделю приезжал трактор, загружали его и отправляли на консервный завод. Осенью рубили капусту...

Такое было военное детство ребятешек от семи до четырнадцати лет. С пятнадцати лет мы уже были не дети.

Александра Афанасьевна Володина

Война застала меня в Орловской области, где я родилась 14 июня 1927 года. Для нас Великая Отечественная война стала адом, который снится по ночам вот уже шестьдесят пять лет. Мы пережили все то, что пережил любой гражданин СССР, оказавшийся на оккупированной территории. Мы увидели подлинное лицо фашиста: не воина, а зверя, садиста в человеческом обличии.

Рядом шли такие бои, что горела земля, а небо было кроваво-красным от горящих сараев, в которых горели люди. Их туда сгоняли фашисты и поджигали. Запах жареной плоти распространялся на многие километры. Грудных младенцев отбирали у матерей и бросали живьем в колодцы. Во время войны обошел все руки снимок девушки с внуком на руках. Они чудом спаслись из сарая, когда рухнула горящая крыша. Им удалось спрятаться в болоте, а потом пробраться к партизанам, их вывели и обогрели. Это произошло в четырех километрах от нашего дома.

Наше село уцелело, так как оно было крайним и служило для фашистов прикрытием от партизан. Мы прятались от немцев, от этих извергов, сжиравших абсолютно все, — они ловили кур, тут же жарили их на костре, а мы голодали. Однако страдание от голода ничто по сравнению с пережитым страхом, ведь безжалостно могли убить в любую минуту.

Очень ярко запомнился один эпизод. Немцы вокруг оживились, засобирались, уселись на мотоциклы и быстро покинули село. Мы почувствовали, что наши бойцы близко, и поэтому фашисты удирают. Так мы осознали, что придет Победа!

Евгения Петровна Герасимова

Я родилась в Белоруссии, в Городецком районе Могилевской области, в деревне Каменка. О войне я мало помню, в основном, знаю о ней по рассказам мамы.

Папу с первых дней войны отправили на фронт. Нашу деревню немцы захватили 12 июля 1941 года. Сельсовет объявил, чтобы все спасались, как могли. И мама, собрала на ходу торбу с продуктами и нас, троих детей (мою старшую сестру Нину, брата Лешу и меня). И так, всей деревней, мы убежали в лес. В лесу мы жили несколько дней, ни есть, ни пить уже было нечего. Мама рассказывала, что я постоянно плакала, просила пить, а воды не было. Выжимали из моха воду и поили меня, ведь мне было всего три года. Немцы, захватив наш район, двинулись дальше, а в нашей деревне остался немецкий штаб, который наблюдал за всем и за всеми. У жителей деревни выбора не было: или в лесу погибать, так как постоянно летали самолёты и разрывались бомбы, или возвращаться домой, а там что уж будет.

Вернувшись в деревню, жители увидели, что все дома остались

целы, их не сожгли, увели только всю скотину (а у нас была корова, лошадь, поросенок, куры). При немцах мы все жили под тщательным наблюдением. Они ходили по домам, искали мужчин, так как в это время уже организовались партизанские отряды. Мама всё время прятала сестру и брата, она боялась, что их могут забрать. Я хорошо помню, до сих пор меня дрожь охватывает, как немцы поймали партизана и посреди деревни повесили его, и три дня нас гоняли, чтобы мы смотрели на виселицу. Нас предупреждали, что на этой виселице будет висеть всякий, кто против немецкого порядка что-то сделает. Меня от стресса постоянно трясло, и я не могла ночью спать, боялась и плакала - перед глазами стояла виселица с человеком.

Осталась в моей памяти еда из гнилой картошки, больше никакой еды не помню, и когда уже закончилась война, мама смогла где-то раздобыть очистки от картошки, чтоб ее посадить. Когда мы собрали небольшой урожай, я эту картошку не могла есть, она мне не нравилась, и я просила маму: «Мамочка, пойдем, соберем гнилую картошку, я эту не хочу!» Как только меня мама ни уговаривала, как ни объясняла, что гнилая картошка — плохая, невкусная, а я ей напоминала, ради бога, просила ее: «Ну, испеки мне из гнилой картошки блины!» Однажды мама все-таки испекла мне блины из гнилой картошки. И, как сейчас помню, я с аппетитом их ела, а мама смотрела на меня и утирала слезы.

А ещё от холода, голода, нищеты во время войны моё тело с головы до ног покрылось сплошными болячками. Сначала они нарывали — очень больно было, а потом эти болячки стали мокнуть, и в них появились вши, болячки стали чесаться, я разрывала их до боли. Лечить было нечем, я обессилела — лежала и стонала от боли и от голода. Мама думала, что я не выживу, умру. Хорошо, что шел уже 1944 год, и нас освободили от немецких захватчиков. В нашей деревне размещался советский госпиталь, и мама с сестрой по очереди на руках (я уже не могла ходить) понесли меня к начальнику госпиталя, чтобы он помог мне чем-то. Врач, когда увидел меня такую больную, заплакал и сказал, что у него на Украине тоже двое детей осталось, и он ничего о них не знает. Врач дал маме мазь, думаю, что эта была мазь Вишневского, и сказал: «Не могу дать много мази, своих раненых много, но, сколько даю, должно хватить. Потихонечку, понемножку каждую болячку намазывайте, но только привяжите девочке руки и следите, чтобы она не расчесывала свои болячки, а то будет мясо рожистое». Я уже не помню, сколько времени я лежала, не вставая, но постепенно мои болячки стали подсыхать и сходить на нет. Благодаря доброму врачу я поправилась.

Ещё помню, как мы с мамой, во время войны, вышли на улицу, а

рядом взорвалась бомба и нас засыпало землей. Хорошо, что это увидели соседи, они нас откопали.

Папа с войны не вернулся, пришла похоронка, что он скончался от ран в госпитале в Запорожской области, Мелитопольском районе, в селе Вознесение. Впоследствии группа «Поиск» восьмилетней школы под руководством учителя истории Геннадия Васильевича Коробко разыскала останки захороненных воинов Советской Армии, защищавших село Вознесение. Среди вещей погибших поисковики нашли медальон с именем нашего папы, в нем была указана жена — Марина Алексеевна Минченко — моя мама.

В честь воинов, погибших защищая село Вознесение, был построен мемориал славы и произведено перезахоронение советских воинов. Бои шли три дня, село отстояли, так и не допустив немцев в Крым.

В 1989 году через военкомат Белоруссии разыскали мою сестру Нину, она жила в Белоруссии в городе Горка, а я с 1959 года я живу в России. Нас пригласили в село Вознесение, чтобы всё о папе рассказать и показать. Я с сестрой Ниной (мамы уже давно к тому времени не было, она умерла в 1974 году) поехали туда, сестра очень хорошо помнит папу, ей было четырнадцать лет, когда началась война. Мы были в селе Вознесение два раза, нас по-родственному встречали, поводили нас местам боевых действий, рассказали о результатах поисков останков наших солдат и офицеров. Нам подарили книгу памяти.

Не приведи, Господи, чтобы опять повторилась война! Молодежь этого не знает, ей обязательно надо рассказывать о войне. Как в моей семье, так и в других семьях у детей не было ни детства, ни юности, всё ушло в никуда.

Хорошо, что ветеранов Великой Отечественной войны не забывают, заботятся о них, чтоб им легче жилось. Это надо, они это заслужили!

А разве наши матери, которых уже нет в живых, не заслужили этого внимания?

А мы, дети, жертвы войны? Мы забыты! Прошло шестьдесят пять лет со Дня Победы. Хоть бы один раз вспомнили о нас и сделали маленький подарок, он не важен ценой, важен вниманием. Но мы забыты...

Зиновий Михайлович Гилевич

Я родился в 1927 году в Загорске, во время Великой Отечественной войны проживал на улице Комсомольской (ныне Вифанская). В 1941 году я окончил семь классов Загорской школы № 3 (бывшая гимназия), которая находилась на углу проспекта Красной Армии и Пожарного переулка. Четырнадцать лет мне исполнилось в августе.

22 июня 1941 года в городском парке был назначен праздник в честь окончания учебного года. Собравшиеся очень долго ждали начала, но пришла учительница математики и сказала: «Праздника не будет. Началась война...» Мы не сразу осознали трагедию. Воспитанные на уверенности в непобедимости Красной Армии, мы поначалу говорили, что война скоро кончится, и если отца отправят на фронт, пойдём вместе с ним и тому подобное.

Но судьба распорядилась иначе. Первым ушел старший брат. Ему было пятнадцать лет и его по комсомольской линии направили под Смоленск копать окопы. От него долго не было вестей. В июле ушел в народное ополчение отец. Уходя, он мне наказывал: «Ты остаешься мужчиной дома, помогай маме и сестренке». (Сестре было девять лет.) Старший брат вернулся, но побыл дома недолго — его направили в Тулу на шахты. В Загорске тоже началась подготовка к обороне.

В районе, где сейчас ЦРБ, начали строительство оборонительного сооружения. Маме прислали повестку — на этом объекте нужно было отработать десять дней. Вместо нее пошел я. Руководитель строительства отнесся к этому спокойно. Наша бригада копала в указанном месте, а землю грузили на две «грабарки» (запряженные лошадьми телеги со съемными бортами). Управлял ими пожилой мужчина. Он был с одной ногой, вторая — деревянная, поэтому у него все получалось очень медленно и люди простаивали без дела. Тогда руководивший работой бригадир выбрал меня (остальные были женщины) и велел помогать грабарщику. Тот мне показал, как сгружать землю в грабарки, и я стал работать. В конце дня грабарщик сказал, что надо ехать на конюшню. Конюшня находилась в Конном дворе (сейчас там музей). Там он мне показал, как распрягать лошадь, поить и давать корм, и велел наутро быть к шести в конюшне.

Я пришел к указанному времени. Грабарщик научил меня запрягать лошадь и другим премудростям «лошадиного дела». И так каждый день. Когда я отработал десять дней и пришел со справкой, мне сказали, что грабари должны работать весь месяц. Перечить старшим я не был приучен и честно трудился, чтобы получить для мамы справку на продуктовые карточки. Кончился август. Я по совету мамы поступил в

ремесленное училище № 22 (оно тогда располагалось в Лавре). Учился на фрезеровщика, но недолго. ЗОМЗ готовился к эвакуации, и с ним уезжало училище, а я не поехал.

Во время воздушных тревог мы дежурили на улице, следили за маскировкой. Дежурили также на крышах домов в ожидании зажигательных бомб. В огородах мы выкопали укрытие для жильцов своего дома. Со стороны Дмитрова слышался гул, а иногда видели зарево. Шли бои. Город замер. Остановился завод № 6, где работала мама. Мы были в растерянности — бежать или...

Однажды с ночи стояли в очереди в магазине № 1 — надеялся получить по карточкам вместо хлеба муку, и увидели проходившую по проспекту Красной Армии колонну красноармейцев в полушубках, ушанках и валенках с оружием. Это всех подбодрило и вселило надежду. Позже узнали, что немцев отогнали от Дмитрова. Начал работать завод № 6 и ряд других, не эвакуированных предприятий. Создавались новые предприятия на территории ЗОМЗа. От отца долго не было вестей с фронта, а в феврале пришло извещение, что он погиб. Старший брат вернулся из Тулы, поступил на работу на завод № 6, но весной его призвали в армию. И опять я остался за старшего. Мой друг, одноклассник Анатолий Жуков, устроился на работу в автомастерскую, которая находилась в бывшем гараже ЗОМЗа. Он позвал и меня работать.

Когда я пришел в автомастерскую, меня приняли учеником слесаря. Так началась моя трудовая деятельность. Мастерские не отапливались. Маленькая буржуйка не могла обогреть большое помещение. На ней мы грели инструменты и детали, чтобы они не примерзли к рукам. На запчасти использовали брошенные ЗОМЗом старые разукomплектованные машины. Собирали еще и брошенную на полях технику. Так, нашли трактор ТХЗ, за зиму его отремонтировали, а весной на нем пахали огороды загорских предприятий. Трактористом был Владимир Душенков. Однажды нас, мальчишек, послали отвезти ему горючее. Я попросил дядю Володю прокатиться. Чтобы я не зря ехал, он показал мне, как работает плугарь. А потом попросил заведующего гаражом оставить меня плугарем. Так я и остался работать с ним. Моя задача заключалось в том, чтобы я в нужное время опускал и поднимал плуг, очищал его от корней, когда он засорялся. Иногда тракторист давал мне управлять трактором под его наблюдением. В дальнейшем я мог уже самостоятельно заводить трактор, пахать, устранять мелкие неисправности. В конце весны тракториста призвали в армию, и я остался за него. Мне дали помощником мальчишку на два года моложе меня.

В то лето я на тракторе объехал кругом весь Загорск. Пахал за московским переездом, где сейчас меховая фабрика, на территории земс-

кой больницы, в районе Кукуевского кладбища, на участке, где сейчас расположена школа слепоглухих, в районе поселка Смена, где сейчас находится НИИРП. Осенью я молотил также в деревне Самойлово.

Зимой работал в гараже, а весной 43-го опять пахал там, куда посылали. Летом 1943 года начал возвращаться ЗОМЗ и нашу мастерскую перевели в Конный двор. В это время я получил сообщение о том, что я принят на первый курс в Московский политехникум связи. Тогда я уволился из автомастерской, но это было не так просто. Я даже посылаю письмо Сталину и только после этого меня отпустили.

Война еще не закончилась к тому времени, а была в разгаре, но фашиста отогнали от Москвы, и жизнь в Москве и Подмосковье потихоньку стала налаживаться. Нам, рано повзрослевшим подросткам, предстояло поднимать страну из руин, учась и работая не покладая рук. Война закалила нас и научила преодолевать трудности, выживать и созидать приходилось сообща. Всеобщий дух коллективизма помог нам преодолеть тяготы военной поры и послевоенного лихолетья.

З.А. Давыдова и З.А. Ильина

Из рассказов мамы

З.А. Давыдова

Когда мне было три года, началась Великая Отечественная война. Я жила с родителями в городе Дмитрове. Папа, Алексей Константинович Давыдов, был секретарем партийной организации на ткацкой фабрике, имел бронь, но на войну пошел добровольно.

Когда немец подходил к Москве, по радио сообщили, что через несколько часов он подойдет к Дмитрову и, кто как может, спасайтесь. Нам с мамой от фабрики дали лошадь с телегой и возчиком, но прежде чем уехать, мама стала сжигать книги (полный шкаф собраний сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина — толстые книги в красной обложке с золотыми буквами). Решили ехать к сестре мамы в деревню Царевское. У тети было трое своих детей (муж тоже на войне) и нас двое. В октябре 1941 года родился брат — Виктор Алексеевич Давыдов — и так до конца войны мы жили в Царевске.

Я даже не могу припомнить, чем мы питались. При наличии коровы молоко давалось только маленькому брату, остальное сдавали и часть продавали на хлеб, сахар. Помню, как мы целыми днями ходили по лугам ели дудки,

щавель и столбчие-молочники. Мама уходила на целый день до ночи — ходила по деревням: была агитатором (не могу сказать, каким). Тетя часто плакала с нами — пятью детьми. Однажды мама не вернулась домой и целую неделю ее не было, думали, что она пропала, но мама появилась и сказала, что она устроилась на работу на завод п/д 717 в АХО и ей дали комнату

(девять квадратных метров) в бараке на две семьи (женщина с дочкой пяти лет и я с мамой). Брата оставили у тети.

Через год в комнате мы остались одни и привезли брата, устроили его в детский сад. Получили извещение о гибели отца. Я пошла в школу, шел 1947 год — голодуха, многие жили на крапиве и гнилой картошке (по весне собирали по колхозным полям). Мама стала сильно болеть, считаю, что с голоду. Что могла, она отдавала нам, но и отдавать-то было нечего: крапивы нам и так не доставалось, рвали лебеду, но от нее была сильная тошнота. Меня летом отправляли в пионерский лагерь, брат был в детском саду, то есть мы хоть что-то ели, а мама заболела серьезно, перенесла операцию, а потом она умерла. Мне было не полных шестнадцать лет, брату — одиннадцать. Жили мы тогда уже в пятиэтажном доме в коммунальной квартире (комната площадью одиннадцать квадратных метров), и еще там проживала семья из трех человек — Бодрины Сергей Иванович и Ирина Ивановна (работники завода и/я 717). Сергей Иванович вернулся с войны с ранением, у них была восьмилетняя дочь Людмила. Вот они-то и взяли нас под свою опеку. Подключили партком и завком, брата устроили в Ленинградское нахимовское училище, меня — на завод в ЦЗЛ, где наставниками у меня были Вера Николаевна Желтова, Рита Чурилина, Александра Павловна Манина и начальник ЦЗЛ Аркадий Ильич Смирновский, затем В. Г. Ермак. Поступила я в заводской техникум вечерний (второй выпуск). В лаборатории, где я работала, были прекрасные и добрые люди, они очень долго называли меня только Зиночкой, я была маленькая и худенькая.

Итак, пошло время: день на работе, вечером на учебе. Питалась я вместе со своими добрыми соседями, деньги — зарплату, как и Сергей Иванович с Ириной Ивановной, клала в их чашечку в посудном шкафу. Когда мне исполнилось восемнадцать лет, мои дорогие приемные родители купили мне

красивое шерстяное платье и вручили все деньги, которые я отдавала им на свое проживание. Мой брат Виктор все каникулы проводил в Хотькове. Он окончил Нахимовское училище, затем Высшее инженерно-морское училище, десять лет прослужил на подводной атомной лодке, жил в Севастополе, женился и был приглашен в военную академию в Москву, после чего стал работать в Генштабе и жить в Москве, у него есть дочь.

После окончания техникума я стала работать в цехе намоточных изделий (цех № 7) технологом, старшим технологом и продолжала повышать свою квалификацию, вечерами училась на высших государственных курсах повышения квалификации руководителей инженерно-технических и научных работников по вопросам патентоведения, изобретательства, экономии, организации и планирование производства и функционально-стоимостного анализа.

Сергей Иванович и Ирина Ивановна опекали нас до того времени, пока мы с братом не завели свои семьи. В 1963 году я вышла замуж и стала Ильиной. В 1967 году из цеха меня перевели в отдел главного технолога, где я занималась усовершенствованием технологий ЭИМ, улучшением каче-

З.А. Ильина

ство выпускаемой продукции завода и разработкой новых прогрессивных материалов. В 1982 году я стала лауреатом премии ВОИР среди женщин.

Имею два авторских изобретения и множество рационализаторских предложений. Моя семья в настоящее время состоит из двух сыновей: первый сын, Олег, 1964 года рождения, а Дмитрий родился в 1972 году. Оба женаты, занимаются бизнесом, стройматериалами. Внучка Настя учится в институте, внук Савелий ходит в детский сад. Муж, к сожалению, умер в 1999 году.

Лилия Александровна Доброва (Мухина)

Я родилась в августе 1939 года. Детство моё прошло в деревне Золотилово. Всю свою жизнь отец мой, Александр Александрович Мухин, прожил в этой деревне. Он рассказывал нам, как наша деревня получила такое название. В царствование Екатерины выписали художников из Польши и поселили их вблизи поповского фарфорового завода, на месте теперешней Горбуновской фабрики. Художников, которые писали золотом, прозвали «золотилы», а поселение назвали Золотилово. Золотилы были и в роду моего отца.

Всю свою трудовую жизнь отец посвятил Горбуновской фабрике. Он занимался «наглядной агитацией», писал плакаты, лозунги, декорации для драмкружка, руководителем и участником которого был он сам. Много работ он сделал за свою жизнь, украшая хотьковские клубы, фабрики, пионерские лагеря, избирательные участки. Дома писал картины — натюрморты, пейзажи. В доме всегда пахло красками, олифой, растворителями.

Мама, Ольга Петровна Мухина, работала также на Горбуновской фабрике табельщицей, приёмщицей товара, кладовщицей.

Когда началась война, мне не было и двух лет. Отца призвали в армию. Мы остались вдвоём с мамой. Она много работала, и не только на фабрике, но и в лесу. Чтобы фабрика работала, женщины заготавливали дрова. Я ходила в ясли, затем в садик. Я очень благодарна маме за то, что в тяжёлое время она много внимания мне уделяла. Я помню сказки, которые она рассказывала мне на ночь. Недоедая сама, она отдавала мне свой последний кусочек хлеба. Я осознала это позже, а тогда я этого не понимала.

Из моих детских воспоминаний в памяти остался день, когда мимо нашего дома, по дороге со стороны Дмитрова, вели взятых в плен немцев.

Отец с войны вернулся в 1946 году. В нашей семье родились два брата (1947 и 1949 года рождения). Я стала для них нянькой и маминкой помощницей.

В школу я пошла в восемь лет, так как была маленького роста и очень худой. В стране тогда была разруха, начался голод. Всем жилось нелег-

ко. Жили бедно и мы. Всегда хотелось есть. Выручал огород. Хлеб получали по карточкам. Помню, пришла я как-то из школы, в доме вкусно пахнет — мама сварила гороховый суп. Отрезает она и даёт мне большой кусок чёрного, мягкого, аппетитно пахнущего, хлеба. Я удивилась: «Это всё мне?» Ведь в семье были два младших брата, и я знала, что в первую очередь надо было накормить их. Мама улыбается и говорит, что карточки отменили. Этот день, когда можно было досыта поесть, остался в моей памяти навсегда.

Семь лет я училась в Горбуновской школе. Мне очень повезло с учителем. С первого класса я училась у Алексея Борисовича Смирнова. Он вернулся тогда с войны, будучи совсем ещё молодым. Мы его боготворили. Это был замечательный учитель. Мы старались во всём ему подражать, и многие из нас впоследствии стали учителями.

Алексей Борисович тоже учился, он поступил в Загорский учительский институт. В 1950 году мы заканчиваем четвертый класс, и наша школа, к нашему счастью, становится семилетней. Алексей Борисович становится нашим классным руководителем и преподаёт нам русский язык и литературу. Мы были первыми выпускниками Горбуновской семилетней школы. Я очень благодарна своему первому учителю за те знания, которые он дал нам, за всё то, что он для нас сделал.

Детство наше прошло в послевоенные годы. Трудно было не только с едой, не было одежды и обуви. Помню, маму за хорошую работу премировали на фабрике отрезом на платье. Из него она сшила мне платье для школы. Она всегда шила нам одежду и, благодаря этому мы всегда были прилично одеты. С обувью было сложнее. Если удавалось купить туфли, то их старались беречь. Во дворе ходили босиком. Помню тёплые летние дожди, тогда очень приятно было пробежать по мокрой траве босиком. Зимой обувью служили сшитые мамой бурки, валенок тогда не было в продаже. В бурках с галошами я ходила в школу.

Игрушек у нас не было. Собирали красивые камешки и стёклышки и играли в магазин, в школу. Играли также в прятки, в лапту и штандер, скакалки через верёвку.

Телевизоров в нашем детстве не было. Сказки, музыку, спектакли столичных театров слушали по радио (из круглой чёрной тарелки), висевшей на стене, и были очень этому рады.

В кино, где-то с 50-х годов прошлого столетия, ходили очень редко, иногда всем классом. Помню фильмы «Тарзан», «Бродяга». Поход в кино был для нас тогда праздником.

Ещё помню мороженое, которое на наших глазах укладывали в вафли и продавали. Оно было круглое, с обеих сторон вафли, очень маленькое, но вкусное. Стоило оно, по тем временам, дорого, поэтому позволяли себе это лакомство редко.

В восьмой класс я уже ходила в Хотьковскую среднюю школу № 2. Директором школы был Григорий Ефимович Агеев. Мне везло на хороших учителей. Я никогда не забуду их заботу о нас. Те знания, которые они нам дали, очень пригодились в нашей дальнейшей жизни.

С одноклассниками мы дружны до сих пор. После окончания школы прошло уже более пятидесяти лет, но ежегодно, в конце июня, мы собираемся вместе. Конечно, годы идут, нам всем уже за семьдесят и нас остается все меньше и меньше, но на каждой встрече мы добрым словом вспоминаем и учителей, и наших школьных товарищей. У нас есть альбом с фотографиями наших встреч, который постоянно пополняется.

Закончив десять классов, я поступила в Ногинское педагогическое училище, где получила специальность учителя начальных классов. Жила в общежитии, по выходным приезжала домой. Жили дружно, весело. Обедали в столовой, завтрак и ужин готовили сами. В 1959 году была направлена на работу в Ярыгинскую семилетнюю школу. Там поселилась в маленькой комнатухе в доме учителей и начала работать.

Начальные классы в школе были малокомплектными, то есть я обучала сразу два класса — первый и третий. Подготовка к урокам была двойной, первое время было очень трудно. В Ярыгинской школе я отработала четыре года. Принимала активное участие в общественной жизни села, была участницей художественной самодеятельности. Под руководством директора школы Натальи Константиновны Баумгартен (она преподавала русский язык и литературу) мы ставили спектакли по произведениям Чехова, Островского. Костюмы шили сами. Заботу о молодых учителях со стороны старших коллег я чувствовала всегда, в помощи они не отказывали.

В 1960 году я вышла замуж. Муж вернулся из армии. Работал в совхозе. У нас родился сын. В 1963 году муж устроился на работу в ОРГРЭС, и вскоре мы перебрались к моим родителям, в Золотилово. Я устроилась на работу в школу № 2, где раньше училась сама, а затем перевелась в школу № 4. У нас родилась дочь. Жизнь потекла — работа, дом, воспитание детей. Всё наживали своим трудом, радовались каждой приобретённой вещи.

В 1969 году я вынуждена была уйти из школы и устроиться на работу в ОРГРЭС, где нам с мужем обещали жильё. Да и для своих детей у меня появилось больше времени. Долго переживала уход из школы, особенно тяжело было первого сентября. Ведь я очень любила детей и свою профессию.

В ОРГРЭСе я начала работать техником на испытаниях опор для линий электропередач. Освоила до этого неизвестные мне приборы — теодолит и нивелир — и работала на них. Затем выучилась и закончила свою трудовую деятельность экономистом.

Вела большую общественную работу — сначала была избрана председателем цехкома, затем секретарём партийной организации цеха (в Хотькове был цех, а сама организация — трест ОРГРЭС — находилась в Москве). Занималась и с детьми посёлка. К Новому году мы всегда готовили детские спектакли.

За общественную работу награждалась грамотами, благодарностями, денежными премиями.

У нас на работе часто организовывались экскурсии выходного дня. Нам с мужем удалось побывать во многих городах бывшего Советского Союза.

Вспоминаются субботники по благоустройству посёлка. Выходили на них дружно, семьями. Посёлок был небольшой, но очень чистый и уютный, благодаря стараниям жителей.

Всегда и во всём помогали родителям, почти каждый выходной навещали их. У родителей мужа была большая дружная семья. Детей было семеро, и когда все стали взрослыми и обзавелись семьями, получилась огромная команда. Всей семьёй обычно собирались по праздникам — на Ильин день и на старый Новый год. Свёкор играл на гармошке. Собирали на стол, пекли пироги. Всегда было весело — все пели, плясали. Зимой обычно оставались ночевать. Я всегда удивлялась, как мама всех нас умудрялась разместить, ведь нас было иногда более двадцати человек. Детей обычно укладывали на русской печке. Им это нравилось, там тепло и много места. Взрослые укладывались на пол. Матрасы заранее набивались свежей соломой. Когда их вносили с террасы для обогрева, они источали такой запах, что дух захватывало. Полночи все что-то рассказывали, хохотали и засыпали лишь под утро. Я не помню, чтобы кто-то перепил или испортил всем настроение. Всегда было весело.

Дети наши выросли. Стали достойными людьми. Я горжусь ими. У нас четверо внуков и правнук.

Несмотря на трудности, которые встречались на нашем пути, думаю, что мы, дети войны, стали полезными и нужными людьми для нашего общества.

Вера Ивановна Домонтович

Я родилась в 1937 году в деревне Ходосы, Мстиславского района, Могилевской области. Когда началась Великая Отечественная война, мне было четыре года. В конце июня, однажды ночью, мы проснулись от сильного грохота в доме. В доме выбило все окна и двери. Это немецкие самолеты бомбили емкости со спиртом, продовольственные склады, которые находились рядом со станцией. Станция находилась в пятистах метрах от нашей деревни. Скоро в нашей деревне появились немцы. С тех пор каждую ночь бомбили леса - там были парти-

заны. Как только наступала ночь, меня начинало трясти. И так происходило три года. Когда немцы отступали, они сожгли деревню. Мы находились в яме, среди каких-то кустов. За отступлением немецких солдат шли карательные войска, которые не оставляли в живых даже собак и кошек. Когда появились советские танки, весь народ побежал им навстречу. Столько было радости у всех!

Так к зиме мы остались без еды и одежды. Нас прикрепили к воинским частям, пока они находились в деревне. Потом мы ходили и набирали горелое зерно со складов, которые сжег немец. Еду готовили на кострах. Жили в погребках и землянках.

Был у меня брат. В 1944 году он ушел на фронт, ему тогда было всего шестнадцать лет. Он служил шесть лет на флоте. Там же окончил десять классов. После службы окончил строительные институт и был направлен в Молдавию министром сельского строительства. Потом ему предложили работать в Москве, в министерстве. Он отказался. За неподчинение его сняли с должности и направили в Минводы (я не помню, где и кем он работал). У него было большое сердце. Вскоре он умер.

В 1945 году я пошла в первый класс. Писать было нечем и бумаги не было. Нам в школе выдали чёрные досточки и мел. Учебник был один на весь класс. Обуть нечего было. Ходили в лаптях. Один раз с подружкой пока дошли до школы, а уже был небольшой мороз, но снега ещё не было, катались по льду и порвали лапти. Домой бежали босиком. Вот такое мое детство!

В 1946 году старшую сестру отправили в Брест учителем. Через год умер отец, и сестра меня с мамой забрала к себе. Училась в школе, где параллельно изучала иностранные языки. В 1957 году вышла замуж за военного. По окончании службы, так как муж - хотьковский, переехали в Хотьково. В 1959 году родился сын. Учился он в пятой школе. Окончил восемь классов, затем поступил в строительный техникум. Ушёл в армию. Служил в Германии. Вернувшись из армии, работал в ГАИ десять лет. Во время перестройки открыл свой автосервис, где работает и сейчас. Я работала начальником отделения связи и вела сберкассу. С 1973 года и до пенсии работала в торговле. Награждена медалью «Лучший по профессии».

Лидия Алексеевна Ермошина

Я родилась 5 июня 1937 года в городе Хотьково. У нас была многодетная семья. Я была шестым ребёнком. Мама моя не работала, папа работал на железной дороге, на станции «Лосиноостровская», рабочим. У меня было четыре брата и одна сестра.

Когда началась Великая Отечественная война, в 1941 году, первым на фронт ушёл старший брат 1920 года рождения. Папу на фронт не взяли, ему дали бронь, так как он работал на железной дороге. Вторым на

фронт ушёл мой второй брат 1924 года рождения, это было в 1942 году, а третий брат ушёл в 1944 году, он был 1927 года рождения. Все братья остались живы, но так как их двоих взяли позже, то они и служили дольше. Павел (1927 года рождения) пришёл в 1947 году, а Фёдор (1927 года рождения) - в 1949 году. Они были офицерами. Моя сестра (1922 года рождения) вышла замуж в 1940 году. Мужа взяли на фронт, он погиб, она осталась вдовой, детей у них не было. Ещё был брат 1930 года рождения. Мы остались с ним.

Папа в 1945 году заболел. У него был рак желудка. Его прооперировали, но 6 июля 1946 года он умер. Были после этого очень тяжёлые годы. Мама не работала. Мы с братом ещё маленькие. Начался голод. Мама ходила весной в поле, чтобы накопать мороженой картошки и напечь нам, так называемых, оладьев. В один из дней поймали тех, кто копал картошку, среди них была и мама (даже мороженую картошку не разрешили копать), за это маме пробили голову. Было очень тяжело жить. Мама устроилась санитаркой в больницу. Брат пошёл в подпаски, сестра второй раз вышла замуж.

В 1944 году я пошла в школу. Мне сшили ботинки из шинели, подошва у ботинок была деревянная. Вместо ранца была тряпочная сумка. Школа была рядом. Жили мы, конечно, впроголодь. Хорошо ещё мама ездила в Рязань, Воронеж. Она покупала недорогой материал на Горбуновской фабрике и меняла его на топлёное баранье сало. Мы на нём жарили всё, что можно, и варили на нем первые блюда.

Братья пришли с фронта и быстро все пережились. Младший брат ушёл в армию. Мы остались с мамой вдвоём. Окончив школу, я подала документы в железнодорожный техникум, но мама стала меня уговаривать, чтобы я не ходила учиться. Мама меня родила в сорок три года. У неё стало побаливать сердце. И она мне говорила, что с ней может что-нибудь случиться, и я буду сорвана с учёбы. Я поехала и забрала документы. Мама меня устроила на работу в больницу санитаркой. Санитаркой я работала недолго, меня перевели в регистратуру. Начали меня уговаривать пойти на курсы медсестёр, но мне не было шестнадцати лет, а на курсы брали с восемнадцати. Я об этом сказала старшей медсестре, а она мне ответила на это, что мы сделаем так, что тебе будет восемнадцать. Так в 1953 году я начала учиться в Сергиевом Посаде на вечерних курсах медсестёр. Окончив курсы в 1955 году, я вышла замуж. По окончании курсов всю нашу группу отправили на целину, но так как я выходила замуж, меня оставили. С 1956 года начала работать в хирургическом отделении Хотьковской больницы. В 1956 году я родила первого сына. Мама моя прожила довольно долго, умерла она в 1980 году в возрасте восьмидесяти пяти лет.

Я в хирургии проработала до 1961 года, потом перевели меня в рентген-кабинете, где до 1972 года я работала рентген-лаборантом. А с 1972 по 1980 год я работала главной медсестрой больницы. В 1980 году меня направили на курсы массажисток, по окончании которых я приступила к работе медсестрой по массажу, и работаю массажистом вот уже тридцать один год, а общий мой рабочий стаж — пятьдесят девять лет, из них пятьдесят семь лет — в Хотьковской больнице.

Дмитрий Иванович Захаров

В светлой памяти людской

С 12 июля 1941 года по 2 сентября 1945 года мой отец Дмитрий Иванович шагал по военным дорогам Днепропетровска... Сталинград... Будапешт... В последнем он был помощником коменданта города.

После возвращения отца с боевых дорог, ровно через год и я появился на свет Божий.

По рассказам моей матушки, Марии Фадеевны, она осталась в войну с четырьмя детьми на руках — 1928, 1935, 1938, 1941 года рождения.

Наш хутор и Логовский районный центр находились в девяноста километрах от Сталинграда (со стороны Москвы), и расположен был хутор по обе стороны железнодорожного полотна.

У нас был новый дом, построенный отцом в 1941 году, в котором он не успел сложить кирпичную печь с духовкой. Матушка с двумя старшими сыновьями доделала печь.

В нескольких метрах от дома находился большой погреб для зимнего хранения продуктов, где семья в войну пряталась во время налетов немецких бомбардировщиков.

Раннее утро 26 ноября 1942 года. Хозяйка дома приготовила пышки по старинной традиции донского казачества. Был накрыт стол, и каждому члену семьи была подана пышка с молоком. Старшему брату Владимиру исполнилось четырнадцать лет. Мамино приглашение к столу было отложено, так как все слышали гул немецких бомбардировщиков. Мама и дети, схватив, каждый свою одежду, быстрыми шагами направились к погребу. Кроме одежды, на руках старшего сына была годовая сестренка Тая.

Находясь в погребе, все слышали звук разорвавшейся бомбы рядом с их подворьем. Именинник выглянул из погреба. От увиденного он скатился по деревянной лестнице вниз. Керосиновая лампа слабо освещала погреб, но все, прищурившись, поняли, что случилось что-

то неладное. Тогда из погреба выглянул младший братишка, Геннадий, и громко закричал: «Мама, а где наш дом?» В дом попала немецкая бомба! В результате семья зимовала в погребе.

Хозяйка дома с раннего утра до позднего вечера находилась при госпитале, ухаживая за тяжелоранеными. Средние члены семьи занимались по хозяйству и приглядывали за годовалой сестренкой Тасей.

Иногда братья Владимир и Геннадий выполняли «боевые» задания. Их дядя, папин старший брат Федор Иванович (1884 года рождения), выполнял обязанности председателя исполкома районного Совета депутатов и одновременно являлся командиром партизанского отряда. Когда шли ожесточенные бои под Сталинградом, и в самом городе, и в области действовали партизанские отряды.

Юные партизаны по заданию старших брали керосиновые фонари и уходили от жилых домов подальше от железной дороги, они условно создавали в поле железнодорожную станцию в ночное время. Немецкие летчики с высоты ночного полета думали, что это железнодорожный объект, и сбрасывали свой смертоносный груз, который в результате падал вдали от железнодорожного полотна.

Немецко-фашистские войска предпринимали отчаянные попытки овладеть Сталинградом. Тяжело приходилось в эти жестокие дни и ночи

жителям станций, расположенных вдоль железнодорожных линий.

Так, ранним утром в начале декабря 1942 года фашистская авиация в очередной раз бомбила нашу станцию. Под бомбы попали производственные помещения и жилые дома. Горели цистерны с бензином, рвались боеприпасы, но бригада восстановителей за короткое время уложила шпалы, рельсы. Ночью по дороге снова пошли поезда. Бригаде помогали молодые активисты хутора, среди них был и мой брат Владимир.

В четырнадцати километрах от нашего хутора на берегу Дона под станцией «Новогригорьевская», в пойменных перелесках и песках, покрытых редкими степными травами, стоял старый хутор Вилтов, через который проходила дорога на переправу. Он был небольшой, но в последние годы прибавилось немало новых домов. Над хутором стоял стойкий запах полыни, чабреца и свежераспиленной древесины.

Летом сорок второго года на задних высотах держали оборону части 62-й армии. В Вилтове и за его околицей стояли медсанбаты, артиллерия резерва, саперы, наводившие по ночам переправу через Дон. На военных картах, хранящихся в архивах, хутор Вилтов обозначен вторым эшелоном обороны данного рубежа. Словом, хутор был почти на передовой.

Закончилась война. В конце августа 1946 года я появился на свет. И вот послевоенные годы. Отец на советской работе. Некоторые жители в нашей стране поговаривают, что коммунисты все воры. Возможно, отдельные владельцы партийных билетов и занимались чем-то — они жили для себя и во имя себя. Отец был не таков! Сталинградская область была жестоко разрушена немецкими оккупантами. Производственные участки были разрушены, а поднимать сельское хозяйство было еще сложнее. Животноводческие фермы попали под пламя пожаров от снарядов и бомб. поголовье крупного скота, овец, свиней было минимальным.

Чем, мы, послевоенные дети, питались и занимались? Практически до 1953 года наша семья проживала в саманном доме. Саман — кирпич, изготовленный из желтой глины вперемешку с соломой. Пол в доме — земляной, помазанный глиной, а крыша из деревянных жердей и соломы. Такие крыши по неосторожности жильцов часто попадали под искру от печной трубы.

Не каждый год на дубах появлялись желуди. В два урожайных года на дубах было много желудей. Отец на зиму покупал два мешка ячменя. Зерно и желуди дробили на муку — побольше муки из желудей, поменьше ячменной, из такой муки получалась хорошая каша. Хорошим подспорьем были озера и река Дон, где ловили рыбу и раков.

На всю жизнь запомнился счастливый день. Мне было пять лет.

К нам в гости приехал папин младший брат дядя Гаврил. Он с войны пришел без левой руки и работал ветеринарным врачом. Дядя привез гостинцы — сумки с хлебными сухарями и несколько комковых кусков сахара. Нашей радости не было границ. Наша мама давала нам по кусочку сухарей.

Каждый кусочек настоящего хлеба мы, дети, размачивали во рту и долго смаковали. О сладости маленького кусочка сахара мы впервые узнали от нашего деда.

Одежда. Мама перешивала фуфайки, шинели. Вот в такой «шикарной» одежде я ходил до 1 сентября 1953 года, в тот год я пошел в школу.

В юном возрасте мы учились любить свою Родину.

Закончились школьные и студенческие годы, я отслужил в Вооруженных силах. Женился. В райкоме комсомола мне вручили комсомольскую путевку с направлением в колхоз, и я был избран комсомольским вожатым.

Хутор Вилтов, комплексная бригада хозяйства — зерновые культуры, овощеводство, животноводство и другие вспомогательные работы.

Память... Однажды молодые трактористы, пахавшие землю под хутором, принесли мне, комсомольскому вожаку, изрешеченный планшетный диск и обрывок красноармейской книжки Федора Смирнова. Что-то толкнуло меня: а если поискать? Кто здесь, за этой околицей остался навеки? Сколько еще неизвестных солдат? На старом Вилтовском хуторском кладбище был скромный полутораметровый металлический памятник безымянным героям, павшим за Родину.

1972 год. Расширенное заседание комитета комсомола. Комсомольское собрание хутора Вилтова и всего колхоза. Комсомольцы без раскачки развернули поисковую работу. Уже через несколько месяцев установили шестнадцать фамилий погибших. Одновременно разработали проект памятника, согласовав его с архитектором. Решили построить его не на старом кладбище, а в центре хутора. На заработанные деньги в счет субботников и воскресников правление колхоза выделило стройматериалы, и пошла работа. После трудовой смены, в выходные дни работали молодые сельчане. Большую помощь оказывали нам председатель колхоза Юрий Николаевич Голяков, все труженики хозяйства, особенно ветераны войны.

Комсомольско-молодежный отряд Вилтовской комплексной бригады стал инициатором районного соревнования в честь тридцатилетия битвы на Волге под девизом «Весеннему севу — ударный труд!».

В апреле 73-го состоялось торжественное перезахоронение павших в центр хутора, возле школы установили четырехметровый памятник из мраморной крошки в виде развернутого знамени, на котором были выбиты имена погибших.

До 8 мая комсомольцы вели работу по благоустройству нового мемориала: бетонировали надгробье и площадку вокруг, укладывали дерн, устанавливали ограду... А девятого мая прошел митинг, сельчане и родственники погибших приняли участие в торжественном открытии памятника. В честь каждого захороненного воина, в том числе и безымянных, прозвучали салюты, их произвели солдаты, присланные райвоенкоматом по просьбе комитета комсомола. Колхозная молодежь доверила мне выступление на митинге. «Следопытская работа не кончается,— сказал я,— в этой могиле лежат тридцать человек, а на мраморной плите пока шестнадцать имен. Наш святой долг — установить и занести на плиту имена остальных».

К тому времени наши следопыты выяснили, что в военное время в трех километрах от Вилтова, в лесу, близ хутора Подпешин, размещался медсанбат. Фронтовиков, умерших от ран, хоронили на Юткином бугре. Теперь нам предстояло найти списки погребенных, отыскать их родных и близких, сообщить, где нашли свой покой воины, считавшиеся безвестно пропавшими.

После Дня Победы мы обсудили план дальнейшей поисковой работы и по Юткиному бугру, и по другим военным захоронениям в нашем округе. И начали действовать. И вот на заработанные комсомольцами на субботниках и воскресниках деньги я поехал в Ленинград, в Военно-Медицинский архив, получив, разумеется, разрешение от военкомата.

По возвращении из города на Неве на комсомольском собрании колхоза решили обратиться к районным партийным, советским и комсомольским органам с предложением расширить хуторной мемориал, перезахоронить воинов из окрестных братских могил, чьи имена установили в архиве. «Добро» было получено. Одновременно в разные уголки страны полетели письма с пометкой «Письмо разыскивает родных погибшего».

К 9 мая 1974 года удалось найти родственников уже тридцати семи воинов, а в дальнейшем — пятидесяти четырех, сложивших голову в наших местах при защите Сталинграда.

Хуторяне хлебобобы-комсомольцы, активные участники создания колхозного мемориала Виктор Котельников, Александр Ракитов, Николай Адамов, Николай Александров были впоследствии награждены орденами и медалями СССР за свой ударный труд в родном колхозе. А механизатор, секретарь комсомольской организации Вилтовской комсомольской бригады хозяйства, Геннадий Котельников в дни Всесоюзной Вахты памяти, посвященной 30-летию Победы советского народа над фашистской Германией, удостоился чести встать в почетный караул у святыни советского народа — Знамени Победы.

О событиях ратных и о трудовой истории тружеников рассказыва-

ет музей. Музей оказался собранием драгоценных реликвий и документов сорок второго года. Он занимал большую школьную комнату, отлично оборудованную, с широкими окнами на солнечную сторону.

Здесь все было, как в настоящем музее: аккуратные полки и подставки для хранения документов, стекло. Под стеклом лежали найденные за Доном и в его окрестностях реликвии — память о войне. Разбитый, весь покореженный, пулемет системы Дегтярева, солдатская каска, пробитая пулей, патронная гильза от противотанкового ружья и осколки, осколки. Рядом десятки писем из Сибири, Поволжья, Дальнего Востока — от родственников и друзей.

В день, когда на открытие музея съехались жены, сыновья, матери тех солдат, которых мы разыскивали, на хуторе не слышалось ни смеха, ни песен. Даже птицы, казалось, молчали.

В засохших цветах у подножья обелиска посвистывал сентябрьский 1974 года осенний ветерок... «Загвоздин Виктор Андреевич, Ялунин Алексей Дмитриевич...» — это высеченные на обелиске имена призывников Загорского района Московской области, погибших в годы Великой Отечественной войны.

К памятному месту не зарастает тропинка. Когда на хуторе появляется на свет младенец, его родители, в подходящее время, высаживают молодое дерево. Такую почесть памяти отдают и молодожены, и юбиляры. Растет и ширится Парк памяти — Парк будущего!

Татьяна Викторовна Иванова

Тысячу четыреста восемнадцать дней, почти полных четыре года, шла Великая Отечественная война. И многие дни до сих пор отпечатались в моей памяти, будто это было еще вчера. Жизнь прожита, мне сейчас восемьдесят один год, в войну мы были детьми, подростками. Все тяготы и невзгоды мы переживали вместе со страной, со своим народом, как бы это пафосно ни звучало, но это было именно так!

Наша семья проживала в городе Загорске, в Лавре: мама, Татьяна Александровна Асмус, преподавала биологию в педтехникуме, отец, Виктор Владимирович Асмус, был на фронте с первых дней войны, три дочери — Таня, Лена и Неля. Техникум расформировали, часть эвакуировали, маму назначили директором семилетней школы № 3

(что в центре города, напротив Белого пруда, потом она стала школой № 6), там она проработала четырнадцать лет. В первые же месяцы войны город опустел, обезлюдел — люди уезжали в деревни на Восток, многие со своими предприятиями. Нам некуда было ехать, да и куда, и как с тремя детьми?!

Через город часто прогоняли гурты скота, это были отошавшие коровы, клокастые овцы и козы. Сопровождали их смертельно уставшие, чумазные подростки, старые люди в лохмотьях, ответственные за сохранность животных, а так как скот кормить было нечем, то и теряли по дороге больше половины стада. Жалкое зрелище!

Расскажу, как однажды пришлось встретиться лицом к лицу с врагом. Был конец июля или начало августа 1941 года. День выдался солнечный, теплый, небо ясное... Я держу за руку младшую сестру, ей три с половиной года, и мы идем с ней по проспекту Красной Армии, от Рыбинки к Лавре. Мостовая булыжная. Редко какая телега проедет, производя гром своими окованными колесами, да конь процокает подковами. На улице тишина... Впереди нас идет мужчина со свертком. Вдруг слышится звук летящего самолета, и тут мы видим, как нам навстречу действительно летит немецкий самолет с черными крестами на крыльях. Летит он низко-низко и четко вдоль проспекта в сторону Москвы. Мужчина, который шел впереди нас, сразу кинулся к стене Горкино и прижался, я моментально сообразила, что надо сделать так же и со всей силы дернула за руку сестрицу, да так, что с ее ноги слетела туфля, и прижалась, как тот прохожий, к стене, заслонив собой сестру Нелю. А самолет уже поравнялся с нами, и я ясно вижу лицо летчика в шлеме, который приподнял очки и смотрит на нас, наши с ним взгляды встретились. До сих пор отчетливо помню ухмыляющееся лицо этого молодого немца. И вдруг какой-то посвист: длинной строчкой побежали фонтанчики пыли по дороге. Это он, немец, стрелял из пулемета!.. Было жутко и страшно! Все это длилось секунды, но я до сих пор помню презрительный взгляд врага: что, мол, испугались? Я погрозила вслед черным крестам кулаком и стала искать потерянную туфлю зарезанной сестры. Немного погодя, с запозданием, завывали сирены. Воздушная тревога! На улицах находиться было нельзя, все были обязаны спуститься в бомбоубежище. Ближайшее бомбоубежище в Лавре было под Успенским собором, с правой стороны от главного входа (сейчас там церковная лавка). Раз два или три мы с мамой были в этом убежище, при нас был чемодан с документами и самыми необходимыми вещами, потом мы перестали туда ходить. Наружные стены в корпусе, где мы жили, были толщиной полтора метра, сарай в стене Лавры с арочными перекрытиями — надежная защита. Лав-

ру не бомбили. Бомбили в Загорске вокзал, Хотьковский мост, Краснозаводск — вечером видно было зарево на темном небе. Город был темный, без огней, жутковатый. На окнах светомаскировка: прежде чем зажечь свет, окна тщательно закрывали одеялом, плотной черной бумагой, сложенной в несколько слоев. Патруль на улицах строго следил за тем, чтобы не было видно ни полоски, ни пятнышка света. У патрульных и милиционеров были фонари с синим светом, который не видно издалека.

Каждую ночь на чердаках дежурили по двое-трое, брали на дежурство и подростков, они шли с чувством долга, берегли дома от «зажигалок», небольших бомбочек. От них все вокруг начинало быстро воспламеняться. Для ликвидации «зажигалок» на чердаках все было приготовлено: большой ящик с песком, бочка с водой, большие щипцы, лопата, совок, багор и брезентовые рукавицы.

Самыми напряженными и опасными в 1941 году были ноябрь и декабрь. Ходили слухи, что немцы на окраине Москвы, в Дмитрове, идут на нас. С немецких самолетов летчики сбрасывали листовки-агитки, но подбирать эти листовки было опасно, людей, поднявших листовки, забирали в НКВД. По ночам часто слышались выстрелы, наутро рассказывали, что поймали шпиона-корректировщика с мощным фонариком.

Зима 1941 года — лютая, холодная. Чтоб спастись от холода, надо было обзаводиться печуркой-буржуйкой. Она состояла из узкой железной бочки и длинной трубы, выведенной в форточку, и листа железа перед печкой. Горело в печке все, что под руку попадет: лестничные перила, двери, мебель, там, где еще остались заборы, были разобраны на дрова и они.

В школе занятий не было, сначала разместили в ней госпиталь, потом госпиталь перевели в «красные» казармы, что под Лаврой. Возобновили занятия в школе только в ноябре. Ученики, начиная с шестого класса, заготавливали для школы дрова, ведь отопление было печное. Плохо одетые и обутые старшие учащиеся с младшими в сопровождении одного или двух взрослых отправлялись за дровами в район Семхоза или в лес, за Сизиниху. При себе должны были иметь сани (одни на двоих), пилу и веревку. Лесник показывал нам, какое дерево и как спилить. Когда санки были полные, их отвозили в школу. Потом поленья надо было расколоть так, чтобы удобно было положить в печь, а еще нужно было заготовить тонких щепочек или надрать бересты, найти немного бумаги, затем устроить в печке перед поленьями или между ними маленький костёрчик, а они, сырые, шипят, никак гореть не хотят. Чтобы растопить печь иногда нужно было потратить час и более. В школе сидели в верхней одежде, писали в самодельных тетрадах,

которые были изготовлены из старых газет, они были ровно порезаны и сшиты нитками. Чернила в «непроливайках» отогревали на себе или же писали химическим карандашом. (Теперь таких карандашей нет.) В войну многие ребята ходили с фиолетовыми языками, так как грифель этих карандашей, прежде чем начать писать, нужно было увлажнить, поэтому их слюнявили во рту, и только потом карандашом можно было писать.

Во время войны руки детей и взрослых были исписаны химическим карандашом, так как именно на руке писали номер очереди, когда стояли в очередях за хлебом, крупой, сахаром. Все эти и другие продукты продавали по карточкам, и не всегда в магазин привозили их в достаточном количестве, часто не всем хватало. Очередь приходилось занимать с ночи или рано утром. Когда проходила проверочная переключка, знакомые всегда выручали друг друга — выкрикивали номера очередников, отсутствующих по каким-либо причинам.

Карточки делились на категории, а именно: рабочая, служащая, иждивенческая, детская. Всё по минимальной норме, карточки выдавались на месяц. И уж если они терялись или их выкрали, то в семье катастрофа! На детскую карточку давали двести пятьдесят, иждивенческую — триста, служащую — четыреста, рабочую — шестьсот граммов хлеба.

В школе учащимся полагалось в день давать кусочек чёрного хлеба и чайную ложечку сахарного песка. Были случаи, когда ребята выручали потерявшего карточки, складывая ему кусочки хлеба и ссыпая в кулёк весь сахар.

Голод — тяжёлое испытание! Есть хотелось всегда, чувство голода сопровождало тогда нашу жизнь. Мы, дети, очень любили разговоры о еде, о приготовлении разных блюд, рассказывали друг другу, что из еды видели во сне. Считали пиршеством, если дома на столе дымилась картошка в мундире, если стояла серая квашеная капуста, если давали кусочек маргарина и хлеб, в любом виде и количестве. Обычным блюдом была баланда — вода, заправленная мукой и ложкой хлопкового масла. Весной и летом в баланду добавляли крапиву, лебеду, разные травы.

Т.В. Иванова,
почетный член Совета образования

Евгений Михайлович Иванов

Думаю, что подвиг советских людей, разгромивших фашизм, сохранится в человеческой памяти на века. Ежегодное празднование Дня Победы, парад войск, демонстрация готовности к отражению любой агрессии, чествование победителей стало обязанностью власти и насущной необходимостью. Все меньше и меньше остается участников боевых действий в Великой Отечественной войне, уходят и те, кто на заводах и фабриках обеспечивал победу. Мы много знаем об участии молодежи в подполье, тылу врага, партизанских отрядах. А что делали для Победы мы, дети

войны, родившиеся после 1927 года. Как нам жилось?

22 июня 1941 года в нашей округе (деревня Власово, Яковлево, Федотово Орехово-Зуевского района) проводилось массовое гуляние: играли в футбол, пели песни и плясали под балалайки и гармошки, работали выездные буфеты, где предлагались морс, мороженое на палочках, вино, ликер. В самый разгар веселья, в тринадцать часов тридцать минут, по радио (деревни в то время уже были электрифицированы и радиофицированы) диктор густым баритоном объявил о том, что гитлеровская Германия вероломно, без объявления войны, напала на Советский Союз. Закончился футбол, закончилось гуляние. У многих на глазах появились слезы. Дома мой отец, Михаил Макарович (1899 года рождения), собрал всю семью — мать, бабушку, братьев 1927, 1929, 1939 года рождения, меня (1932 года рождения) и объявил программу действий: через две-три недели он будет призван в Красную Армию. Завтра все — он, старшие братья и я — уезжаем на Тимонинское озеро (примерно в пятнадцати километрах) и срочно заготавливаем сено для коровы и дрова для отопления дома. За десять дней мы заготовили три стога сена и восемь кубометров березовых дров. Это осталось в памяти потому, что отец обеспечил нас на всю зиму теплом и молоком, а спустя две недели, он действительно был призван в армию. Так началась военная пора и наша жизнь без отца.

Вскоре, буквально через три недели после начала войны, в наших местах проводилась передислокация и формирование войсковых частей. Солдаты и офицеры непрерывным потоком проходили через нашу деревню. Мы радостно встречали их, выполняли их просьбы (поили водой, приносили лекарства или кусочки мела — от изжоги).

Военные давали нам подержать автоматы, надевали на наши головы каски. А один офицер, положив каску у пня, дважды выстрелил в неё из пистолета. Раздался сильный звон, но каска не была прострелена. Эту, проверенную, и еще одну он подарил нам, детям. Мы их поочередно надевали на покрытые головы и били палками по каскам. Боли не ощущалось, только сильный звон стоял в ушах. Так мы на своих головах проверяли на прочность воинское снаряжение.

Ближе к осени 1941 года в соседнем селе Яковлево, на колокольне церкви, был установлен и телефонизирован наблюдательный пункт. Вначале женщины, а потом и мы по графику заступали на дежурство. Нашей задачей было наблюдать, а потом и сообщать на почту о появлении на перекрестке дорог посторонних людей и о пожарах на торфяных полях. Эту информацию передавали в военкомат города Орехово-Зуево. Старшие братья уже на следующий год начали работать на Тубинском торфопредприятии. Заготовленный сухой торф (фрезер) буртовался в штабеля в течение всего лета, затем по узкоколейке вагонами он доставлялся на Шатурскую теплоэлектростанцию, Ореховский торфобрикетный завод и ТЭЦ. Подобные торфопредприятия имели стратегическое значение, так как они обеспечивали снабжение Москвы электроэнергией и брикетами.

В каждой деревне перед войной все жители, исключая тех, кто работал на предприятии, были колхозниками. Они имели усадьбы площадью шестьдесят соток земли, не колхозники имели по пятнадцать соток. Машин не было. Все работы — пахота, посев сельскохозяйственных культур, уборка, скирдование сена, заготовка дров для себя, школы, клуба, почты и так далее — выполнялись с помощью лошадей.

Все зависело от «лошадиных сил». Поэтому все относились к лошадям бережно. Мы, дети, заботились о них: отправлялись верхом в ночное, пригоняли, запрягали, купали. Каждая лошадь знала нас. Мы закреплялись за ними. Очень часто лошади проявляли свой нрав: вместо борозды возьмёт да пойдет поперек. Когда она устанет, остановишь её, начнешь хлестать кнутом и плакать от бессилия, а она отдохнет и пойдет дальше.

Всё лето деревенские дети, начиная с десяти лет, выполняли в колхозе весь объем намеченных сельскохозяйственных работ. Ранней осенью, когда начиналась уборка (а сеяли зерновые, сажали картофель, капусту, свеклу, турнепс), нам ставили задачу — вывезти на заготовительный пункт корзины и мешки, заполненные овощами. Часто эта работа заканчивалась затемно. Иногда приходилось пропускать занятия в школе: уставали, недоедали, но колхозные задания выполняли.

Из мужчин в колхозе было пять человек: председатель — Иван

Ефимович Салов (он без ноги) и четверо старших, которые выполняли работу по ремонту сельскохозяйственного инвентаря, саней, телег, сбури и так далее. Они также кормили лошадей, коров, овец и другую имеющуюся в колхозе живность.

В течение всех военных лет колхозники, в чьем личном подворье были коровы, обязаны были каждое лето сдавать государству по сто восемьдесят — двести двадцать литров молока. После вечерней дойки кто-то из семьи сдавал по два-три литра молока приёмщику, который, после визуальной проверки молока, заливал его в бидоны, и три-четыре бидона ежедневно отправляли на молокозавод. Это молоко я каждый вечер на лошади возил в Губинский молокозавод, который находился на расстоянии шести километров от нашей деревни. Возвращался я уже затемно, к рассвету. Местность вокруг болотистая, лесная. Конечно, было страшно!

Вокруг наших деревень располагались торфяные поля Губинского торфопредприятия. Учитывая важность обеспечения Москвы электроэнергией, некоторые деревенские мужчины имели бронь от призыва в армию. В непогоду (дождь) работы на предприятии прекращались, и они часто помогали женщинам и нам выполнять работы в колхозе, особенно во время покоса. Многие дети, даже сверстники, прекращали учебу в школе — работали у станков, а также сцепщиками на тракторе ХТЗ (универсал — таков тракторный парк того времени).

До войны у нас в доме висела карта с довольно крупным масштабом Европейской части Советского Союза. Каждое утро, без пяти минут шесть Всесоюзное радио передавало известия с фронтов боевых действий: «После тяжелых и кровопролитных боев наши войска оставили города: ...и другие населенные пункты». Голос Левитана слышу, как сейчас. Я ежедневно на карте синим карандашом отмечал крупные населенные пункты. Так было до декабря 1941 года. После разгрома немцев под Москвой я особенно старательно вслушивался знакомый голос: «В результате тактических операций стремительного наступления фронта под командованием... были разгромлены немецко-фашистские войска... и освобождены города... железнодорожные станции... и другие населенные пункты...». Я отмечал эти города на карте, обводил уже красным карандашом и ежедневно информировал сверстников и учителей, которые не могли слышать по каким-либо причинам радио, об этих радостных вестях с фронта. Уже осенью 1941 года при пахоте и других работах мы находили листовки, которые сбрасывались немецкими летчиками. В них они призывали переходить на немецкую сторону, оказывать содействие немецкой армии, хранить эти листовки, так как они будут служить доказательствами лояльного отношения к фа-

шистской Германии. Мы же собирали их и сжигали. Вечером, в сумерках, выходили на улицу и подолгу всматривались в небо над Москвой. Прожектора, начиная с сумерек, непрерывно выслеживали вражеские самолеты и, найдя их, вели, пока зенитные батареи не уничтожат. Так воочию мы убеждались в стойкости защитников Москвы.

Осенью (уже выпал снег) получили задание: каждая семья (подворье) должны заготовить и сложить в лесу по восемь кубических метров на двор. На руках матери двухлетний ребенок, нам 14, 12 и 9 лет каждому. В течение трех дней мы это задание выполнили. Колхоз заготовил столько дров, что их два месяца вывозили на станцию.

Наступали холода. Первая военная осень. Мать и бабушка вязали носки, перчатки, варежки с двумя пальцами, завертывали их в старую ткань и уносили на почту для отправки на фронт. У нас же, на троих, были одни валенки, и мы поочередно ходили гулять. Телогрейки и бурки (стеганные ватные бахилы с калошами, изготовленные из резиновых камер) — вот и вся одежда наша одежда.

Первые месяцы войны научили нас, как надо бороться за жизнь и выходить из, казалось бы, безвыходного положения, сообщая встречать горе и радоваться первым встречам с фронтовиками.

С начала 1942 года в деревню стали приходить извещения о гибели односельчан. И каждый житель считал своей обязанностью без приглашения прийти в дом вдовы со своими скудными продуктами и выразить соболезнование. Чаще всего это заканчивалось общим скорбным плачем. Мы, ребяташки, забравшись в угол, наблюдали и вытирали первые в своей жизни скорбные слезы. Но были и радостные случаи, когда в связи с передислокацией на фронте, командировкой, на денек, заезжал какой-нибудь служивый, и тогда радость заполняла души всех односельчан. Но счастье было коротким! Расставание заканчивалось опять слезами. Нам, мальчишкам, разрешалось подержать и даже пострелять из автомата. Печаль и радость сплывали всех!

Всё чаще стали приходить с фронта раненые и даже искалеченные. Некоторые изготавливали для себя всякие приспособления и в меру своих сил помогали колхозникам.

После разгрома немцев под Москвой все больницы города и районов обрели госпитальный режим: круглосуточное пребывание медперсонала, круглосуточный прием больных.

Летом 1942 года мы получили письмо от отца. Он сообщал, что подо Ржевом его ранило, и он находится на излечении в госпитале города Вичуги Ивановской области.

Мать немедленно собралась в госпиталь и меня с собой взяла. В городском военкомате ей выдали разрешения на проезд в поезде. Это

позволяло получить билет и пройти в вагон. Все вагоны поезда были переполнены. Мы простояли всю ночь в тамбуре. Многие сидели на крышах вагонов и даже висели на подножках. Никто не возмущался, не требовал удобств. К вечеру следующего дня мы прибыли на станцию Вичуга и пять километров добирались до школы (бывшая барская усадьба), где и находился госпиталь.

Всю дорогу до госпиталя нам встречались раненые в зеленых утепленных халатах, которые охотно вступали в разговор и завидовали нам. Пройдя ограду, мы увидели многих раненых, спящих под кустами сирени. Вдруг мать остановилась: «Женя, посмотри внимательно! Узнаешь кого-нибудь?» «Нет, пойдем дальше!» В этот момент один из спящих под кустом сирени открыл глаза и с радостью окликнул: «Груня! Женя!» Встреча с отцом в госпитале Вичуги навсегда осталась в моей памяти!

Мы нашли дом, хозяйка которого пустила нас на ночлег и даже угощала нас картофельными блинами (дерунами) и чаем со смородиновым листом.

По возвращении домой мать активно добивалась перевода отца в госпиталь города Орехово-Зуево. Спустя два месяца, когда угрозы гангрены уже не было, его перевели в госпиталь, поближе к нашему дому. И мы стали чаще видеться с отцом.

Успехи на фронте, присутствие отца удваивали силы.

В школе нас всегда учили брать пример с бойцов на фронте, нам говорили: «Вы должны добиваться успехов, как бойцы на фронте, вы должны радовать отцов и старших братьев хорошей учебой». Убеждали и предупреждали нас: «Вот сообщим о ваших неудачах на фронт!»

Постепенно мы стали привыкать к трудностям, полуголодному состоянию. Душу грели встречи с ранеными, вернувшимися с фронта, некоторые из них уже устраивались на работу на торфопредприятие и обучали делу нас, подростков.

В летние каникулы, помимо работы в колхозе, на меня была возложена обязанность письмоносца. Я каждый день к четырнадцати часам приезжал на велосипеде на почту, в сельский совет деревни Яковлево. Мои ноги не доставали до педалей, я крутил педалями под рамой, а брезентовая сумка в это время была по спине. Однако это не мешало мне за какие-то пятнадцать-двадцать минут развезти письма по деревне и свежие газеты. Женщины, которые длительное время не получали вестей от мужей, пугались меня. Вдруг я «казенную бумагу», извещение, принес?

Однажды произошел такой казус. В воскресный летний день отец приехал из госпиталя — ему разрешили врачи, он уже хорошо шел на поправку. Все сидели за столом, соседи пришли. Я привез почту и го-

ворю матери: «Тебе официальное письмо!» Она говорит: «Отдай папе!» — он вскрывает письмо и читает: «Уважаемая Аграфена Петровна, ваш муж, Михаил Макарович, погиб смертью храбрых под городом Ржевом... Этот документ является основанием для оформления льгот вам, как жене погибшего мужа».

С успехами на фронтах зрели и мужали мы, подростки, дети войны. Мы успешно выполнили план по добыче торфа, справлялись в колхозе с заданиями по уборке и вывозу овощей. Несмотря на то, что по-прежнему все было подчинено фронту, недоедание и моральное напряжение уже не так угнетали, как раньше. В деревне становилось многолюднее, установилось регулярное пассажирское сообщение по узкоколейке между городами Орехово-Зуево и Шатура.

Вспоминается ранняя осень 1944 года. Мы всей семьей занимаемся покосом. Заготавливали сено для колхоза (двенадцать процентов из них — для себя) на заливных лугах реки Нерской. Неглубокую речку переходили вброд, но весной она разливалась на несколько километров вокруг. Покос, как правило, начинался чуть засветло и к десяти часам утра уже заканчивался. Накосившись «досыта», сели отдохнуть на свежих валках травы и вдруг слышим незнакомый говор. На другом берегу появились примерно десять-двенадцать человек в тёмно-серых шинелях. Немцы! Их сопровождал их человек, плохо говорящий по-русски. Я наобум стал выкрикивать немецкие слова, которые узнал в школе: «Хандехох!» Эта была первая встреча наша с немецкими солдатами, о которых ежедневно слышали по радио и от фронтовиков. Но почему-то ни страха, ни ненависти к ним я уже не испытывал.

Довольно часто вечером, обычно в субботу, мы ходили на торфопредприятие в клуб, где обязательно перед фильмом показывали военную хронику, одну или две части. Эти фильмы наглядно дополняли информацию о боевых действиях на фронтах, полученную нами по радио. Мы глубоко проникались увиденным: подвигами и мужеством наших бойцов, партизан, подпольщиков, закаляли себя, стремились подражать их стойкости и мужеству.

Шло время, близился конец войны. Наконец по радио прозвучало долгожданное: «Победа!» Мы узнали об этом первые в деревне. У нас был трофейный, без футляра, радиоприемник. Радостью оглушали слова: «Победа, разгром фашистских оккупантов». Родители заставили нас бежать по деревне и до хрипоты кричать: «Победа!» Флагов не было, даже на сельсовете, так мы нашли у бабушки в сундуке красную юбку, разорвали её на два куска, привязали к жерди и водрузили знамя на крыше. Для нас, ребятишек, День Победы — это был верш радости и торжества, для взрослых — радость и горе.

Закончилась война, но основной контингент военнослужащих, призванный на войну, оставался еще в армии. Массовое увольнение началось лишь в 1950 году.

Многие молодые демобилизованные пошли учиться в вузы, они зачислялись на льготных условиях, без экзаменов. А знания школьных программ у многих были напрочь утеряны. Мы обучались в Орехово-Зуевском пединституте, в нашей комнате общежития было двенадцать человек. Лишь двое, я и Евгений Филиппов, со школьной скамьи, остальные были фронтовики. Общежитие размещалось в полуподвале мужской средней школы № 1. Почти каждый вечер после окончания занятий в школе мы поднимались в класс на третий этаж, и штудировали школьную программу по математике. Буквально с азов мы и фронтовики восстанавливали в памяти программы по алгебре, геометрии, тригонометрии и так далее. Результат — успешно сдали экзамены за первый семестр. Нас, бывших школьников, поражаало трудолюбие этих людей, вернувшихся с фронта, их ответственность и даже рвение. В свою очередь, это отражалось и на нас, мы брали с них пример. Мы отлично окончили вуз и весьма успешно трудились на ниве просвещения.

Спустя много лет я с семьей был направлен в ГДР на работу в качестве директора школы в группу советских войск. Там я познакомился с бывшим военнопленным, который попал в плен под Калугой. Он восхищался стойкостью, терпением советских женщин и детей. В лагере военнопленных он отвечал за банное дело, и сэкономленное мыло передавал нашим женщинам и детям. Это был Гюнтер Нойке — коммунист, учитель русского языка в школе имени Эрика Медера, он жил в округе Лейпциг в городе Альтенбурге на Клайсштрассе, 2. Гюнтер был не только первым переводчиком в гарнизоне, но и активным антифашистом, искренним другом советских людей. Когда-то в детстве мы считали всех немцев фашистами и ничего не знали об антифашистах. А позже (так вышло) были долго и крепко связаны дружбой с семьей Г. Нойке.

Вспоминая и оценивая прожитую жизнь с высоты сегодняшних дней, могу сказать, что военный период для нас, детей войны, был трудным экзаменом на выживание. Мы рано выросли, наравне со взрослыми тянули лямку непосильного труда, сопереживали, радовались успехам и скорбели со взрослыми о погибших в этой долгой и страшной войне. И нам предстояло ещё выживать в не менее трудное, послевоенное, время, особенно тем, чьи отцы-кормильцы не вернулись с фронта.

Инна Викторовна Ищенко

Я родилась в 1929 году. Речь Молотова я услышала по радио. Наша семья жила тогда в пригородном селе Ивановское, в трех-четырех километрах от города Волоколамска. В селе было много различных предприятий. На одном краю села — Льнозавод, рядом — бывшая усадьба Безобразовых с прудами, парком, церковью, начальной школой, почтой и сельскохозяйственным техникумом. За рекой Ламой, которая служила границей села, находился рабочий поселок. В поселке была большая ткацкая фабрика имени Ленина, средняя школа, Дом культуры, баня, хлебопекарня и магазины. Жители села пользовались близостью поселка: многие сельские жители работали там, а мы, дети, с пятого класса учились в школе.

Колхоз сеял много льна, и каждому подростку наделялся большой участок, за которым и ухаживали: пололи, выдергивали, связывали в снопы. Мы, дети и подростки, вырабатывали положенные за пятьдесят соток колхозной земли трудодни. Родители же в основном работали на производстве, а бабушки и подростки — в колхозе.

За первые два-три дня Великой Отечественной войны все мужчины были призваны на войну. В трех километрах от нас находился военный аэродром, и западный фронт быстро продвигался к Москве, немцы уже каждый день бомбили этот аэродром. Наши зенитки их отбивали, и немцы сбрасывали бомбы на наши дома. Позади домов были вырыты окопы, в которых мы спасались от бомбежек. Для того чтобы обнаружить цель, немцы часто сбрасывали зажигалки, а мальчишки, чтобы спасти наши дома, бегали с ведрами и тушили их. А зажигалки сбрасывали не по десятку!

И вот наши войска стали отступать. Шли в основном по ночам, а утром останавливались у нас на отдых. Отступала и конница генерала Доватора: солдаты были измучены, а лошади, обессиленные, валились на землю прямо в седлах. Мы, чем могли, помогали нашим бойцам: варили для них картошку, пока кухня отдыхала, кормили лошадей.

Наши семьи готовили к вывозу на Волгу, мы должны были заселиться в колхозы Республики немцев Поволжья, чьи граждане, обрусевшие немцы, были за сутки вывезены. Республика располагалась на противоположной стороне Волги, против Саратова, и там же был

единственный через Волгу железнодорожный мост, через который наши войска шли к Сталинграду. Немцев заподозрили во взрыве этого моста, и их всех, всех до одного, за одни сутки вывезли на Алтай и в Сибирь. Им было разрешено брать с собой по одной тонне имущества. А немцы были зажиточными, их колхозы были очень богатыми!

Территория этой республики была очень большой, это несколько больших районов: Фриденфельдский, Эренфельдский, Экгаймский. И вот все это нажитое богатство было брошено: фермы со скотом, урожай в полях. Животные гуляли в степи — крупный рогатый скот, свиньи, овцы.

Когда немецкая армия подошла к Ржеву (сто двадцать километров от города Волоколамска), весь фабричный актив с семьями свезли на станцию, посадили в товарные вагоны и отправили в путь. На сортировочной нас настигла немецкая авиация, и всех срочно отправили в убежище, потом мы долго собирались, разыскивая свои вагоны.

Добирались до места долго, около месяца, пропускали все военные поезда. Выгрузились на станции «Лепехинская» и на повозках поехали дальше, в колхозы.

Распределяли нас по пустым деревням. Мы возвращали на фермы гуляющих по степи животных. В колхоз начали поступать комбайны, а мы работали на быках и верблюдах. Хлеб на базы для обмолота свозили на быках, а они чаще всего нас не слушались, не хотели в степь, за деревню заедут и назад. Приходилось создавать обозы верблюдов: за уздечки привязывали верблюдов к саням (рыдванам), идущим впереди.

Глубокой зимой в амбарах сидели и выколачивали палочками семечки. Помогали взрослым на фермах. В степях приварка никакого не было — одно пшено и пшеница, спасали семечки. Поэтому до сих пор подсолнечное масло не люблю.

В феврале 1943 года нас вернули обратно в родные места — восстанавливать фабрику и колхоз. И опять — работа и работа! Деревня почти вся была сожжена, фабрика разрушена. Школы не работали. В центре города Волоколамска несколько школьных зданий уцелело, но ходить за три-четыре километра тяжело, и мест свободных в школах не было.

В 1943—1944 годах я работала в своем колхозе. Разруха была полная! Остались две лошади — раненая Казачка и маленький Монгол. Вот и все имущество!

Самый голодный год — 1943-й. Помню, мы ходили пешком на станцию (это пять километров от села) и носили в колхоз в рюкзаках по ведру семян для посева. Родители, впрягаясь в плуг по три-четыре человека, пахали землю. В это время горком направил мою маму в колхоз председателем. Значит, я должна была подавать пример детям. Мне приходилось выполнять всю трудную работу. Например, шестью метра по четыре вдвоем скирдовали (носили по крестушке) снопы с зерном. Хорошо, если поле без пригорков, а если с пригорками...

1944 год. В сентябре стали учиться в городе, там восстановили несколько школ, и мы ходили пешком в ту школу, которая находилась в трех километрах от села. Летом же опять работали на колхозных полях.

На своих пятидесяти сотках стали сеять пшеницу, выделяли на нее соток пять-десять. Нам, колхозникам, карточек не давали, поэтому хлеб негде было взять. Мололи зерно на ручных мельницах цепами — это две палки, привязанные концами друг к другу не очень туго. Одну палку нужно держать обеими руками, а другой палкой бить по снопам, расстеленным на полу или брезенте. Вот так мы получали муку и пекли из нее лепешки.

В 1945 году в магазинах появился хлеб, но купить его было не просто. Очередь занимали с вечера и сидели всю ночь на ступеньках магазина, потому что хлеб быстро раскупали.

В 1945—1948 годах училась в Зооветеринарном техникуме, и по его окончании я была направлена в город Дмитров на должность зоотехника в Якотский зооветеринарный участок.

В 1949 году я вышла замуж, и мы с мужем уехали в Литву, где в это время начали создавать колхозные фермы и колхозы под прикрытием краснопогонников. Вскоре наш артиллерийский полк переехал в город Каунас. Я в это время училась в Ветеринарной академии. Затем полк выехал в Добеле (Латвия). А в 1955 году артбригада была направлена на Камчатку (на замену), а при проходившей тогда массовой демобилизации нашу артбригаду расформировали и всех демобилизовали.

Я приехала в город Загорск, окончила Орехово-Зуевский педагогический институт и двадцать четыре года проработала в системе гороно.

В.К. Кашин

Вспоминая детство

Когда началась война, мне было четыре года, но всё равно помню, как страшно было сидеть в подвале хозяйственного сарая во время бомбёжки. Бомбили станцию «Сильницы» Ярославской железной дороги.

Мы жили в деревне Хмельники на съёмной квартире в доме, который находился в пятистах метрах от станции, впятером: папа, мама, я, сестра и тётя Дуня, сестра папы. Все наши родственники жили в соседней деревне Гусарниково. Перед самой войной тётя Дуня приехала в Ленинград учиться и погибла от голода в блокаду. У папы было два брата и пять сестёр. Шесть человек — отец, три сестры и мой дед ушли на фронт. У мамы было четыре сестры и брат. Ушли на фронт двое — сестра и младший брат.

Отец ушёл на фронт в сентябре 1941 года. Мама осталась со мной и с сестрёнкой, которая родилась ровно за месяц до начала войны. Мама работала директором Хмельниковской семилетней школы, но вынуждена была из-за детей и жилья перейти работать учительницей в Гусарниковскую начальную школу. Мы стали жить у бабушки, Марии Фёдоровны Муравьёвой.

Гусарниковская школа размещалась в двух зданиях: в здании бывшей церковно-приходской школы (две классных комнаты и квартира технички) и на втором этаже здания сельсовета (одна классная комната). В 1944 году я пошёл в первый класс. В первом классе я сидел за одной партой со своей тётей Шурой, которая училась в четвёртом классе. В самой большой классной комнате занимались два класса, в нём же проводились колхозные собрания, выборы, новогодние праздники. У меня навсегда осталось в памяти неизгладимое впечатление от школьных наглядных пособий, оставшихся по наследству от церковно-приходской школы: глобус с вращающимися вокруг него планетами, картины по истории и о сельском труде.

С первых дней учёбы нас, учеников, приучали к труду на школьном огороде. Во главе с учителями Варварой Васильевной Барашковой, Александрой Дмитриевной Кашиной, Зоей Алексеевной Кабешевой, мы помогали колхозу «14-й Октябрь» на прополке турнепса и свёклы, уборке цикория. Дети укладывали снопы в риге, убирали солому во время молотбы. И главное занятие детворы — сбор зелёного горошка.

Колхоз засеивал горохом большие площади. Сдача одного килограмма зелёного горошка (в стручках) засчитывалась за три килограмма ржи. В день я, семилетний мальчуган, собирал две большие корзины стручков. Мои трудодни записывали маме. После уборки гороха омёты гороховой соломой были для нас, детей, любимым местом для игр.

Во время войны в нашей семье одна продовольственная карточка была на маму и половина — на нас с сестрой. Зимой на трудодни мама и бабушка получали немного ржи, но в основном выдавали сухой горох. Горох мололи на деревенской мельнице. Бабушка выдумывала блюда из гороха: гороховый кисель, пареный горох, суп гороховый и даже пироги с горохом.

От голода семью спасала корова, картошка и лук со своего огорода. Молоко мы, дети, почти не видели. Нужно было сдать государству триста литров молока с коровы в год. И лишь остатки молока можно было съесть самим. Бабушка, у которой не было карточки на продовольствие, часто ходила на станцию, носила на коромысле в корзинках пол-литровые банки с топлёным молоком. Молоко она меняла на хлеб. В самый её удачный день молоко обменивалось на буханку чёрного хлеба. Летом подспорьем были грибы и ягоды. На чердаке сушили рябину, калину и орехи. Но самым незабываемым лакомством военного детства запомнились тоненькие бутерброды — черный хлеб, намазанный морковным джемом, которые выдали детям за хорошую работу в поле. Вкус того военного морковного джема не сравнится ни с чем.

Война мне запомнилась ежегодным мероприятием по мобилизации лошадей в Красную Армию и колхозными праздниками. В сельсовет приезжала комиссия из Петровского района. Из всех колхозов приводили коней. Отбор производился на площади перед сельсоветом. Специалисты осматривали их, замеряли рост, проверяли зубы и копыта. Праздником для нас была показательная выездка. На отобранных конях ребятам разрешали проехаться.

Даже в трудное военное время после уборки урожая проводились колхозные праздники, обычно в самом большом доме деда Воронина. Взрослые в основном одни женщины, сидели за скромным столом, пили брагу, разговаривали, читали письма с фронта, плакали, а потом пели песни и плясали. Мы, ребята, сидели в горнице или на печи. Для нас было приготовлено сладкое угощение: в большое блюдо наливался мёд, в который крошился чёрный заварной хлеб, и мы лакомились с помощью деревянных ложек.

В памяти остался день — 9 мая 1945 года. Мы с мамой уже собрались в школу. Помню, сижу на крыльце, а мама еще одевается. Вижу, с горы, от житницы, бежит тётя Зоя, папина сестра, размахивает красным платком, плачет и кричит: «Победа, победа!» Тётя Зоя первая в

деревне слышала по радио о Победе, так как радио было только в одном доме, у деда. Он до войны был председателем колхоза. Тётя побежала к соседям, а мы пошли в сельсовет.

Из всех окрестных деревень, из железнодорожных будок взрослые и дети сбежались к зданию сельсовета. Был митинг. Я плохо слышал, что говорили взрослые — председатель сельсовета, председатель колхоза М.П. Веткина, потому что все плакали, рыдали и ревели. И как не плакать, если только из сорока домов деревни Гусарниково с фронта не вернулись 33 односельчанина?! Не лучше положение в соседних деревнях.

Первым с фронта вернулся мой дед, Александр Фёдорович Кашин, демобилизованный по ранению в 1943 году. В этом же году с фронта вернулись три мои тёти. Вскоре у меня появились два двоюродных брата и сестра, а из их отцов вернулся только один. В течение 1945—1946 годов пришли с фронта все оставшиеся в живых или покалеченные. Отец вернулся осенью 1945 года. Он привёз в вещмешке сладких яблок. Я их так наелся, что много лет не мог яблоки есть. Ещё отец привёз маленький аккордеон. Играть я не научился и подарил его однокласснику Коле Кириллову, который несколько лет обеспечивал деревенскую молодёжь весельем и танцами.

Самыми тяжёлыми послевоенными годами были 1946—1950. Плохо было с одеждой, постоянно хотелось есть. Бабушка мне говорила, что я счастливчик — до войны манную кашу ел, а сестрёнка её и не пробовала. Все ребята с нетерпением ждали весны, чтобы насытиться щавелем, молочаем, рогозом, осокой и другими травами. Мы собирали яйца дроздов, сорок, чаек. Особенно любили половить раков в их норах.

В 1949 году после окончания начальной школы, я поступил в Петровскую среднюю школу, единственную в районе. Гусарниковских ребят в школу ходило семь человек. В школу ходили пешком — четыре километра по железной дороге и примерно полкилометра по посёлку. Зимой ходили на лыжах. Очень опасно было ходить во вторую смену, особенно осенью — темно и, кроме того, дорога проходила через выемку с двумя поворотами, где была плохая слышимость. Иногда, по возвращении из школы, если на станции останавливался состав для заправки паровоза водой, мы дожидались отправления и на подножках доезжали до деревни, прыгая на ходу. Были случаи хулиганства: мы перекрывали светофор с зелёного света на красный. Поезд останавливался, и мы привычным способом добирались до деревни. За это нам попадало от железнодорожников.

В пятом классе меня приняли в пионеры. Я шёл из школы счастливый и гордый. Всем, кто шел на встречу, показывал красный галстук и говорил, что я пионер.

Летом и осенью, как все школьники, работал в колхозе на покосе, уборке картофеля, цикория, капусты и так далее.

В 1954 году прозвенел последний звонок. Сдал все школьные экзамены и экзамены для поступления в Ивановский химико-технологический институт. Из института пришло извещение, что я принят на первый курс. По этому извещению я получил паспорт и отбыл в Иваново. Детство закончилось.

Диана Викторовна Кожущенко

Хотьковская больница

Я родилась 27 апреля 1929 года в городе Сталинграде в семье служащих. Отец работал инженером на Сталинградском тракторном заводе, а мать — учительницей младших классов.

Жили мы в поселке Сталинградского тракторного завода. До 1942 года училась в средней школе и до войны окончила пять классов.

Когда началась война, отец был призван в армию. Мама, я и младшая сестра из-за сильных бомбежек летом 1942 года были вынуждены перебраться на жительство к бабушке, проживающей в частном доме в районе «за полотном» (железной дорогой). Уже в июне-июле 1942 года немцы захватили этот район, не дойдя до железнодорожной станции, за которой располагался центр города. В сентябре нас, как и других жителей этого района, немцы выгнали из жилых помещений, и пешими погнали куда-то в западном направлении. Пешком с котомками нас пригнали на какую-то железнодорожную станцию и погрузили в открытые грузовые вагоны и довели до станции «Белая Калитва», выгрузили из вагонов и загнали в бараки, расположенные в степи, где продержали несколько дней. Там у нас умерла бабушка. Через несколько дней нас снова выгнали из барака, вновь погрузили в вагоны и повезли в западном направлении. Когда состав остановился на станции «Лихая», мы вместе с еще одной семьей сбежали, и нас приютил железнодорожник в своей будке. Какое-то время спустя мы перебрались в город Каменск Ростовской области, который был освобожден советскими войсками. При освобождении этого города погиб наш дедушка.

Когда мы вернулись в Сталинград, город нельзя было узнать. Его не было! Районы частных построек были полностью разгромлены, жилой поселок тракторного завода разрушен. Прямым попаданием бомбы не стало дома, в котором мы жили до войны. Мама с бабушкой без мужской помощи из остатков разрушенных частных домов соорудили что-то похожее на сарай, где нам и пришлось обитать.

Незадолго до окончания войны отец был направлен на восстановление комбайнового завода в город Херсон, куда мы и переехали в 1945 году. Там я поступила в машиностроительный техникум, который окончила с отличным дипломом и получила специальность техника-теплотехника.

В 1949 году я поступила в Московский химико-технологический институт имени Д.И. Менделеева, который окончила в 1954 году со специальностью «химик-технолог», и согласно направлению поступила на работу на тогда еще строящийся Загорский лакокрасочный завод. Пока завод строился, мне пришлось работать и секретарем директора, и машинисткой, и кассиром. После ввода завода в эксплуатацию я работала мастером, затем начальником смены цеха летучесмоляных материалов, а затем старшим инженером технического отдела.

В 1961 году, по приглашению директора, перешла работать в Научно-исследовательский институт лакокрасочных покрытий (НИИТЛП) начальником научно-технического отдела, в котором проработала до дня выхода на пенсию.

В 1995 году по просьбе руководителя, в связи со сложившейся неблагоприятной ситуацией, согласилась работать в Хотьковской городской больнице в должности регистратора, а затем медстатистиком, где продолжаю работать и в настоящее время.

В 1997–1998 годах на основании решения Сергиево-Посадского Федерального районного суда Московской области управлением Пенсионного фонда я была признана малолетним узником фашистских лагерей и согласно указу Президента РФ от 15 октября 1992 года № 1235 приравнена в правах и льготах, установленных для участников Великой Отечественной войны.

В 1954 году, после окончания института, я вышла замуж за Бориса Алексеевича Кожушенко. В 1956 и в 1960 году у нас родились сыновья. К великому сожалению, старший сын погиб и осталось двое детей. В связи с недостойным поведением их матери, я была вынуждена взять опеку над своими внуками, что подтверждено постановлением главы администрации Сергиево-Посадского района Московской области.

За прошедшие годы внуки стали выросли. Девочка окончила с отличием профессиональное училище № 22 в городе Сергиев Посад, а затем и институт. Успешно работает бухгалтером. Мальчик окончил киновидеотехнический колледж. Очень нелегко было, как говорится, поставить их на ноги. Но с помощью доброжелательных и отзывчивых людей дети не были заброшенными и не опустились до уровня уличных бродяг.

До сих пор не забывается забота и хлопоты мастера училища Ма-

рины Вячеславовны Сидориной. Невозможно забыть и помощь заместителя директора колледжа Сергея Павловича Акентьева и преподавателя Ольги Владимировны Павловой, которые помогли мне в воспитании внуков.

Сколько хлопот, заботы и помощи получила я от людей, от которых зависел быт детей, как помогли мне в те трудные дни бывший директор ХРЖЭП А.Н. Саватеева, руководители НПО лакокрасочные покрытия О.М. Матвеев, В.Н. Ратников, В.Г. Кругинов, соседи по дому — М.М. Кабанова, Н.А. Миронова, Т.В. Смирнова.

Неоценимую помощь в воспитании детей и создании для них терпимых жилищных условий оказали мне главный врач Хотьковской городской больницы Л.А. Жанова, бывший глава администрации города В.И. Свириденков, бывший секретарь парткома НПО Лакокрасочные покрытия Ю.В. Агеев.

Огромную помощь и поддержку получила я и от тогдашнего инспектора по работе с несовершеннолетними — Людмилы Васильевны Савельевой.

Лидия Васильевна Комкова

Я родилась 2 февраля 1938 года в деревне Ильинка Хвастовичского района Брянской области (теперь наш район относится к Калужской области). Мои родители — Василий Семенович Стребков и Прасковья Романовна Стребкова — потомственные крестьяне, работали в колхозе «Красный луч».

Когда началась война, мне было четыре с половиной года. Двадцать второго июня, как только узнали о начале войны, в деревне начался ужасный крик, плач женщин и детей. Такой плач продолжался до начала июля, пока всех мужчин не проводили на войну. Мы все очень плакали, провожая папу, особенно мама. Ведь она ждала второго ребенка.

Немцы приближались к нашей деревне. Шестого сентября моя мама родила сестренку Валентинку. В этот день стоял ужасный грохот от взрывов снарядов. Мы все сидели в погребе и дрожали от страха. В это время над деревней пролетел немецкий самолет и сбросил бомбу. Во всей деревне из окон вылетели стекла. Мы же в это время сидели в погребе и кричали от страха. Мама держала на руках только что родившуюся девочку. Я смотрела на плачущую маму и успокаивала ее: «Мамочка, не плачь, я не боюсь, и ты не бойся!» Когда все стихло, мы побежали смотреть на воронку от бомбы, она находилась в пятидесяти метрах от нашего дома.

Каждый вечером по улице проходил почтальон, и все со страхом смотрели, к кому он пошел. Хорошо, когда почтальон приносил письмо, но все боялись — не похоронку ли он несет. И тогда начинался плач, стоны, крики. К этому дому тянулись соседи, родственники и плакали всю ночь.

В нашем доме старшей была бабушка, Пелагея Ефимовна, мама моего папы. Ее старшая дочь Татьяна жила в городе Балашиха Московской области. Ее двое детей приехали к нам в деревню на летние каникулы. У бабушки были еще две дочки, которых сразу же в начале войны послали копать окопы, это в тридцати километрах от нашей деревни. Однажды они пришли домой, и этой же ночью нашу деревню заняли немцы. Рано утром к нам сильно постучали, бабушка пошла открывать. Как только открылась дверь, мы услышали громкую немецкую речь. Вошли несколько немцев и приказали одну из комнат освободить для их офицера. Он жил у нас недолго, так как их часть, по видимому, перевели в другой район. В нашу деревню пришла другая часть. Эти немцы были в деревне уже всю зиму.

Как-то зимой к нам пришли несколько немецких солдат и стали просить молока, яиц, сала. Бабушка, показывая на нас, четверых детей, сказала, что у нас ничего нет, но в это время в подполе петух закукарекал, немцы залезли туда и поймали всех кур. Наш район три раза переходил из рук в руки. В 1943 году, в августе, нас выгнали из деревни и погнали, никто не знал, куда. А за два дня до этого половина деревни уехала в лес и скрылась от немцев. У этих семей были мужчины, то есть дедушки.

Нас же пригнали к местечку Бежица, недалеко от Брянска. Это было большое поле, огороженное колючей проволокой, где стояли трёхъярусные нары, никакой крыши над головой не было, так что дождь, ветер, холод — все приходилось терпеть.

Кормили нас один раз в день. Привозили огромный котел с какой-то темной жидкостью и наливали по одному половнику в нашу миску. Давали по одному кусочку хлеба. А наша семья была большая: две бабушки, две тети (папины сестры), мама и четверо детей: я с сестренкой и двое из Балашихи, то есть девять человек. Дети просили есть и плакали от голода, а взрослые терпели. Однажды (рассказывала мама) четыре женщины решили через колючую проволоку добраться до деревни, которая была видна из этого лагеря, чтобы попросить еду для детей. Они приглашали и мою маму, но она почему-то не могла пойти, сказала, что пойдет на другой день. Женщины при помощи палок сумели вылезти из-под колючей проволоки, но тут же раздались выстрелы, и они замертво упали. Остались дети: у двух женщин по четыре ребенка, у одной — пять детей, у четвертой — шесть детей. Мама без слез не могла об этом вспоминать.

Наступила осень. Начались холода, дождь, а иногда даже снежок порошил. Люди начали болеть и даже умирали.

И вот в конце октября весь лагерь погрузили на открытые платформы и повезли. Куда везут — никто не знал. Прошел слух, что везут в Германию. Везли очень долго. Часто поезд останавливался, но люди боялись сойти, никто не знал, когда поезд тронется. Иногда были задержки на десять-двенадцать часов, но бежать никто не отваживался. Мама вспоминала, что ехали восемнадцать суток. В конце концов привезли в Ригу и всех высадили. Два дня сидели под открытым небом и только потом объявили, что нас привезли в Латвию как рабочую силу.

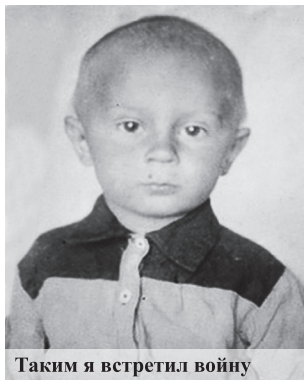
Некоторые семьи взяли быстро, а вот нам пришлось сидеть долго, так как у нас рабочей силы было мало, а больше детей. Наконец, нас взял хозяин Пульпа. Привезли нас в его усадьбу, поместили в сарай. Было страшно, что же с нами теперь будет? На другой день всех, кроме малышей, заставили работать на хуторе хозяина. Моей маме, бабушке и тетям работы хватало. У хозяина было много скота, собранный урожай стоял в скирдах, и наши женщины должны были его смолотить. И все это они делали вручную. Кормили нас только одним вареным горохом. Сначала с голода все ели этот горох, а потом и дети, и взрослые не стали его есть. Уборочная страда закончилась, и мы уже не нужны были хозяину. Он поехал искать желающих нас взять. И ему это удалось, но теперь нас взяли уже три хозяина. Мама, бабушка и трое детей попали к очень доброму хозяину — Штембергу. Сам он был портной, и у него были жена, сын и дочка Елга, мне ровесница. Ежедневно к нему приходили девушка и парень, его ученики с другого хутора. Моя мама и бабушка помогали на скотном дворе, а Вася (ему одиннадцать лет) пас хозяйских коров. Для нас хозяева выделили две больших комнаты, и ели мы за одним большим столом вместе с хозяевами и его учениками.

Шел 1944 год. Немцы отступали. Наш хозяин пригласил маму и сказал, что он с семьей скоро уедет вместе с немцами в Германию. Через несколько дней немцы ушли. Вместе с ними уехал и Штемберг. Вскоре пришли русские, а потом начали отправлять нас на Родину по железной дороге. Домой мы вернулись в августе 1944 года. В деревне все было сожжено и разграблено. Выживали кто, как мог. Многие умирали от голода. Моя мама два раза ездила на Украину за хлебом, это нас и спасло.

Валерий Сергеевич Кругликов

Военное детство

22 июня 1941 года. Мне пошел третий год. Я сижу на коленях своей сестры за столом и передо мной куча разных конфет. Но почему-то ни одну из них я не развернул. Какое-то чувство тревоги охватило и давило на меня. Я ничего не понимал, но тонко чувствовал настроение взрослых. Естественно, это не мои воспоминания, все это врезалось в память значительно позднее из разговоров с матерью. За столом собралась вся наша семья - шесть человек. Мама тихонечко всхлипывала, понимая, что скоро она останется одна с тремя детьми на руках. Хотя отцу исполнилось пятьдесят один год, но он кадровый офицер.

Таким я встретил войну

Старший сын Сергей только что окончил среднюю школу и школу планеристов. За спиной у отца уже две войны: первая мировая война и гражданская, после которой была служба в Загорском военкомате. В 1934 году отца пригласили на работу на Краснозаводский химический завод в мобилизационный отдел. И хотя он имел бронь, осенью 1941 года он уже был на фронте под городом Дмитров. Практически одновременно ушел в летное училище и старший брат Сергей. Осень 1941 года держала всех нас в неимоверном напряжении: постоянные тревожные завывания сирены, предупреждающие о воздушном нападении, побеги в укрытие и ожидания бомбовых атак. Укрытие находилось в ста метрах от дома, в котором мы жили. Конструкция укрытия состояла из трехметрового рва с бревенчатым накатом в два метра глубиной. За эту осень я так научился подражать вою сирены, что однажды спровоцировал тревогу о воздушном нападении и здорово за это получил от взрослых, так как почти все жители нашего дома покинули свои квартиры и собрались в укрытии. После этого я уже никогда не пытался подражать сигналу «Воздушная тревога». Жили мы в то время на четвертом этаже четырехэтажного шлакоблочного дома в коммунальной квартире. В то время запасов никто не делал, и поэтому на мать сразу свалились все бытовые проблемы. Завод готовился к эвакуации. Работы не было. Как только завод возобновил работу, сестра Лидия поступила на работу, но это не решало проблемы. Мама хорошо готовила и ее приняли на работу в заводскую столовую. Мама получала

от отца аттестат - четыреста рублей, этих денег хватало только на одну буханку черного хлеба, которую можно было купить на рынке. Поэтому по инициативе матери мы приобрели козу, за которой ухаживали мы с братом Виктором. В мою обязанность входило выгнать козу на пастбище и загнать обратно в сарай. Однажды была сильная гроза с ливнем, и общественный пастух пригнал стадо. Этот момент мы с мамой и братом наблюдали из окна. Для выполнения своей обязанности я, не дожидаясь прекращения дождя, помчался на улицу. Я уже почти добежал до козы, и рядом ударила молния. От неожиданности и от страха я плюхнулся в лужу с головой. Ошавев от раската грома, я, весь в грязи, припустился домой. Конечно же, эту позорную картину наблюдали мои домочадцы. Мама сняла мои трусики, посадила в таз, помыла, передела в чистое и только после этого все рассмеялись, спрашивая: «А Розку ты загнал в сарай?»

Мама, Мария Николаевна

За сараем был небольшой огородик, в котором обильно рос укроп. Этот укроп мама собирала, сушила и относила в столовую. Позднее я узнал, что укроп очень хорошо растет на «жирной» почве. А «жирная» почва в нашем огородке получилась от соседей по сараю. Соседи имели корову, а навоз не спрашивая нас, сбрасывали через окошко на нашу территорию. Убирался этот навоз с большим боем и постоянно досаждал нам своим дурным запахом и роем мух. Естественно, часть этого навоза мы вносили в землю. Однако мама всегда нас одергивала и говорила, что чужое брать нельзя. Мы же с братом, негодуя, что навоз годами не убирается, втайне от мамы, удобряли огород. И с двух соток земли получали неплохой урожай. На этом клочке земли мы выращивали и овощи, и картошку, и крыжовник.

Папа, Сергей Иванович

Весной мама вместе с двумя-тремя женщинами уходила по деревням менять одежду и белье на продукты. Большим подспорьем эти походы не были, так как и в деревнях с продуктами было не густо. Воз-

вращения мамы мы ждали с тревогой, так как случались трагедии, о которых всегда судачили соседи.

Несмотря на обязанности, у меня и моих сверстников оставалась масса времени на игры. Играли мы только в войну, и каждый, конечно, старался играть только на стороне русских. Для этого изготавливалось оружие и далеко не всегда игрушечное. Но летом все игры прекращались, и мы перемещались в лес, который нас не только кормил, но и подзаряжал витаминами, но все равно взрослые называли нас дистрофиками. Ели мы все подряд, в соответствии с сезоном, начиная от «заячьей капусты» и кончая рябиной. В момент отложения птицами яиц, мы отъедались яичницей. Здесь командовали старшие ребята, заведовали сковородкой. А мы, как обезьяны, лазили по деревьям, разоряя гнезда. Но что интересно, этим мы ущерб природе не наносили, так как птицы, будто понимая нас, успевали еще раз отложить яйца. Чаще всего нами командовал Гена Попченко — мальчик на три-четыре года старше нас. У него в кармане всегда хранился маленький кусочек сала, которым он смазывал сковородку. От этого яичница была особенно вкусной. У Гены Попченко была сестра Тамара, которая была моей одногодкой. Тамара росла очень доброй девочкой и удивительной хохотушкой. Ее Гена почему-то с собой никогда не брал. Позднее Тамара с отличием окончила среднюю школу, институт и вышла замуж за Валентина Миронова с Нижнего поселка. Эта улица находилась в трех километрах от нашей улицы Горького. В то время мы с ребятами Нижнего поселка не общались, а иногда даже соперничали.

В погожие летние дни мы гурьбой ходили на речку Кунью купаться. Речка Кунья — не глубокая, с бочажками. В этих бочажках была мужская купальня и женская, где строго соблюдались дисциплина и запреты. Хотя обе купальни были рядом, никто не нарушал этикета, и мальчики не заходили в женскую купальню, а девочки — в мужскую. Плавать учились на наволочках. Делалось это так: мочилась наволочка, захватывались двумя руками углы с не зашитой стороны наволочки, наволочка резко поднималась за углы вверх для заполнения воздухом и шлепалась в воду. Таким образом получался воздушный пузырь, который сохранялся перекручиванием в воде незашитой стороны наволочки. Далее одной рукой удерживалась закрутка, и получившаяся подушка подводилась под горло. Так голова поддерживалась над водой, и пловец начинал усиленно бухать по воде ногами, пытаясь плыть. Но в основном этим способом обучения плаванию пользовались девочки, а мальчики иногда просили у девочек наволочку для того, чтобы побаловаться. Учились плавать все по-разному. Основной способ учебный плавать заключался в сбрасывании начинающего на глубину по

принципу: «Спасение утопающего - дело рук самого утопающего». Но этот суровый способ подходил не каждому. Более того, страх надолго отодвигал момент самостоятельного плавания. Я научился плавать сам. Все ребяташки любили нырять. Даже тот, кто не умел плавать, нырял на мелководье. Я же попробовал, опустив голову в воду, усиленно бухать руками и ногами. Вначале это слабо получалось, но вскоре я научился перемещаться по воде сначала на полметра. Это придавало мне все больше и больше уверенности в себе. Постепенно я начал приподнимать голову над водой, и наступил такой момент, когда мне удалось немного проплыть. И, наконец, мои многократные попытки привели к желаемому результату — я поплыл.

Брат, Сергей Сергеевич

Обычно походы на речку делались гурьбой, человек по двадцать-тридцать. Из одежды, как правило, у всех только трусики. Обувь летом никто не носил. Она была в дефиците. Однажды в таком походе я шел последним и заметил, что поперек тропинки лежит змея длиной тридцать-сорок сантиметров. Я крикнул, ребята вернулись и прутиком дотронулись до змеи, и та моментально исчезла. Знатоки определили, что это медянка. Удивительно, тридцать человек прошло, и ни один из них не наступил на змею. Вообще я не помню ни одного случая, чтобы в окрестностях города Краснозаводска кого-то укусила змея, а в лесу мы проводили все свое свободное время.

Как только купальный сезон заканчивался, мы возобновляли игры в войну. В подвале нашего дома находилась котельная, и двор сзади дома был всегда завален кучами дров и угля. В этих лабиринтах у нас находился и штаб, и поле боя. Двор был обнесен колючей проволокой, но кое-где в сильно поврежденном заборе были лазы. Вспоминаются и курьезные случаи. Однажды я преследовал «врага» и подлез под проволоку. Проволока висела не очень высоко, и я решил ее перепрыгнуть, но что-то не заладилось, и я, уже практически перепрыгнув, задел ногой за проволоку. Естественно, голова пошла вниз, и чуть смягчив падение руками, я ударился головой о землю. Удар был довольно сильный. Приложив руку ко лбу, я почувствовал что-то липкое и сильное головокружение. Ребят как ветром сдуло. Но все же кто-то забежал к моей матери, и она, практически на руках, принесла меня домой, про-

мыла рану на лбу и наложила повязку. На несколько дней я выбыл из игры, а шрам на лбу красовался много лет. Вообще травмы нас преследовали постоянно, то ли от недоедания, то ли от бесшабашности.

Зимой игры в войну переносились в овраги, которые начинались в ста метрах от нашего дома. Спортивного инвентаря ни у кого не было, и его изобретал и изготавливал сам подросток. Лыжи изготавливались из обычных досок со сложной процедурой загибания носков лыж. Делалось это так: вначале носки лыж распаривались в большом баке для кипячения белья, затем распаренные концы доски вставлялись между секциями батареи отопления и с помощью веревок притягивались к той же батарее. После суточной выдержки доски становились похожими на лыжи. Но при всех ухищрениях носки лыж быстро разгибались, и за зиму эту процедуру приходилось неоднократно повторять. Крепились лыжи к валенкам ремнями, которые закручивались с помощью палочек. На таких примитивных лыжах мы выделывали различные пируэты: прыгали с самодельных трамплинов и участвовали в слаломе. Однажды в одном сложном спуске у меня тело пошло по одну сторону березы, а лыжи по другую. Удар, и я лежу метров в двадцати от березы. Первая мысль — сломал ноги. Пошевелил одной ногой, потом другой и с радостью обнаружил, что все обошлось. Оказывается, помогло не совершенное крепление лыж.

Моники, 2 июня 1942г. Сергей пятый справа

К концу войны мы все поголовно начали увлекаться коньками. Коньки мы также делали из дерева. Полозья обивали металлической лентой. Коньки закреплялись на валенках так же, как и лыжи. Поскольку на таких коньках скольжение было плохое, мы придумали гонки за машинами, для этого делался крюк из проволоки. Мы поджидали проезжающую мимо автомашину, а потом ловко цеплялись крюком за борт. А дальше — захватывающая дух езда до момента, когда все это не увидит водитель. Затем обратная гонка с преследованием — от водителя. Эта любовь к конькам не ослабла и в дальнейшем. Уже учась в Краснозаводском химико-технологическом техникуме, я участвовал в областных соревнованиях по скоростному бегу на коньках. Заливали каток и тренировались самостоятельно, так как при стадионе тренера по конькобежному спорту не было. Заводилой таких тренировок был Валера Сумин. Он где-то находил методики тренировок, и мы с упоением разучивали технику скоростного бега на коньках. Причем эти тренировки мы не прекращали и летом.

Как только наша семья переехала из Загорска в Краснозаводск, отец вселился в большую комнату, а маленькая несколько лет пустовала. На вопрос друзей, отчего же он не занимает всю квартиру, он отвечал, что нельзя быть захватистым. Так эта комната и пустовала до начала войны. Заселилась в эту комнату семья из четырех человек. На общей кухне стояла большая чугунная плита, которая отапливалась дровами. Естественно, для этой плиты приносили любые деревянные отходы. Практически все эти деревяшки были с гвоздями. Поскольку у соседей был мальчик, мне ровесник, то мы эти отходы и доставали вместе. Когда матери готовили еду, мы терпеливо ждали, усевшись на эти отходы. Однажды мой сверстник пристроился на доске, предварительно повернув ее гвоздями вниз. Зачем-то вскочив, он не заметил, что при этом доска перевернулась гвоздями вверх. Ничего не подозревая, он плюхнулся на эту доску и с криком вскочил, но уже с доской. Я попытался выдернуть доску от заднего места, но не смог этого сделать даже через коленку. Я позвал свою маму, и она с большим трудом оторвала от заднего места мальчишки доску, затем обильно залила рану йодом. К счастью, рецидива не было, а доски стали убирать за плиту. Кухня оставалась нашим излюбленным местом, потому что там можно было получить кусочек не по расписанию. Еда была однообразная: похлебка в основном из лебеды и «тошнотики» — это блинчики из лебеды. Иногда была картошка, но не всегда. Когда готовилась картошка, для нас это был праздник, потому что очистки от картошки мы мыли и жарили на плите. Это был праздник для живота. Много лет спустя я вспомнил об этом кулинарном ритуале и попробовал повторить. Хотя

толщина картофельной кожуры была в несколько раз больше, чем та, которую, мы ели, кроме чувства гадости я ничего не испытал. А в то время это было любимым лакомством!

Для игры в войну мы, естественно, изготавливали оружие и всегда стреляющее. Это делалось в большой тайне от родителей. Мне от ребят, ушедших на фронт, достался самодельный пистолет - «поджигалка», который мог стрелять от толченых головок спичек. Более того, в ствол входили пули от винтовки, которые мы находили на стрельбище. Это было грозное оружие, из которого я однажды на спор попал точно в замочную скважину замка, который висел на сарае местного педофила. Пуля, попав в замочную скважину, намертво закупорила ее, и хозяин был вынужден спиливать этот замок ножовкой. Этот пистолет под большим секретом отдала мне наша соседка по лестничной клетке тетя Паша Лобанова после того, как погиб ее сын Сергей. Сергей с малых лет готовил себя к службе в армии. Он создал детскую армию имени «Арсена». На наш взгляд, это игра была интереснее, чем игра у команды Тимура в знаменитой книге Гайдара. У каждого армейца была определенная должность, которая была записана в красноармейской книжке. У каждого было свое оружие, которое он должен был сделать сам. В Арсенале детской армии был пулемет с трещоткой и даже небольшая деревянная пушка. Нами выпускалась армейская газета «Боец». Редактором был Сергей Лобанов. Впоследствии подполковник артиллерии Виктор Павловский с удовольствием вспоминал, как он пришел в «армию» по приглашению Сергея начальником штаба и какие там были изготовленные Сергеем красочные карты, планы! Сергей сумел где-то достать настоящую верстовку (карту) нашей местности. А это уже была настоящая военная тайна! За нее в то время можно было загреметь по пятьдесят восьмой статье. Армейское вооружение и строгая дисциплина полагались только на период «военных действий». Ребята изучали военное дело, строевую подготовку, во всю силу горланили тогдашние песни. Дух патриотизма захватил и меня. И не случайно, наверное, тетя Паша подарила пистолет именно мне.

Мой же сосед как-то соорудил «поджигалку» из куска трубы, но при набивке спичечной массы шомполом масса сработала, а поскольку шомпол он упер в живот, то он, прошив кожу живота, улетел в неизвестном направлении. Поскольку я был с ним, то я и потащил его в больницу, благо она была рядом. Ожидая товарища в коридоре у кабинета хирурга, я не заметил, как хирург вышел в коридор и схватил меня за руку: «Рассказывай, что произошло?» Я ему говорю, что товарищ упал на кусок проволоки. «А почему тогда у него весь живот опален?» Я ему ответил, что не знаю, был далеко. К счастью, хирург не стал вы-

зывать милицию и отпустил меня. Это случай был хорошим уроком для нас. Все эти забавы проводились под девизом «Подготовка для борьбы с фашизмом». Нам хотелось как можно быстрее подрасти и нам казалось, что война затянулась только из-за того, что там нас нет.

Чем бы мы ни занимались, а сводки Совинформбюро мы с жадностью слушали, а затем с жаром обсуждали успехи на фронтах. Поскольку все всех знали, то очень болезненно переносили похоронки, а почтальона всегда встречали первыми. А так как в нашей семье и отец, и старший брат были на фронте, я одним из первых подбегал к почтальону с вопросом: «А нам письмо есть?» Если письмо находилось, я пулей летел домой.

Мой отец начал свою последнюю войну с Дмитровского направления и закончил в Бресте, где ему предложили должность коменданта города Бреста. Однако сослуживцы отговорили его от принятия решения стать комендантом Бреста из-за его возраста. Отец был очень одаренным и разносторонним человеком. Он хорошо рисовал и после окончания первой мировой войны поступил в Строгановское художественно-промышленное училище, которое не окончил: из-за своих настроений был изгнан из училища за неблагонадежность, по-моему, вместе с В.В. Маяковским. Мне его рисунки очень нравились. Они были аккуратно сложены в большую папку, и я любил их перебирать и рассматривать. К сожалению, после возвращения отца с фронта, он почему-то перестал рисовать. Впоследствии, при переездах, рисунки его потерялись.

Мой брат Сергей получил повестку явиться в военкомат на 15 августа 1941 года. Вместе с ним во дворе военкомата были ребята из загорской планерной школы. Всех построили, проверили по списку, спросили, нет ли больных, и объявили, что завтра отправляют в город Чебоксары в летную школу. Везли их в Чебоксары на открытой платформе вместе с грудой шпал. При въезде в Чебоксары стоял одинокий дом. Это и была летная школа. Немец рвался к Москве. Промышленность еще не успела перестроиться на военные рельсы, и на фронте был дорог каждый самолет. И все самолеты и педагоги улетели защищать подступы к столице. Курсантов же летного училища передали в пехоту. Мой брат попал в роту связи и стал изучать морзянку и радиодело. Сначала полк хотели сформировать почти из одних чувашей, но пришел приказ формировать полк из русских и всех русских послали за Урал, в Инзу, на формирование. Город Инза брату запомнился страшным холодом и голодом. Занимались в основном строевой подготовкой. Во второй половине октября полк погрузили в теплушки и отправили на фронт. Марш на фронт и само наступление не были похожи

на те красивые колонны, которые мы видели в довоенных фильмах: впереди разведка, затем перед дружно шагающей в ногу колонной, командир на коне, по бокам боевое охранение и, наконец, дымящаяся кухня, замыкающая обоз, а в ней на ходу варятся наваристые щи и каша с маслом. Нет, ничего этого не было. Было лишь снежное поле, метущая поземка, жгучий морозный ветер и сосущий мучительный голод. Где-то уже на марше всем выдали зимнее обмундирование, а также валенки, ватную безрукавку под шинель, подшлемники, солдатские рукавицы с двумя пальцами и один круглый котелок на двоих. Выдали еще оружие и десяток патронов на каждого.

В конце января 1942 года 1091-й полк участвовал в общем наступлении под Сухиничами (Калужская область). Наступление началось рано утром, еще затемно. Утопая в снегу, полк шел развернутой цепью. Немец открыл по наступающим минометный огонь. Нужно было остановиться, сменить тактику, но приказ был: «Ни шагу назад!» Одна из мин разделила пополам жизнь моего брата; в первой половине - тяжелая, изнурительная, замерзающая, но полная надежд и радужных планов, во второй - тоскливое, безотрадное выживание и постоянная боль, особенно в первые после госпиталя годы. Из госпиталя брата выписали только через полгода. Сергею сделали операцию, достали осколки, должны были еще оперировать, но было рискованно, и его оставили с осколками в голове. У него не было лобно-височной кости, мозги находились под тонкой кожей. Ему сделали протез, но он не мог его терпеть, боли от него были еще сильнее. Из-за осколков происходило постоянное нагноение, гной выходил из верхнего века глаза, который Сергей украдкой вытирал платком. Сергей терпел сильные головные боли, но жалоб от него никто не слышал. Первые месяцы после госпиталя я старался быть его поводырем: ни на шаг не отходил от него, боясь, чтобы он не упал или за что-нибудь не задел головой. Он этого стеснялся и всячески старался меня куда-нибудь отправить, но я ходил за ним, как привязанный, и очень этим гордился. Несколько месяцев меня не интересовали игры в войну, я ощущал свою полезность и необходимость Родине за возвращение бойца в строй. Но время неумолимо, и брат, несмотря на инвалидность, поступил в Московский станкоинструментальный институт, который по состоянию здоровья не смог закончить, проучившись два с небольшим года. Немного подлечившись, он с отличием окончил Краснозаводский химико-технологический техникум. Таким образом он получил среднетехническое и незаконченное высшее образование, что позволило ему успешно работать в отделе главного механика на Краснозаводском химическом заводе. Впоследствии я, как бы за брата, окончил тот

Московский станкоинструментальный институт, а затем и аспирантуру при этом же институте.

Брат был для меня кумиром, и я, естественно, постоянно теребил его вопросами о войне. Но он всегда отвечал на них односложно. В его ответах никогда не было анекдотичных моментов. Позже я понял, что тот, кто действительно был на передовой, никакой романтики в войне не видел. Так же отвечал на мои вопросы и отец, хотя один «забавный» эпизод он все же мне рассказал. Дело было под городом Дмитровом. Возвращаясь из штаба в расположение своей части по бревенчатому настилу через болотце, он вдруг увидел на противоположной стороне гати фигуру в маскхалате. Отец остановился и хотел выхватить револьвер из кобуры, но увидел направленный на него автомат. Автоматически проанализировал ситуацию: расстегнуть кобуру и выхватить револьвер не успеть, так как у противника оружие уже было наизготовку. Чтобы побороть страх, перевел взгляд на бревна под ногами, ожидая выстрела, но выстрела не последовало, взгляд на противоположную сторону болотца никого не обнаружил. С холодком на спине медленно, уже с револьвером наизготовку, перешел болотце, но никого не встретил. Уже в части рассказал про этот случай сослуживцам. Однополчане пожурили за беспечность и высказали предположение, что немецкой разведке было другое задание, выполнению которого выстрел мог помешать.

Поскольку маме приходилось много работать, она иногда отправляла меня в город Загорск – погостить к бабушке, которая жила на пересечении улицы Огородная и переулка Карбушенского. У бабушки в доме была настоящая русская печь, в которой и готовили, и мылись. Меня всегда в этой связи занимал один вопрос. Как я, тощий и маленький пацан, вылезая из печи, всегда пачкался сажей, а она, довольно грузная женщина, вылезала из печи нисколько не запачкавшись? В то время я так и не получил на это ответ. Вообще я очень любил бывать у бабушки, так как она была со мной и строгостью, и очень доброй и любящей. Она всегда очень вкусно кормила и находила способ не назойливо поучить уму-разуму. Я быстро познакомился с ребятами своей родной улицы, а также знал всех ребят с соседних улиц. Но большую часть своего времени я проводил на улице Бульварной, на Скитском и Среднем прудах. На прудах я научился и нырять, и плавать. Это было незабываемое и самое беззаботное время.

Единственно, что меня тяготило, так это то, что бабушка меня всегда брала с собой в церковь. Она была верующим человеком, имела в Трапезной свое место в первых рядах, и мне, довольно живому мальчику, приходилось выстаивать всю службу без движений. От этого у

меня ноги затекали, спина начинала болеть, словом, это было как наказание, но, боясь обидеть бабушку, я никогда виду не показывал, что мне тяжело. Более того, я не понимал, как это такое - все усердно молятся, а война никак не кончается. Бабушку я боготворил, а дедушку запомнил как очень больного человека. Хотя дедушка был в Загорске очень знаменитым поваром, его в свое время приглашали в рестораны Москвы, он был также элитным врачом по венерическим заболеваниям. Как рассказывала моя мама, к нему по этому поводу приезжали большие знаменитости, но кто именно, она или не говорила, или я, не придавая значения, не запомнил. То, что я четко запомнил, так это попытку деда перед смертью передать рецепты лекарств, но женщины только плакали, а я был еще неразумным пацаном, хотя очень жадно вслушивался в несвязную речь деда. В мою память врезалось только одно слово - «свинцовый сурик». Так все рецепты лечения и ушли вместе с дедом.

На Огородной улице жили бабушка с дедушкой по линии отца, но там мы бывали только по особым случаям. Причины этого мне никто не открывал. В настоящее время дома по линии мамы нет (сгорел), а дом по линии отца находится в плачевном состоянии, и я даже не знаю, кто его хозяин. Что-то в то время во взаимоотношениях с моими родными по линии отца не сложилось. Я же, по детской наивности, иногда забегал туда, но, не чувствуя радости в лице папиной сестры, моей тети, долго не задерживался. Несмотря ни на что, время на Огородной было счастливое и беззаботное. Там как-то меньше ощущались военные невзгоды. Как только меня привозили обратно в Краснозаводск, я резко вырос, так как сразу ощущалась глубокая нужда и приходилось резко переключаться с детской беззаботности к реальной жизни, помогать матери. Я должен был отоваривать продуктовые карточки, делать посильные заготовки в основном грибами. За день я успевал дважды сходить за грибами и без ведерной корзинки, наполненной до краев, никогда не возвращался. Эти заготовки обычно я делал в одиночку, так как в компании такое количество грибов собирать не удавалось. Всегда на что-нибудь постороннее отвлекались.

Когда поспевала малина, то на заготовки мы ходили всей семьей. Брат Виктор вначале ходил на разведку, и только по его команде мы все выдвигались на сбор ягод. Эти места были в районе теперешнего города Пересвет. Ходили мы всегда с ведрами, которые набирались с верхом. Практически всегда мы сворачивали пакеты из бересты и также их наполняли полностью ягодами. Такой поход осуществлялся один раз, и запасов хватало практически на весь год. Малина сушилась, и изредка ставилось вино. Из-за отсутствия сахара, варенье не варили.

Сушеная же малина использовалась как лекарство при простудах и просто как еда.

С 1942 года начало бурно развиваться огородничество. На небольших участках росло все - от моркови до картошки. Это требовало от нас выполнения дополнительных обязанностей. Необходимо было полоть, поливать, заготавливать воду и так далее. Иногда от этих обязанностей удавалось отлынивать, но это так строго осуждалось, что мы старались выполнить свои задания, а уже потом играть.

Практически у всех обитателей нашего дома случались черные дни. Кто-то всегда терял карточки на продовольствие. Горе не обошло и нашу семью. Однажды я, как всегда беззаботно, побежал отоваривать карточки, а процесс отоваривания сопровождался большими очередями, подошла моя очередь - карточек нет. Женщины заохали, нечего, мол, маленьких посылать. Но это еще больше добавило трагизма моему положению. Я не думаю, что я просто так потерял карточки. Скорее всего, их у меня украли. Домой я идти боялся, но и не идти нельзя было. Низко опустив голову, я признался в потере карточек. Меня бы высечь или, на худой конец, наказать, но мама, сделав большую паузу, сказала: «Ничего, как-нибудь выкрутимся». Это для меня было еще хуже, так как мое разгильдяйство обрекло всю семью на голодное существование, когда и так сытости ни у кого не было.

Были и другие поступки, о которых стыдно вспоминать и сейчас. В конце войны появились тележки, на которых устанавливались бидоны с мороженым и установками для продажи газированной воды. И вот мы, пацаны, выстраивались неподалеку и по очереди голосили: «Дяденька, оставь чуть-чуть?» Однажды мама, возвращаясь с работы, случайно увидела эту картину. Нет, она меня не наказала. Она просто взяла меня за руку и по дороге рассказала, какие болезни можно получить от этого стакана, а потом спросила, неужели я не могу обойтись без этого глотка жидкости. Эти слова действовали на меня лучше, чем подзатыльник или наказание. С тех пор я никогда не подходил к лоткам с мороженым и газированной водой.

А мороженое мама изредка стала мне покупать. Оно изготавливалось вручную, при покупателе. В приспособление, напоминающее насос, закладывалась готовая круглая вафлина, ложкой из термоса набивалось мороженое, сверху накладывалась еще одна вафлина, и с помощью поршня этот брикет выдавливался в руки. Размером этот брикет не превышал пятьдесят-шестьдесят миллиметров в диаметре, а в толщину - пятнадцать. Обычно у продавца было два термоса с мороженым. В одном термосе было подкрашенное мороженое, а в другом - белое. Продавец мороженого притягивал нас, как магнитом.

Самое сильное воспоминание о тех годах - долгое, изнурительное, стояние в очередях. Очереди были за всем: хлебом, солью, спичками, крупами и текстильными изделиями. Очереди занимались заранее, сопровождалась периодической переписью с отметкой на руке чернильным карандашом. Казалось, что в те годы вся жизнь состояла из постоянного стояния в очередях. В очередях обсуждались сплетни и положение на фронтах. Это был как своеобразный клуб по интересам. Но, несмотря на это, люди были очень близки друг другу.

Во дворе нашего большого густозаселенного дома жильцы сколотили большой стол с лавками, и любое торжественное событие отмечалось всем миром с присутствием детей. Каждым приносилась немудреная снедь - огурцы, грибы, капуста и картошка, и с этим угощением проводился праздник. После того, как стемнеет, появлялся патефон, и молодежь приступала к танцам. Все были рядом - и с горем, и с радостью, все старались друг другу помочь, чего не скажешь о теперешнем времени.

Специфика нашего теперешнего времени: высокий индивидуализм, цинизм и вытекающее из него недоверие к высоким мотивам как своего окружения, так и к высшей власти. Дух патриотизма, которым мы были пропитаны с детства, уходит с поколением тридцатых-сороковых годов прошлого столетия. Все правительственные программы по патриотическому воспитанию носят настолько формальный характер, что не в состоянии подкрепить усилия ветеранов ни финансово, ни морально. Однако социальная структура русского общества строилась в зависимости от военных потребностей, продиктованных постоянным противодействием от неисчислимых нашествий поработителей. Это поразительная закономерность русской истории! Вот почему дети начальных классов так восторженно слушают воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны. Пора эту эстафету подхватить поколению «Дети войны».

Окончание войны меня застало у репродуктора, как мы его называли, «черной тарелки». Я случайно включил репродуктор и услышал объявление об окончании войны.

Нашей радости не было границ. Все повыскакивали на улицу, все целовались, утирали слезы и поздравляли друг друга. Этот день был незабываемым. Вскоре приехал отец, переживший только контузии, и жизнь постепенно начала налаживаться.

Валентина Ивановна Кульчинская

Село Константиново. Старинное село, которое впервые упоминается в духовной грамоте великого князя Московского Ивана Даниловича Калиты в 1328 году.

В начале XX века в этом селе родились Иван Васильевич и Александра Ивановна Синавины, родители третьей своей дочери, Вали. Семья Валентины состояла из пяти человек. Крестьянская семья жила дружно, весело, друг о друге заботясь.

После сообщения по репродуктору, по селу разлетелась страшная весть — война! Отец и две старшие его дочери Маша и Нина ушли на фронт. Все трое защищали подступы к Москве — города Дмитров, Можайск, Тушино. Все трое вернулись с войны. На их гимнастерках сияли ордена Отечественной войны и медали.

Матушка Александра Ивановна, на руках которой была полуторагодовалая дочка Валя, с первых дней войны трудилась в колхозе, уезжала на заготовку леса, земляные и прочие работы. За спиной молодой женщины было привязано одеяло, в котором всегда была завёрнута дочка.

Валюшка с малого возраста знала, что такое труд. Она подросла и в 1947 году пошла в школу. Материальное положение семьи было тяжёлым. Главным подспорьем были овощи с огорода.

Шли годы. Валя много училась. В 1962 году окончила Серпуховское педагогическое училище, а 1981 году успешно окончила Орехово-Зуевский педагогический институт.

Валентина Ивановна всю свою жизнь посвятила педагогической работе. Её будущий муж Василий Васильевич Кульчинский в 1966 году по направлению приехал в деревню Опарино, где находилась восьмилетняя школа. Там и осталась семья Кульчинских жить навсегда. В современном многоэтажном жилом доме деревни Марьино они получили квартиру.

Когда Валентина Ивановна стала вдовой, она продолжала работать в школе. Её педагогический стаж — пятьдесят лет. В праздничные дни на груди всеми уважаемого в деревне человека сверкают правительственные награды: медали «Ветеран труда» и «В память 850 лет Москвы», другие знаки — за педагогическую деятельность.

У Валентины Ивановны есть альбом, в котором лежат почётные грамоты, благодарственные письма с обзором ее многолетнего труда

и общественной жизни: «Учителю начальных классов Марьинской школы и за многолетний добросовестный труд...», «За значительные успехи организации и совершенствовании учебного и воспитательного процессов...». В благодарственных письмах есть и особые слова от педагогического коллектива, учащихся школы, родителей: «...Вы являлись и являетесь образцом человека труда, неутомимым тружеником, чей личный пример не требует комментариев... Ваше чуткое и добросердечное отношение к людям завоевали признательность и всеобщее уважение к Вам...»

Односельчане выступили с предложением присвоить человеку души и сердца — Валентине Ивановне Кульчинской — звание «Почётный ветеран Подмосковья».

Радостную весть педагогический коллектив, учащиеся школы восприняли с большим удовлетворением и предложили провести торжественное мероприятие по чествованию любимой учительницы в школе. Педагоги и школьники предполагали, что Валентине Ивановне кроме слов и поздравлений будет приятно услышать песни и стихи, достойные уважаемого человека.

К нашему удивлению, получилось по-другому. Маленькая Валюшка с военных лет видела, как трудилась матушка и видела её скромность. Отец и старшие сёстры — участники войны — тоже были примером для сельских жителей, примером скромности. Знак «Почётный ветеран Подмосковья» было решено вручить Валентине Ивановне в домашней обстановке.

Квартира Валентины Ивановны. Много книг, картин, сувениров, а на столе — тульский самовар и приятный запах горячего чая. Лене, члену президиума Совета ветеранов района, было приятно на костюме Валентины Ивановны рядом с государственными медалями прикрепить и достойный знак — «Почётный ветеран Подмосковья». Председатель Совета ветеранов Зоя Васильевна Бородкина преподнесла своей коллеге и соседке по дому памятную книгу.

Односельчане выразили активистам ветеранского движения свою сердечную благодарность за особое внимание к Валентине Ивановне, которая добросердечно относилась и относится к их детям.

Валентина Лаврентьевна Захарова

Под немцем

Из рассказов моей матери

Много уже лет минуло с той давней поры... Но все равно вспоминаются мне рассказы матери о тех годах, о той године лютой, когда наша семья была в оккупации. При воспоминании о тех временах мать всегда говорила: «Когда мы были под немцем...»

Когда началась война, мой отец Исаев Лаврентий Евдокимович сразу ушел на фронт. Ему было двадцать шесть лет. Наша семья жила тогда в селе Поздняково Ульяновского района Калужской области.

Мама, Анна Михайловна Исаева, 1912 года рождения, хрупкая, маленькая, очень красивая женщина, родила Лаврентию двух сыновей. Михаилу к тому времени исполнилось пять лет, а младшему Васятке было три года. Васятка родился слабеньким, с вывернутой ступней, так как мама, будучи на сносях, упала, ударилась животом, когда работала в поле.

Село было большим, около трехсот шестидесяти дворов, с церковью, школой и больницей. Село было красивым. Все жили справно, жизнь была размеренной. Люди пахали, сеяли, косили, собирали урожай. По праздникам ходили в церковь. У нас, как рассказывала мама, был большой дом, лошадь, корова, куры.

Началась война, и все изменилось до неузнаваемости. Все мужчины ушли на фронт. В селе остались одни старики да бабы с детьми. До прихода немцев еще как-то можно было жить. Все поддерживали друг друга, все делалось сообща. Голодали, но верили, что это ненадолго, что вскоре все изменится.

А осенью 1942 года пришли немцы и финны. Пришли, как хозяева, сразу же принялись за кур — пустили всех под нож, а затем добрались до и крупного скота.

В нашем доме обосновался лазарет. Мама вместе с другими женщинами ходила за ранеными: стирала грязные бинты, мыла полы, кормила. Падая от усталости, женщины валились с ног, но их тут же поднимали пинками, заставляли работать.

Дети и бабушка сидели на печке и не могли без особого на то раз-

решения немцев куда-либо выйти. Чуть что, они стреляли. В нашей семье никто не был убит.

Немцы, когда не было боев, развлекались. Один из них бросил краюху хлеба в колодец и заставил Мишу, моего брата, лезть за ней в колодец. Миша достал этот хлеб и ему милостиво разрешили, потешаясь над ним, его взять. Он прибежал в дом, дрожащими ручонками отдал хлеб маме. Его поделили между собой и тут же съели. Больше всего в оккупации страдали дети. Они, непоседы, смотрели с печи всегда голодными глазами и, проводя каждый кусок, исчезающий во рту у немцев, не понимали, почему их здесь удерживают. А немцы, развлекаясь, кидали на пол обертки от конфет. На пол летели и пустые банки из-под стуженки.

Васятка, увидев красочные, яркие обертки, не удержался и сполз с печи, хотел их поднять, но, получив пинок, отлетел к печке. А немец, гогоча, на ломаном русском, сказал: «Матка, убери киндер!» и с силой вонзил в стол нож, демонстративно показывая, что нож в следующий раз может оказаться в тельце ребенка.

У братьев были одни лапти на двоих и, выходя на улицу, они их надевали поочередно.

Матери приходилось добывать пропитание для семьи. Она копала мерзлую картошку, варила и этим кормила нас, детей.

Немцы всячески издевались над жителями. Объевшись мяса, испражнялись тут же, где ели, когда схватывало животы, они заставляли женщин стирать их грязное обмундирование, убирать за ними.

Были и такие случаи. Если женщина рожала ребенка у ней отбирали и выбрасывали его на снег. Женщин насиловали. Мама была красивая, но ее не трогали, потому что она протиралась соком ядовитого лютика, а потом показывала немцам свои болячки, похожие на оспины, утверждала, что больна. И как другие женщины той поры, мазала лицо сажей. Так она избежала участи многих женщин.

В этом же 1942 году немцы угнали всю молодежь в Германию, жителей выгнали из домов, стариков загнали в сарай и подожгли. Женщин и детей этапировали в Орловскую область (Ольховский район село Гурьяново). Там наша семья и жила до июня 1945 года.

В декабре 1943 года отца ранило, он лежал в госпитале города Волхово Орловской области. Там они встретились с мамой, отец ее разыскал. В октябре 1944 года родилась я и стала третьим ребенком в семье, назвали меня Валентиной.

Детям много пришлось пережить в Великую Отечественную войну. Разутые, раздетые, всегда голодные! Когда мама с детьми шла в Сурьяново, Васятка часто отставал, шел из последних сил, плакал, а у

мамы не было сил взять его на руки. Они с Мишей останавливались, отдыхали и опять шли.

Отец умер в ноябре 1944 года, так и не поправившись. Мать узнала его среди умерших по полосатым носкам, ею связанным. Он сильно изменился, да еще и умерших было много. А когда она пришла с одеждой для его захоронения, ей сказали, что он похоронен в братской могиле из восьми человек.

В июне 1945 года, когда мне было восемь месяцев, мы вернулись в свое село. От него почти ничего не осталось, только следы пожарищ, да не сгоревшие печи с трубами. От нашего дома остались две обгоревшие стены, к которым дед пристроил плетни из орешника, и с помощью соседей они были облеплены глиной. И мы в здесь жили, пока не отстроились.

Чтобы накормить нас, мама собирала клевер, щавель, картофельные очистки, подмешав к ним горстку муки, пекла что-то похожее на драники. Старший Миша всегда говорил: «Наша мама никогда не хочет есть». Мы дети, всегда были голодными, а братья обижались, что маленькой сестренке доставался лучший кусок. Мы чудом выжили, благодаря нашей маме.

После ухода немцев в селе осталось много мин. Взрослые работали, восстанавливая село, а дети, предоставленные самим себе, бегали по огородам, добывая себе пропитание! Они подрывались на минах. У одной женщины погибло сразу четверо сыновей. Фрагменты их тел собирали в фартуки по всему огороду. Чудом в живых осталась одна девочка, ее только поцарапало осколками. Мои же братья, строго предупрежденные матерью, сидели дома со своей младшей сестренкой, то есть со мной.

С войны в село вернулось очень мало мужчин. У моего деда было шесть сыновей, и ни один из них не вернулся. У них с бабушкой была многочисленная семья. Бабушка родила четырнадцать детей. Из них осталось только шесть мальчиков и две девочки, остальных унесла скарлатина. Выживших сыновей унесла война.

Прошли годы. Валентина окончила среднюю школу, техникум. Всю свою трудовую деятельность посвятила животноводству в совхозе «Кузьминский» Сергиево-Посадского района Московской области.

Валентина Лаврентьевна Захарова, бригадир молочно-товарной фермы, за добросовестный труд была награждена государственными знаками: «Победитель соцсоревнования 1974 года» и 1975 года, «Ударник 10-й пятилетки».

У нее дочь, сын, пять внуков и одна правнучка.

Записал воспоминания председатель Совета ветеранов войны
и труда сельского поселения Шеметовское
Н. Д. Александров

Л.А. Липатова

Я родилась 1 мая 1938 года в городе Хотьково. Жили мы в довоенное время в бараке, который находился у завода. Мама рассказывала, как до Великой Отечественной войны в летнее время все жители барака со своими детьми выходили спать на улицу, стелили матрасы, приносили одеяла, было весело, дружные люди забывали обо всех невзгодах. Когда началась война, папа ушёл на фронт, он служил на тихоокеанском флоте, мама с двумя детьми, беременная третьим, осталась одна. В то время бабушка с тётёй жили в митинском доме, их самих было пять человек, но они приняли маму с детьми.

Дети тёти Маруси были нас старше (Володя, Рая). Мама в октябре 1941 года родила сына, Лёву, но прожил он всего девять месяцев и умер. Мама после родов работала в Загорске. За нами присматривали бабушка Паша и дети тёти Маруси. Игрушек у нас не было, нам сворачивали из какой-нибудь одёжки куклу, покрывали её платочком и мы играли с ней. Володя был большим авторитетом для нас с Любой, он водил нас в лес, играл в прятки, читал книги. Володя всю жизнь был нам как родной старший брат, и нашего отца он считал самым дорогим человеком, был авторитетом для него. В итоге Вова окончил техникум, затем поступил в Рязанское артиллерийское училище, стал офицером.

В 1945 году пришёл с фронта папа, жизнь стала улучшаться, устроился он на ЗЭИМ (Электроизолит) электриком, был квалифицированным работником и ему дали жильё — комнату, площадью двадцать квадратных метров в деревянном доме. Завели козочку Розку, которую мы с Любой пасли каждый день у реки Воря. После войны питались плохо: мама варила щи из крапивы, белила их молоком, из мёрзлой картошки, которую собирали в поле, пекла «тошнотики».

Папа постоянно работал на двух работах, меня заставлял на подстанции включать уличное освещение, а когда он работал в Ново-Быкове, мы с Любой помогали тянуть провода. А когда стали появляться у людей телевизоры, мы с папой лазили на крыши домов, ставили антенны.

В 1952 году открылся пионерский лагерь «Дружба», папе дали одну путёвку, и я с удовольствием отдыхала с подругами одну смену, было весело и интересно. А до этого для лагеря завод арендовал помещение — барак, в котором находился детский дом в Жучках, там условия были плохие: спали на раскладушках, всё время хотелось есть, поэтому ели стручки акации. Мама каждый день приходила после дневной дойки и отпаивала меня козьим молоком.

В школу пошла в семь лет и, проучившись семь классов, поступила с Капой Букиной в сельскохозяйственный техникум. Проучив-

шись с ней один год, мы бросили учебу в техникуме. Большое влияние на меня оказали мой папа и брат Володя, которые внушили мне, что надо продолжать учёбу дальше. При заводе был открыт Московский вечерний техникум имени Л.Б. Красина, как раз туда набирали группу студентов, и мы с Капой, успешно сдав экзамены, были зачислены на первый курс. С нами учились участники войны, работники завода, учились все с усердием, а вечерами бегали на танцы в клуб завода и на Горбуновку. Преподавателями в техникуме были отличные специалисты завода: В.Г. Маргулис, В.С. Прохоров, О.В. Бобылев, А.Н. Смирновский и учителя из школ.

В шестнадцатилетнем возрасте мне пришлось испытать большие трудности: мама серьёзно заболела, у нее отняли почку, на моих руках были трехлетний брат Коля и четырнадцатилетняя сестра Люба, приходилось стирать и готовить еду, до этого я ничего по дому не делала, но я со всеми трудностями справилась, отец подарил мне часы. Маме дали инвалидность, и я стала искать работу. Меня в шестнадцатилетнем возрасте взяли курьером к секретарю завода, проработала я там полтора года, а затем меня пригласили работать паспортисткой, работа мне нравилась — ответственная, разнообразная.

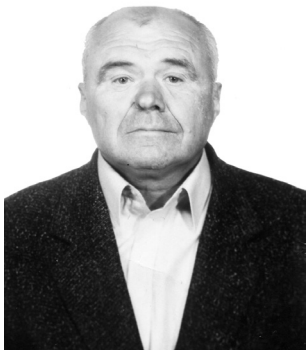
Затем я устроилась контролёром ОТК, надо было работать поближе к производству из-за учёбы в техникуме. В летнее время посылали на сеноуборку, а в сентябре — собирать картошку в колхозе.

На заводе своими силами начали строить стадион. Нас тоже посылали на строительство, мы помогали рабочим — подносили на носилках стройматериалы.

Окончив техникум, я стала работать технологом в цехе смоляной изоляции, где была избрана секретарём комсомольской организации цеха. Проработав несколько лет в цехе № 4, я была избрана в профком завода, этой работе я отдала тридцать два года. Работа в профкоме была интересная, всё время с людьми: много путёвок распределялось, решались серьёзные вопросы соцсоревнования и распределения жилья.

Узы дружбы связывали коллектив «Электроизолит» с подшефным Хотьковским детским домом. Мы, молодые девчата и ребята, ходили туда, играли с детьми, и сами воспитанники детского дома были частыми гостями завода, для них организовывались экскурсии по цехам. Как к старшим товарищам, дорогим, близким людям относились воспитанники детского дома к заводчанам.

Иван Иванович Лисовец

Родился я в 1939 году в селе Галица Лосиновского района (в настоящее время Нежинский район) Черниговской области в семье колхозников. Село находится в ста километрах от города Киева. Это две тысячи дворов!

Отец, 1918 года рождения, окончил курсы звукового кино в 1939 году в Киеве. Работал киномехаником на кинопередвижке — разъезжал с фильмами по селам. В 1940 году был призван на военную службу в Красную Армию. Началась война, отец умер на фронте. В 1943 году пришла похоронка — пропал без вести.

Наше село большое — с фронта не вернулись шестьсот человек. Отца своего я не помню. Мать родилась в 1920 году, работала в колхозе на полевых работах. Когда началась война, колхоз распустили, скот весь погнали на восток, а лошадей, так как они были тягловые, раздали по колхозам. Нам с матерью тоже выделили лошадь, у нее был жеребец. Однажды, когда мать вела ее на выпас, мне уже было тогда три года, я погнался за жеребенком, стеганул его веткой, а он меня лягнул. Все лицо было разбито. Я неделю лежал без памяти, так как врачей не было — ушли на фронт. Лечила меня бабушка разными снадобьями. Я выжил, а след от копыт остался на всю жизнь.

Наше село было оккупировано немцами в 1941 году: когда немцы наступали на Киев, они прошли через село. По рассказу матери, все люди прятались в погребах, боялись наружу вылезать. Солдаты, отходя, сожгли два моста, была перестрелка. До сих пор на кладбище села находится могила красноармейца, погибшего в той перестрелке, его похоронили жители села. В настоящее время родственники солдата нашлись.

В селе немцы организовали комендатуру. Был комендант с переводчиком. Колхозников заставляли опять объединяться и работать на немцев. Но так как в селе остались одни старики, женщины и дети, ничего не вышло. Тогда они стали отбирать всю живность с дворов колхозников. Люди старались все прятать. Это длилось до 1943 года, когда село было освобождено от фашистов. Перед отступлением немцы неистовствовали: что могли, они отбирали.

В семи километрах от нашего села находится железнодорожная станция «Яхновка». Фашисты, отступая, разбомбили эшелон с чехословацкими солдатами. В настоящее время в этом селе есть музей советско-чехословацкой дружбы.

Долгое время после войны было тяжело, кругом разруха. Жили

очень бедно. Не хватало пропитания, спасались тем, что у некоторых людей еще остались коровы, жили за счет молока, питались зеленью (крапива, лебеда, клевер, рогоз). Хлеб пекли из всех отходов. Весной после таяния снега ходили по полям — собирали сгнившую картошку, оставшуюся после ее уборки, и питались ей. Но все были очень дружны и помогали друг другу. Колхоз постепенно начал возрождаться и вставать на ноги. Тракторов не было, тягловой силой были быки и лошади. Преобладал ручной труд. Так как с фронта многие мужчины не вернулись, то работали в основном женщины, старики и дети. И я с раннего возраста испытал все эти трудности. В шесть лет разносил, во время уборочной страды косарям воду, в дальнейшем пас колхозных лошадей и во время пахоты работал погонщиком быков. В летние школьные каникулы работал в колхозе каменщиком на строительстве коровников и свинарников.

Пережить все трудности помогала всем взаимовыручка и доброта людей.

В конце 40-х — начале 50-х годов прошлого века стало легче. Появилась техника, и хлеб стали убирать с помощью косилок, а потом и комбайнами. Колхоз постепенно богател, весомее стали трудодни, жизнь колхозников улучшилась. После окончания десятилетки, я два года работал в колхозе. С 1967 г. в течение четырех лет года работал в «Куйбышевводстрое» на орошении полей, с 1971 года — в Загорском районе Московской области на орошении и осушении поймы реки Дубны. С 1995 года работал в Сергиево-Посадском ДРСУ на строительстве, капитальном ремонте и обслуживании дорог в Сергиево-Посадском районе. В 2005 году ушел на заслуженный отдых.

Зинаида Александровна Лобачева

Мне было десять лет, когда началась Великая Отечественная война. 22 июня 1941 года, воскресным днём, всей семьей мы шли в парк и вдруг слышали тревожный голос диктора, который раздался из громкоговорителя в центре Загорска. Диктор сообщал о начале войны, о том, что германские фашисты вероломно напали на нашу страну. Мы, конечно, тогда, будучи детьми, не восприняли это сообщение со страхом, с боязнью.

Я вспоминаю события двухлетнего периода до 1941 года, когда мой отец воевал в финскую, а мы с мамой, младшим братом и с сестрой ездили к отцу на свидание. Наша встреча проходила не то в какой-то глубокой канаве,

не то в овраге. Отца запомнила в длинной серой шинели, с автоматом. Свидание длилось недолго, отец, волнуясь, просил, чтобы мы скорее уезжали. Воспоминания о финской войне не вызвали у нас, детей, ни страха, ни ужаса, и поэтому известие о новой войне было принято нами без особого тревожного ожидания. За две недели до войны в нашей семье родилась девочка Вера — четвёртый ребёнок.

В августе 1941 года отца призвали на фронт. Мама работала на ЗОМЗе контролёром в цехе № 43. И вот, через некоторое время завод, на котором работала мама, начали эвакуировать в город Томск. Наша семья — мама, бабушка и четверо детей — должна была уезжать. Необходимые для переезда вещи были уже собраны в узлы... Накануне отправки бабушка пошла на вокзал и встретила там знакомого проводника. Узнав, что она собирается ехать в эвакуацию, он ей говорит: «Мария Петровна, ехать я тебе не советую, в пути бомбят эшелоны, на проводах висят руки и ноги, а поэтому хочешь умереть, умирай дома». Придя домой, бабушка категорически отказалась куда-либо ехать, а мама без неё, с четырьмя детьми, ехать, конечно, не могла. Помню, мама долго плакала, умоляя бабушку, говорила, что её уволят с завода, но бабушка была непреклонна.

Так мы и остались дома. Наша улица Первомайская расположена параллельно железнодорожному полотну. Железная дорога часто подвергалась бомбёжкам. В конце 1941 года начались бои на территории Подмосковья, ближе всего к нам враг подобрался со стороны Дмитрова.

Ежедневно были слышны залпы орудий, было видно зарево войны. С ужасом и страхом мы ожидали прихода немцев. Во время одной из бомбёжек по вокзалу бомба упала напротив нашего дома, сделав большую воронку в земле. Наш дом сильно затрясся, а я в это время качала на руках сестру. От сотрясения с печки попадало мыло, а я, отстраняя сестру от падения кусков мыла, подумала, что это падают бомбы. Помню, как на нашей улице появились люди в чёрных и белых бурках. Заполонив почти всю улицу, они просили воды. Говорили, что это сибиряки — присланная армия для защиты Москвы. И, действительно, немцы скоро отступили под натиском защитников. Залпы орудий слышались уже приглушённо. Началось голодное время, так как имеющиеся в доме запасы еды уже закончились. В довоенное время для корма курам был заготовлен овёс, так вот из него начали варить кисели. Из подвала достали мороженую свёклу и морковь — пускали в еду, а весной, когда чистили картошку, очистки не выбрасывали, а использовали весной в качестве посадочного материала.

Маму посылали на трудфронт. Необходимо было копать траншеи, в лесах валить деревья, чтобы не прошли танки. Я как старшая из детей

ходила вместе с ней. Мы обрубали сучья с деревьев. Порой приходилось брести почти по пояс в снегу.

Во время войны отец был дважды ранен и после излечения в госпитале его отпускали на месяц домой, долечиваться. Обычно он привозил военный паёк в виде тушёнки, и тогда суп у нас бывал сказочно вкусным — с мясом. Чай пили с «каплями датского короля» — так называлась микстура от кашля на основе жжёного сахара. Позже появился сахарин и лярд. Есть хотелось постоянно. Летом голод заглушали травяными дудками.

Школу посещала без пропусков до особого указания: не приходиться из-за невозможных обстоятельств. В классах было холодно, занимались в верхней одежде. В чернильнице, вмонтированной в парту, чернила постоянно замерзали, их приходилось отогревать своим дыханием. С каждым днём количество учеников убывало, доходило порой до двух-трёх, но учёба продолжалась. Мне хоть и по-детски, но пришлось многое испытать во время войны. Не дай Бог повторения военного времени!

Александр Григорьевич Лысенко

Партизанский связист

Деревенька моя, Поповка, Пропойского района (теперь Славгородского), что на Могилевщине, расположилась по обе стороны шоссе Москва — Варшава на пятьсот тридцать четвертом километре от Москвы. Здесь 4 августа 1926 года я родился. При крещении был назван Александром, но маме имя не нравилось, и она всё время меня называла хлопчиком.

В нашей хате организовали почту, отец был заведующим, так я и научился читать по заголовкам газет.

В 1933 году пошёл в школу. Школа находилась в двух километрах от дома. В школу до самого снега ходили босиком; пока осенью добежишь до школы, ноги становились красными, как у гуся лапы. Детство было действительно босоное.

В 1941 году в день приёма в комсомол у меня состоялась удивительная встреча с Петром Захаровичем Калининым, который во время войны возглавил Белорусский штаб партизанского движения. П.З. Калинин пожелал нам быть достойными гражданами нашей Великой Родины.

Комсомольский билет я храню до сих пор.

22 июня 1941 года была свадьба моего двоюродного брата, к вечеру из соседней деревни принесли весть — **ВОЙНА!** Так мой брат-жених почти из-за свадебного стола ушёл на фронт.

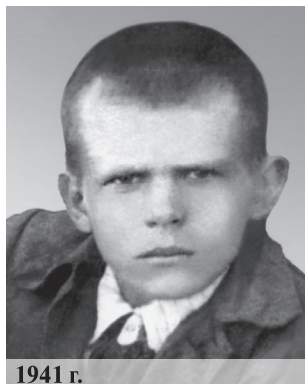
В доме моего дяди, Василия Артёмовича, был организован временный госпиталь, там было собрано и оружие, но оставлять его в доме было в дальнейшем опасно, и мы с моим двоюродным братом по просьбе Игната Ивановича Ерошенко перенесли и спрятали в лесу два десятка винтовок и карабинов, ручной пулемёт, автомат ППД, несколько ящиков с патронами и гранатами. И.И. Ерошенко был оставлен в тылу для создания партизанского отряда, но женщина из соседней деревни рассказала немцам, что он коммунист, и Игната Ивановича расстреляли.

В дальнейшем мне через связную партизанского отряда, Алину Немиленцеву удалось сообщить руководителю отряда Петру Марченко о тайнике с оружием. В этом же отряде партизанил мой двоюродный брат Михаил Блинников, который с группой партизан ночью забрал всё оружие из тайника. Позже я Мише сообщил о найденной мной в лесу немецкой двуколке без колеса и с убитой лошастью, но с большим количеством патронов для автоматов. И партизаны ночью вывезли обнаруженные мною патроны.

Однажды Миша попросил меня добыть затвор к винтовке. Найти затвор в сборе мне не удалось, и я решил собрать его по деталям. Нашёл все детали кроме пружины. Лазя по подбитым танкам, обратил внимание на подвески танковых радиостанций, снял несколько пружин, и по диаметру они подошли к затвору точно. Таким образом мне удалось выполнить просьбу брата.

Дважды во время подготовки немцами наступления я получал задание от партизан: посчитать, сколько немецких машин проходит в сторону Москвы и обратно. Сидя на чердаке своей хаты, я считал машины и орудия на буксирах. Вечером записку с моими данными я оставлял в консервной банке в условленном месте.

В нашем Пропойском районе действовало три партизанских отряда, руководителями которых были Марченко, Стефаненко и Гришин. Самым мощным и боеспособным был отряд Гришина или, как его называли, «Полк тринадцати». Начало отряду положили тринадцать бойцов и офицеров во главе с полковником Гришиным. Партизанский отряд своими действиями так досаждал фрицам, что они вынуждены

1941 г.

были отозвать с фронта дополнительные части для его уничтожения. В лесу, около деревни Бовки, немцы окружили отряд, но в жестоком и неравном бою партизаны прорвали кольцо окружения и ушли в глубь белорусских лесов. Во время прорыва блокады погибло много партизан, в том числе старший брат моей супруги Михаил Немиленцев, моя одноклассница Валентина Гуторова. Через короткое время отряд восстановил свою боевую мощь и вернулся на прежнее место дислокации.

Партизанские отряды снабжали население газетами и листовками, поэтому мы знали обо всех новостях с фронта. Знали мы и о победе под Москвой, о разгроме фашистов в Сталинградской битве, о поражении немцев на Курской дуге. На одной из листовок была карикатура, где Гитлер был изображён в русской шали, наброшенной на плечи, исполняющим русскую народную песню «Потеряла я колечко», а внизу в скобках приписка — «А в колечке 22 дивизии». Такая информация воодушевляла народ и вдохновляла его на дальнейшую борьбу с оккупантами.

В 1943 году я с мамой, двумя сестрёнками и младшим братом на повозке с нехитрым домашним скарбом оказались среди беженцев в Довском лагере, из которого немцы нас погнали в сторону города Рогачёва. Затем планировали переправить через Днепр и дальше — в Германию. Когда конвоир отстал, нам и ещё четырём повозкам удалось свернуть в лес и спрятаться.

Через два дня пришли наши, и мы смогли вернуться домой. Хата встретила нас без окон и дверей, но мы смогли вновь обустроиться.

В марте 1944 года я был призван на службу в Советскую Армию и начал службу в 12-м запасном артиллерийском полку. В учебном дивизионе получил специальность радиста. Затем я был отправлен в 15-ю отдельную тяжёлую миномётную бригаду РК. Меня зачислили в батарею управления и назначили радистом у командира бригады полковника Ивана Кирилловича Богомолова. Боевые действия бригада начала в Венгрии, у озера Балатон, дальше была Австрия.

8 мая 1945 года в городе Линц состоялась встреча с союзными войсками. Затем я служил на территории Болгарии, Румынии. В 1951 году демобилизовался. Окончил вечернюю школу и школу мастеров в Свердловске, там же поступил в Уральский государственный университет, затем перевёлся в БТУ имени Ленина. Работал учителем в школе, в которой сам учился когда-то. С 1973 года живу в городе Сергиев Посад, ныне пенсионер, более десяти лет руковожу историко-краеведческим кружком при детской библиотеке. Жизнь продолжается, и я пока ещё в строю.

Награждён пятью благодарностями маршала Советского Союза И.В. Сталина и двадцатью пятью правительственными наградами.

Надежда Ивановна Лысенко

Война лишила детства!

Война — это страшно! Очень... Это смерть, это огонь, это беззащитные люди, дети...

Родилась я в белорусской деревне Чечёровка Пропойского района (ныне Славгородского) Могилевской области 22 апреля 1932 года в большой крестьянской семье и была десятым ребенком. Отец, Иван Аввакумович, в честь Надежды Крупской назвал меня Надей. До войны я окончила первый класс Михайловской школы. Деревенька наша маленькая — семнадцать домов, но перспективная. Её, Чечёровку, было решено переселить в Рудню.

Там был организован колхоз имени М. Горького, колхозниками которого были и чечёровцы. Где-то в мае-июне люди съехали из деревни, оставив дома и огороды.

22 июня 1941 года, в этот страшный для советских людей день, была паника, слезы, крики. Никто не знал, что это такое — война. Молодые мужчины и ребята ушли на фронт. В деревнях остались женщины с детьми на руках, старики и подростки. Все чечёровцы вернулись в свою деревню. Это немножко подняло дух сельчанам. Надо было жить, что-то кушать. Занимались земледелием.

А враг ликовал. Около Пропойска девушки и подростки копали противотанковый ров, и в один солнечный июньский день этих людей расстреляли с самолетов, бомбы падали несколько минут. Ужасное зрелище! Горит земля, воздух — всё охвачено пламенем... Рёв самолетов, крики и вопли людей...

Вот тут мы стали понимать, что означает слово «война». Через нашу Чечёровку летели воюющие снаряды. И под команду деда Андрея, нашего соседа, мы бежали к ним, дети становились плотно под стену дома, нас было семеро, а взрослые закрывали нас своими телами. Так мы прятались от снарядов! И эта правда в том, что нам, детям, был слышен дикий грохот, гул, а видеть из-под тел прикрывавших нас мам, бабушек и дедушек мы ничего не могли. Спасибо им, что они нас берегли!

Тогда я уверена была в спасении, а потом всю жизнь я понимала, сколько горя и бед выпало на долю нашего народа!

А какие были эти фашисты? Это звери! Это «хозяева» на нашей земле. На них не было никакой управы. Молодежь и покрепче старики ушли в лес.

Беларусь — богатая лесами и реками страна. С первых дней войны организовались партизанские отряды. А это ещё больше озверяло врагов. Первыми в деревню приезжали мотоциклисты. Рёв их мотоциклов мне слышен и сейчас. Так было страшно!

Выбирали лучший дом, вешали на него шильду (на немецком языке) и заезжала вся свора, а в этом доме селились офицеры. Таким домом был и наш. Спали фрицы на полу, на соломе. Они были чистоплотные и недоверчивые. Любили очень наши белорусские драники. Жарили их прямо на русской печи, которая стояла в каждом доме, в углу. До войны и после мы, дети, очень любили на ней греться и спать. Пламя под драниками (жарили в банных тоцах) было очень большое, и мама плакала и молила Бога, чтобы дом не сгорел. Печь они топили не дровами, а мебелью. Она крошилась и сжигалась. Фашисты отнимали у людей всё — коров, кур, их резали и ели, а мы голодали.

Помню, мы зажались под домом, фашисты так быстро шли к дому, и мы кричали: «Яйканикс, млеканикс!»

На оккупированной территории белорусы жили около трех лет.

Ночами из окружения шли русские, измученные и голодные. Мы всей нашей семьей им помогали, чем могли: кормили, обогревали, сестра Маша (медик), перевязывала им раны. (Муж Маши тоже был на войне.) И очень боялись мы своих же полицейских, они могли донести о нас немцам.

До войны все мои братья и сестры были взрослыми. Брат Иван Иванович жил рядом с нами, имел троих детей. Сестра Екатерина жила отдельно, её муж защищал Родину, оставив двоих маленьких детей (двух с половиной лет и месячного). Как началась война, Маша переехала с двумя малышами к нам в деревню. Брат Иван был мобилизован в армию и был на фронте, Александр был военным летчиком, героически погиб в 1943 году, остался сын трех лет, а Михаил и Виктор ушли в партизанские отряды. Виктор — в отряд Петра Модченко, а Михаил воевал в отряде полковника Гришина.

В нашем районе было три крупных партизанских отряда. Третьим командовал председатель райисполкома Стефаненко. Появилась надежда у людей на скорую победу. Все помогали партизанам, приближая её. Собирали оружие, а его ой сколько было после первого фронта. Из партизанских листовок и газет люди узнавали о событиях на полях боевых сражений.

Самым мощным и боеспособным был отряд Гришина, боевые действия которого заставили немцев снять войска с фронта, чтобы его ликвидировать. Но партизаны, прорвав блокаду, ушли вглубь леса, куда немцы сунуться не посмели. При прорыве блокады брат Михаил

погиб. О его героизме и смерти нам писала москвичка, которая воевала вместе с Мишей. Позже, во время боя с карателями, погиб и брат Виктор. Про это все узнали после войны.

И взрослые, и дети трудились, чтобы выжить. Очень чётко помнится, как пахали весной землю. К плугу за две веревки привязывалась поперек палка, за неё брались руками женщины и, толкая грудью, тянули плуг, которым управляла тоже женщина.

Ну а так как ростом я еще не вышла, я держала эту палку в руках, и когда это шествие тормозило, мне как раз попадало ею по лбу. Так, коллективно, обрабатывались все огороды по очереди. Питались очень скудно, в основном тем, что выращивали на огороде. Мама готовила свекольные конфеты. Вареную свеклу нарезала кубиками и сушила в русской печи. Было очень вкусно.

Мы все прятались от немцев в доме сестры Кати. Дом был маленьким, а беженцев было много. Мы с мамой, семья сестры Маши, семья брата Ивана, сноха с тремя детьми и две семьи сестер мужа Маши. Шеломы, деревня Кати, была в лесу, и немцы её навещали редко, чаще с целью наживы.

При обстрелах и бомбежке прятались в гумне. От шума и огня плакали малыши, никак нельзя было их успокоить. Казалось, вот-вот ворвутся немцы и нам капут. Жили одним горем, а еще — ожиданием и надеждой на лучшее. У людей не было соли. А на берегу реки Сож, в Пропойске, остались баржи с солью. Вот туда за солью все и ходили.

Так, мы — я, сестра и мама — пошли в город за солью. Никогда это не забудется! Шли по обочине шоссе. Вокруг каждого дерева лежали трупы наших красноармейцев головой к стволу, вытянув ноги. Я шла с закрытыми глазами и наступила на чью-то ногу. Был крик, истерика, и всю жизнь меня преследовал этот ужас. Конечно, мы с мамой вернулись домой. Дома уже была Маша, собрала соли с земель на берегу. Мама залила её водой и воду добавляла в блюдо.

И ещё... Быстро холодало. Готовились к зиме, заготавливали дрова (пилили заборы, деревья в саду, кто что мог). И вот моя соседка, лучшая подружка Шура, понесла дедушке в Есяновицы пилу, ее нужно было наточить. Дед жил в полутора километрах от нас. И когда Шура перешла шоссе, ее, девочку, расстреляли немцы как партизанку. Дедуля, не дождавшись внуки, сам решил прийти и наточить пилу, на месте. А на дороге он нашел Шурочку мертвой. Мы с Шурой с утра до ночи были вместе: мы играли в куклы, сшитые мамой из лоскутов и ваты, а вот наряды делали мы им сами — вырезали из маминых цветных шалей и кофт. Я пережила сильный стресс от потери своей подружки. Меня долго выхаживали.

Время шло медленно-медленно. Людей окружал страх и безысходность. Все занимались земледелием, заготовками на зиму. Молоко доставалось только детям — для их выживания. На пять наших домов осталось две спрятанные коровы.

Анализируя тогдашнюю нашу жизнь, я, будучи взрослой, сделала вывод, что мы были все сплоченные, добрые, заботились друг о друге. Мы были все родные — наша Маша, наш Леня... Горе и боль соседа были горем и болью всех. Каждый день моей детской жизни был эпизодом.

Да, вот такой еще дикий случай. По нашей деревне проезжали страшные, зеленые, с черными крестами танки. Мама, вспомнив, что ее внуки одни дома, побежала бегом, я за ней. Фриц в это время оставил машину, фашисты вылезают из танка и ржут жутко, мы бежим мимо этих извергов, подбегаем к дому, а наши дети гурьбой стоят под забором и изучают невиданные машины, и никак не могут понять, почему бабуля плачет, собирает и уводит их в дом. А если бы?.. Ведь чаще всего фашисты веселились, а люди гибли при этом.

И вот фрицы совсем озверели. Связи с великой Землей никакой. Связной из лесу принес радостную весть: немец отступает! Но, отступая, он сметал все на своем пути. Сжигал деревни, чаще всего с людьми, расстреливал.

Мы все сбежали к сестре Кате. Но и туда стали наведываться карательные отряды. Пришлось уходить в лес. В лесу выкопали блиндажи. Уже холодало, а так как одежда была никудышная, то мы замерзали.

Нам, детям, в лесу было хорошо. Во-первых, смена обстановки. Кроме того, стало как-то спокойнее, этих рыжих фашистов нет, мы гуляли по лесу — собирали бруснику, кое-где чернику с голубикой. Хлеб напекли еще в деревне, картошку принесли с собой, пока все было. А потом планировали сходить в деревню за продуктами. Но, увы!

В один из солнечных дней открылась стрельба, послышался лай собак — на нас шли с автоматами. Раздалась команда «выходить». Нас всех построили и погнали в деревню. Нас ждали громадные грузовики, всех погрузили и куда-то повезли. Думали, нас расстреляют или повезут в Германию, ведь наших молодых девушек забрали и отправили в Германию. Не знаю причины, но нам повезло. С криком и воплями нас выгрузили ночью прямо на шоссе, и мы — свободны. Все вместе, а нас было много, пошли по дороге. Дошли до Журавич, зашли в бывшую церковь, там было много людей, и мы приютились там, дети сразу уснули. Утром пошли дальше. Дошли до деревни Драгунск и расселились в трех домах. Мы были всегда вместе — я с мамой и две сестры с детьми. Жители нас приняли хорошо: дали картошки, хлеба и даже молока. Хотя у них своя семья состояла из шести человек. Мы помогали им с уборкой урожая: копали картошку, убирали корнеплоды, капусту. За этот труд мы и жили. Там нам жилось спокойно. Немцы приходили, но нас не трогали. Но зато была тьма вшей и клопов, хоть нас, детей, часто мыли, а они просто ползали по тельцам малышей.

Одежды у нас не было, обуви тоже. Ходили по деревням, просили хлеба и что-нибудь из одежды. Я научилась плести лапти (чуни) из ве-

ревок. Сестра Катя изо льна веревки вила. Так жили в неведении. Но все ждали лучших времен, все ждали своих, ждали Победу!

И, наконец, это свершилось! Где-то в начале ноября, под вечер, все было освещено, бежали люди вперемешку с фрицами, стрельба, гул самолетов, рев орудий. Оказывается, стреляли «катюши» — наши орудия. Меня мама держала одной рукой, другой — маленькую внучку Галю, бежим в овраг (туда бежали все). И вот останавливается фриц, молодой, веселый, и на ломаном русском языке говорит: «Гитлер капут, война капут!»

И среди немцев были обыкновенные люди, которым эта война тоже была не нужна. И буквально за его словами крики: «Ура-а!..» Какое счастье — наши, родные, в белых халатах! И дети, и взрослые — все люди плачут, обнимаются, радуются!

Возвращаемся в деревню и начинаем тут же, ночью, собираться домой. Наши хозяева радуются вместе с нами, дают нам какую-то теплую одежду. Обувь нужна была для мамы и сестры Маши. Но это не проблема. Я научилась плести лапти. Они были уже изготовлены.

Совсем не помню, кто нам дал лошадку с повозкой, детей посадили на эту повозку, взрослые шли рядом. И почему-то лапти у мамы стали короткими, или я их такими сплела, но на полпути ей пришлось в лапти накладывать солому с повозки, чтобы пятки не касались земли. А шли мы более пятидесяти километров. Наконец, добрались!

Дом — пустой, одни стены без пола, потолка, окон, печки, грубки, зато все кирпичи были целы, под полом. И с двух сторон дома — блиндажи, туда были закопаны сараи. В одном из них была печка с трубами и плитой, стол, спальное место, чем-то похожее на широкие нары. И даже наши подушки и одеяла. В этом жилище мы и расположились. Некоторые соседи вернулись раньше нас, остальные постепенно прибывали. Сгорело два дома: Егоров и Емельянов. Они обосновались в своих деревенских банях. Несмотря на это, все были счастливы, что вернулись домой. Стали заготавливать продукты на зиму. Помню, мы шинковали большую бочку овощей: капусту, морковь, свеклу. Нарезали все вместе и засолили. Овощи были подмерзшими, но вкусными. Их ели с картошкой и варили щи.

В нашем доме размещался военный продовольственный склад. Родные солдатики нам очень помогали: давали понемногу соли, сухарей, макарон и даже сахару. А когда вернулись в свою деревню, повар принес отварные макароны с тушенкой. Как мы ели! У нас, детей, потом болели животы. Наверное, мы переели такой вкуснятины.

Сразу же началось восстановление разрушенного врагом хозяйства. И вся работа легла на плечи женщин, детей и стариков. Вскоре вер-

нулось колхозное стадо крупного рогатого скота, которое угоняли в глубь страны. Работы нам ещё прибавилось: скот надо было кормить и поить. Стали появляться телята, за которыми мы ухаживали вместе со взрослыми. Работали на прополке растений в поле и огороде, для скота сушили и сгребали сено на лугах, помогали осенью убирать урожай, после жатки собирали колосья в поле, убирали картофель. Вобщем, работали вместе с взрослыми.

Деревня работала без выходных, и в отпуск никто не ходил, и, тем более, не ездил на море.

В феврале в деревне Рудня, за три километра от нас, открылась начальная школа. Школа находилась в частном доме в одной комнате, во второй жили хозяева. Учились в две смены. Один учитель занимался с двумя классами. Я пошла, пропустив второй и третий классы, сразу в четвертый. Нашу учительницу звали Наталья Андреевна. Нам было в школе так хорошо!

Мы хотели учиться, и Наталья Андреевна старалась нас научить всему. Весной сдавали экзамены в деревне Васьковичи, в средней школе. Все перешли в пятый класс. Я в классе была меньше всех, но училась хорошо. Мои же сверстники учились во втором классе. В этой школе я получила среднее образование и, окончив пединститут, работала учителем физики двадцать лет.

Самое страшное время для нашей семьи наступило тогда, когда стали приходить похоронки. Ведь наша семья получила похоронки на троих братьев. Стало известно и о смерти папы. Он был осужден по ложному доносу. Реабилитирован был посмертно «за недоказанностью обвинения». Получили извещение и на Ефима, мужа сестры Кати, на дядей, двоюродных братьев. В это время мы не жили, просто существовали. Берегли маму, она была невменяемой. Вернулся домой брат Иван, весь израненный. Чуть позже пришел с войны муж Маши, Егор Андреевич.

Чуть позже обстановка изменилась. Приобрели корову, жить стало легче, в доме был мужчина. Дом сестры в войну сгорел. Муж сестры отстроил новый дом, и ее семья переехала в Славгород (Пропойск).

Из нашей большой когда-то семьи осталось нас двое — я и моя мама Ксения Григорьевна — великая труженица, милейший человек. Она нас всех семерых вырастила, выучила, воспитала. Мы все достойные люди своей страны. Мы благодарны маме за все. Она ещё помогала растить и воспитывать наших детей, своих внуков.

Вот вкратце кусочек моей биографии, ребенка войны. Я не хочу, чтобы на земле были дети войны! Пусть она никогда не повторится.

За свою трудовую деятельность в военное время я награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Тамара Михайловна Малышева

В 1940 году мы с отцом и няней приехали в город Загорск (а откуда — не знаю) на улицу 1-я Рыбная, к брату отца. В 1941 году отца забрали на фронт, а я всю войну прожила на этой улице.

В 1947 году открылся детский дом в Птицеграде, там, где позднее была кожно-венерологическая клиника. Я пошла в четвертый класс Птицеградской школы. В детском доме воспитывались вначале одни девочки. В школу ходили с сумками. Между детским домом и школой было большое поле с морковью. Мы её ели, обтерев о штаны. Все дети очень любили дежурить по столовой. Дядя Ваня, который работал на кухне, должен был нарезать двести кусков хлеба. Мы сдвигали несколько кусков на край стола, они падали и потом мы прятали куски хлеба под матрасы. Рядом с детским домом были пруды, в которых разводили рыбу. Мы стояли на берегу и смотрели, как мужчины кормят рыбу жмыхом, а они кормили не только рыбу, но и нас. И мы его ели. В детском доме каждое утро была линейка, на которой производился осмотр одежды детей, и если что-то было не так, то в присутствии всех её рвали.

В 1950 году в детский дом привезли мальчиков. После окончания седьмого класса меня вывели из детского дома, затем я поступила в техникум города Александрова. Во время каникул я подрабатывала в детском доме ночной няней, нас там кормили. После окончания техникума я поехала работать в Сибирь, в Кемеровскую область. Работала учителем начальных классов в посёлке рядом с тайгой. Проработала там пять лет. Затем переехала снова на 1-ю Рыбную улицу и пошла в Горно, там мне дали направление в детский сад номер шесть, что рядом с вокзалом. Потом работала учителем начальных классов в Птицеградской школе.

Зав. Горно Зими́на А.Г.

Константин Иванович Мальцев

В 1940 году моя мать построила дом, в который мы заселились весной 1941 года, а в июне началась война. Семья состояла из шести человек: мать, тётка и четверо детей.

Осенью 1941 года у нас во дворе стояла какая-то наша автомобильная часть. Мужчины чинили машины-полуторки. В одну из ночей октября или ноября эта часть от нас куда-то уехала, и мы остались одни. Помню, как мы в эту ночь сидели в комнате на сундуке и смотрели в окно, которое выходило на запад! А видели в окно, как на западе разливались сполохи, как летом. Мать с тёткой говорили, что сполохи выз-

ваны артиллерийскими выстрелами, которые производились в районе деревни Яблонство.

К утру всё стихло, и наша семья спустилась в погреб, который находился в сарае. В нём мы просидели какое-то время. Я не помню, сколько суток прошло, только как-то утром соседка постучала в дверь сарая и крикнула нам, что немцы пришли. И правда, когда мы вышли из погреба, то увидели немцев, которые шли колоннами по шоссе, которое проходило недалеко от нашего дома. Шли они со стороны села Тёплое в сторону города Ефремов (Тульской области.— Примеч. ред.). А че-

рез несколько дней в нашем доме появились немцы с автофургоном, который они поставили почти вплотную к нашему дому, с западной стороны. Немцы жили у нас в доме. Утром они уходили в эту машину, и весь день там находились, а вечером вылезали из неё. Приносили с собой водку и какую-нибудь живность, которую они забивали и заставляли тётю ее жарить. Когда мясо было готово, они садились за стол и пьянствовали до полуночи.

Все говорят о культуре немцев, но я ее почему-то не заметил. Они, как правило, раздевались по пояс, постоянно чесались и портили воздух, орали и ржали, как лошади.

У матери было три гуся — гусак и две гусыни. Так вот, двух гусей они зажарили и съели, а одну гусыню оставили нам. Среди этих немцев был один офицер, который очень хорошо говорил по-русски. Его мать как-то спросила, где он научился так хорошо говорить по-русски. Так он ответил, что он немец с Поволжья. На вопрос матери, как он оказался в армии немцев, он сказал, что его позвал фатерланд.

Эти немцы у нас простояли около двух недель, а затем куда-то делись, а на их место пришли финны. Это были настоящие бандиты. Морозы стояли сильные, а они ходили с засученными по локоть рукавами. Их руки были покрыты рыжими волосами. У них были огромные лошади, которых они пытались поставить в наш сарай. Мать их попросила не делать этого, по причине ненадёжности перекрытия погреба, в котором мы прятались, когда ждали немцев. Но они мать не послушали и поставили лошадей в сарай, и одна из лошадей провалилась одной ногой в погреб. Так эти финны чуть не убили мою мать. Правда, пришёл какой-то офицер, разобрался и сказал, что ему гибель моей матери ни к чему.

А в начале декабря 1941 года по нашему посёлку из-за реки Красивая

Меча (река в Тульской и Липецкой областях, правый приток Дона.— Примеч. ред.), стали бить из пушек наши войска. В результате чего немцы стали интенсивно отступать по шоссе, по которому они пришли, но Красная Армия перекрыла им эту дорогу сплошным артиллерийским огнём, после чего они стали отступать через наш посёлок.

Посёлок состоял из отдельных жилых кварталов, между которыми находилась площадь. Вот через эту площадь они и стали отступать. Огненный шквал продолжался целый день. Затем всё стихло. На следующий день, утром, мы вылезли из погреба. Вся площадь перед домом была устлана трупами людей и лошадей, повозками, а против окна нашего дома стоял большой миномёт и повозка с винтовками, которая зацепилась колесом за межевой столб, стоящий на углу нашего дома.

Как появились наши солдаты, я не помню. Но зимой 1942 года у нас в доме поселились сапожники. Это были два солдата. Одного звали Алексей, а другого — Пётр. Они обслуживали лётчиков-истребителей, которые разместились в лесу, неподалеку от нашего посёлка, у деревни Ясенива. А разместились они там потому, что в этом месте до войны был аэродром. Вечерами к этим сапожникам собирались лётчики и солдаты, обслуживающие эту авиационную часть. Запомнилось, как они бурно обсуждали положение фронта под Касторным (административный центр Касторенского района Курской области, расположен на реке Олым в бассейне Дона.— Примеч. ред.).

Осенью 1942 года меня послали в школу, которая располагалась в полуподвальном помещении разрушенного здания, но её я посещал только до середины октября по причине отсутствия обуви. Окончательно учиться я пошёл только в 1944 году в школу на улице Свобода, которую окончил в 1951 году.

Людмила Ивановна Маргулис (Измайлова)

Я родилась в 1934 году под Волгоградом (Сталинградом) в семье служащих. Отец, Иван Никифорович Измайлов, был представителем самой гуманной на свете профессии — он агроном. Любил землю, с волнением рассказывал и показывал, как растёт зерно, как наливаются колос, что нужно, чтобы он был полновесным и так далее. Отец был донской казак. Он рано остался сиротой. Его мать умерла, когда отцу шел девятый год. Звали её Людмилой. В честь бабушки мои родители называли меня — своего первенца, хотя, по словам отца, ждали сына.

До совершеннолетия отец воспитывался у бабушки с дедушкой, а его отец был призван в солдаты и участвовал в первой мировой войне. Бабушка и дедушка очень любили Ванюшку, растили и воспитывали

из него настоящего казака. Он познал крестьянский труд, умел ухаживать за животными, любил лошадей.

До Великой Отечественной войны я себя не помню. А отдельные эпизоды запечатлелись и встают перед глазами, стоит только чуть напомнить. Например, первый день войны. Я проснулась и вижу: мать с отцом сидят на кровати и плачут. Над кроватью висел чёрный репродуктор и что-то вещал (люди старшего поколения помнят те средства информации). Сказали мне, что... война. Что такое война, я поняла значительно позже.

Отца призвали буквально в первые же дни. Опять встаёт перед глазами картина. Где-то у железнодорожных путей тьма людей. Сидят на земле, стоят кучками. Видимо, семьями. Где-то гармошка, где-то плач. Бегают дети. Такой какой-то гул. По сигналу новобранцы, отрывая от себя жён, матерей, вырываясь из объятий, бегут к открытым вагонам-теплушкам. Туда же, по наклонному трапу, заводят лошадей, а у лошадей из огромных глаз льются слёзы! Никогда этого не забыть!

О первых днях войны написано много. Позже отец рассказал, как ели мёрзлую конину убитых лошадей и так далее. Воевать ему пришлось недолго. В марте 1942 при форсировании Керченского пролива он был ранен. Снайпер настиг его, когда он наклонился и собрался прыгнуть в окоп. Пуля вошла спереди у третьего ребра, вышла сзади у девятого, задев позвоночник. Отец выжил, но стал инвалидом, несколько согнулся, уменьшился в росте. До конца дней дышал одним лёгким. Второе — ссохлось. А мы — мама, сестрёнка и я переехали к бабушке. Там же, под Волгоградом, у бабушки был дом, как его называли — пятистенка. В нём две большие комнаты: горница и то, что теперь называли бы кухней. В ней была большая русская печка, и к ней пристроена плита. К этому времени бабушка жила одна. Деда в 1937 году без права переписки посадили на десять лет. (Деда реабилитировали, а бабушке назначили пенсию. Это было при Хрущёве.) Два её сына, Николай и Вячеслав, уже воевали, хотя их, как «детей врага народа», не сразу взяли на войну. Но когда стало туго, они сгодились. Оба вернулись с орденами, правда, старший Николай — инвалидом. Дом бабушки стоял в десяти-пятнадцати метрах от грейдера, по которому весь 1942 год день и ночь двигались колонны автомашин с солдатами и чем-то ещё в зачехленных машинах.

В доме у бабушки стоял штаб. В горнице большой стол посередине и, очевидно, командиры. В первой комнате, на соломе, много-много солдат. Мы — на печке. Топили соломой и шляпками от подсолнуха. По осени подсолнечник не успели убрать, а зимой все на санках ездили, рубили под корень, привозили одновременно и топливо, и еду. Семечки вытряхивали из шляпок и ели все. Шелухи от семечек в комнате было, наверное, по щиколотку. Каждый вечер солдаты, сидя на соломе (на полу), снимали с себя гимнастёрки и над горячей плитой водили шва-

ми поближе к огню — избавлялись от вшей... Слышен был даже треск лопающихся кровососов. Сколько же их было?! Белые, крупные!..

Как мылись? Не помню. А нас, детей, мыли щелоком (мыла ведь не было). Щелок готовили так: золу заливали водой, она постоит, потом ею моются, стирают и так далее. У нас, детей, тоже были вши... В палисаднике стояла то ли пушка, то ли другое какое орудие. Когда налетали немецкие самолёты нас бомбить, оно стреляло. Об успехах этих стрельб что-то не говорили, но слышны были не прекращающиеся стрельба, взрывы, гул. Земля дрожала. От этого пристроенные к дому коридор и кладовка «отъехали» от дома примерно на полметра. Во всяком случае, мы, «мелочь», туда лазили. А на огороде в результате бомбёжек осталось одиннадцать воронок от бомб. И это на десяти сотках! Позднее, несколько лет ушло на выравнивание поля.

Ближе к осени 1942 года под Сталинградом было совсем жарко, мы эвакуировались ещё дальше, на хутор. Там я пошла в школу. В одной комнате одна учительница учила первый и третий классы. В другое время там же — второй и четвёртый. Очень долго писали карандашам. В качестве тетрадок были книги. Между строчками мы и писали.

Приютила нас (несколько семей) одна добрая душа. В небольшой комнате нас было шестнадцать человек. Все дети опять на спасительной печке: спали, играли, ели, ссорились, мирились и так далее.

Помню, что, видимо, от недоедания и простуд многих замучили чирьи. Лекарств не было никаких. Прикладывали какие-то листики. Пройдёт в одном месте — вскочит в другом... А больно-то как! Потом, по чьей-то подсказке, стали прикладывать детский кал от ребятешек до одного года. Кажется, помогало.

А ещё помню своеобразный праздник. Настало время из ульев откачать мёд. Для этого существовала «медогонка» — агрегат, похожий на бочку с ручным приводом. В него вставляли рамку с мёдом, начинали крутить, мёд стекал в ёмкость. Медогонка была на хутор одна. Её переносили из дома в дом. Заканчивали в одном доме, хором переносили в другой и так далее. Но самое интересное, что вместе с медогонкой ватагой перебежали дети. Все! Сколько нас было. Нам наливали в большой медный таз золотистого лакомства, и мы пальцами начинали макать и лизать. Кто сколько мог!!! Хлеба не было, а пальцы с собой!

Зима. Декабрь 1942 года — февраль 1943 года. Морозы лютые. Снега под крыши. В школу почти не ходили. Да и не в чем. Информация? Это когда кто-то приедет со станции. Но все ждут. Ждут победы, ждут чуда.

Февраль 1943 года. Великая Сталинградская битва завершилась победой! Разгромлена и окружена огромная трехсоттысячная фашистская армия!

С высоты прошедших лет понимаешь, какой же это ужас — ВОЙНА! Гибнут миллионы ни в чём неповинных людей!

При окружении взяли генерал-фельдмаршала Паулюса, генералов, многих офицеров Вермахта, а остальные почти триста тысяч голодных, раздетых солдат отправились по заснеженным дорогам искать своей смерти. Они шли, стучали в окна, двери, просили тепла и еды. Но у нас-то ничего не было! Как пароль звучало: «Матка, Гитлер капут!», и ведь давали эти сердобольные матки, кто картошку, кто свеклину, кто шляпку подсолнуха... Но это была капля в море. Все они были обречены.

С наступлением тепла все эвакуированные, как птицы, потянулись к своим гнёздам, а война покатилась дальше, на запад. Возвращались раненые домой. Приходили по-прежнему и похоронки... Но все жили, работали до седьмого пота и ждали победу.

Я помню 2 мая 1945 года. Кто-то по радио услышал, что уже победа. Начали было праздновать, но, оказалось, надо ещё подождать.

И вот 9 мая 1945 года! Гудит всё, что может гудеть, звенеть, петь: гудят паровозы, поезда, машины, трубы, люди! Ликование всенародное!

В нашей школе, в которой раньше был госпиталь, а окна заложены кирпичом (когда-то стёкла вылетели от взрывов), теперь вставили стёкла, стало в классе светло, как во дворце. У нас появились первые тетради и новые учебники.

Но, боже мой! Какие же каракули мы выводили в этих новых тетрадях?! И вот моя учительница Клавдия Алексеевна уже в четвертом классе, решила нас учить — правописанию. Приказала купить пёрышки № 86 (для письма с нажимом), разлиновать тетради, чтобы соблюсти наклон букв. И началось... Она каждому писала буквы от А до Я, их соединяя. И... дело пошло. Но зато мы, позднее, весь класс — все сорок человек, писали, как один человек. Даже это привело в конце четвертой четверти к неприятности. Была какая-то контрольная, мы её дружно написали, отправили всё в районо, а оттуда комиссия. Кто писал? Как писал? Нас собрали в классе и при комиссии заставили писать... Потом, кажется, перед учительницей извинялись.

Наша Клавдия Алексеевна следила за нами до десятого класса: как учимся, как ведём себя, с кем водимся и так далее. Про неё можно было написать книгу: о том, как она учила нас танцевать, причём, мальчика с девочкой, как учила коллективизму, взаимопомощи, трудолюбию и честности. Нам в те годы ежедневно давали кусочек хлеба и ложечку сахарного песка. Она по очереди назначала дежурных — тех, кто шёл получать это богатство, а потом всем поровну делил и выдавал его, никого не обидев.

Или ещё. Был в классе мальчик. Отец у него сидел в тюрьме. Жил он с мачехой, которая его очень обижала. Ходил он в рваной одежде (формы ещё не было), всегда голодный... Клавдия Алексеевна обратилась к нам: «Давайте Вите сошьём телогрейку и ватные брюки, купим обувь и рубашку». Все принесли деньги, кто сколько мог. Этого, конечно, ни на что не хватило, но участвовали в приобретении одежды для одноклас-

сника все. Остальное сделала наша любимая учительница. Она принесла рубашки и носки своего мужа. Сшили Вите костюм. Радость была для всего класса. Но вдруг через неделю Витя пришёл опять в своей старой одежде. Что случилось? Оказывается, мачеха сняла с Вити костюм и отдала его своему сыну... Клавдия Алексеевна после уроков пошла с Витей домой и внушила женщине вернуть ему всё и немедленно, а при повторении подобного пригрозила принять более серьёзные меры. Какие? Не знаю. Но справедливость восторжествовала!

У нас в школе было много хороших учителей. Я их помню, поминую и благодарна им по гроб жизни. Учителя были в основном эвакуированны из Москвы, Ленинграда, Киева и других городов. После войны некоторые уехали домой, а некоторым уже некуда было ехать, и они остались. Они лишились семей, домов, а здесь худо-бедно обзавелись всем необходимым, приобрели друзей. Они с нами занимались не только на уроках, но, по мере необходимости, и после уроков. Всё своё свободное (от грядок, цыплят, поросят и прочего) время мы проводили в школе: занимались в кружках, участвовали в самодеятельности, пели, танцевали. К каждому мало-мальски знаменательному событию готовили доклады, выступления, а потом, конечно, танцы (это теперь дискотекой называется). И, конечно, всё под руководством и при участии учителей. В те же годы все бредили приближающимся коммунизмом, и всё делали, чтобы он скорее настал: сажали снего- и ветрозащитные лесные полосы. Они до сих пор существуют в Волгоградских степях. Мечтали о стройках коммунизма. Это, в первую очередь, об электростанциях. Когда я окончила школу, не было сомнений, куда идти и что делать. На передний край! В гущу строителей коммунизма!

Школу я окончила с золотой медалью. Дальше — дорога в Москву! В Московский энергетический институт! Именно с профессией энергетика можно быть ближе всего к стройкам коммунизма. Здесь я встретила своего будущего мужа Владимира Маргулиса. Когда я своим родителям написала, что выхожу замуж, мама на другой день после получения письма выехала в Москву, тогда появился и у неё первый седой волос. Долго не могла понять я, отчего она так переволновалась? Мы дали обещание, что институт не брошу, буду учиться и так далее. Слава богу, всё так и получилось! Мой муж получил направление на работу в Хотьково на завод «Электрозолит». Мне он не препятствовал учиться, и даже помогал во всём. Когда я получила диплом, путь был в Хотьково, на «Электрозолит».

Сорок один год проработала я на заводе, имею два авторских свидетельства на изобретения. Награждена правительственными наградами, мне присвоены звания «Ветеран труда», «Заслуженный Электроизолитовец», «Заслуженный ветеран Подмосковья», «Почётный гражданин г. Хотьково».

Валентина Георгиевна Маруфенко

Я родилась 15 октября 1936 года в городе Карачев Брянской области в семье военнослужащего.

Отец погиб в 1940 году, во время Финской войны. Вскоре после начала Великой Отечественной войны фашисты оккупировали наш город, их расселяли по домам и квартирам местных жителей. Очень хорошо помню это ужасное время, как два года жили под одной крышей с фашистами, не один раз за малейшее нарушение «их порядка» видела направленное на нас (детей, бабушку, маму) дуло пистолета...

Каждый день бомбёжки, звон разбитых стёкол, пожары, убитые...

Рядом с домом находился сквер, в котором мы с мамой до войны гуляли. Фашисты устроили там кладбище: ровные ряды белых крестов, каски на холмиках...

А городской драмтеатр превратился в тюрьму для наших военнопленных, из окон свешивались котелки и фляги, пленные просили воды. Мы наливали в эти котелки воду (колонка была рядом); так повторялось много раз, пока нас не отгоняли фашисты. Но самое ужасное было впереди. В августе 1943 года под напором наших войск немцы отступали, захватив нас с собой. Рано утром нас (детей, женщин, стариков) выгнали из домов, построили рядами и погнали на вокзал. Там погрузили в товарные вагоны без полок и скамеек, лишь маленькое окошечко вверх и дыры в полу, двери закрыли на засов и повезли в неизвестном направлении. Так мы оказались в концлагере в Германии (название места пребывания не помню). Жили мы в бараках по шестьдесят-семьдесят человек, спали на двухъярусных нарах. Дневной рацион питания: утром «баланда» (мука, заваренная в кипятке), в обед — варёная брюква, вечером — маленький кусочек хлеба и несладкий чай. В концлагере мы находились до апреля-мая 1945 года.

Отлично помню день освобождения. Утром, прорвав колючую проволоку, в лагерь въехали наши танки. Все побежали к танкистам, женщины стали их подбрасывать вверх, народ ликовал.

Вскоре мы вернулись в свой родной город, разрушенный и сожженный до основания. Это было трудное время, холодное и голодное. Главное — Победа и свобода!

После войны окончила среднюю школу с медалью, поступила в Московский полиграфический институт. После окончания института

была распределена с мужем в город Загорск Московской области. Работала сначала технологом в типографии, потом на Скобянском посёлке и с 1963 года в поселке Реммаш НИИХСМ (п\я М-5554).

После выхода на пенсию (в 1992 году) более пятнадцати лет проработала в Совете ветеранов посёлка. Награждена медалью «Ветеран труда», юбилейными медалями в честь Победы в Великой Отечественной войне, знаком «Почётный ветеран Подмоскovie».

Имею дочь, двух внуков, трёх правнуков. Живу отдельно в двухкомнатной квартире, в настоящее время — инвалид второй группы.

Ангелина Михайловна Метлина

Я являюсь ребенком войны. Когда началась Великая Отечественная война, было четыре с половиной года, вот несколько эпизодов из моих воспоминаний и воспоминаний моих близких.

Помню, как вошел к нам первый немец. Вся семья находилась в окопе, я играла на площадке, вход был закрыт фанерой, вдруг фанера громко отброшена, и на входе появился немецкий солдат с автоматом, ноги он широко расставил и громко крикнул: «Матка, млеко, яйка, курка!» Бабушка быстро побежала в сарай, там было пять кур и петух. Немцы тут же, на наших глазах, открутили им головы, я очень громко заплакала, а мама схватила меня и побежала в окоп, опасаясь того, как бы немцы чего со мной не сделали.

Немцы заняли одну из комнат (у нас был частный дом), всегда вечерами пили, курили, очень громко разговаривали, смеялись. Я заболела, мама положила меня в другой комнате, так как в окопе было очень сыро, со мной была кукла, немцы взяли мою куклу, привязали веревку на шею и над печкой повесили ее, а потом стали кричать: «Ангела, партизан, партизан, бах, бах!» Это они меня так развлекали, а я начала кричать, плакать. Мама очень испугалась и быстро унесла меня в окоп.

Во дворе у нас были сплошные ворота, и внизу — небольшое отверстие. Немцы уходили из города, и мы наблюдали их уход. Было очень страшно! По улице шли танки, мотоциклы, летели над нами самолеты — это была лавина металла, и стоял сплошной гул.

Это рассказывала мама. Это было утром. Перед тем, как немцам войти в город, шла бомбежка, мы все еще спали. Недалеко от нашего дома на жилой дом упала бомба, а дядя в это время лежал на кровати, около окна, осколок пробил окно и упал ему на живот, но ничего не повредил, по всей вероятности, он (снаряд) потерял силу, и тогда мы все побежали в окопы. За двором было здание военного училища, немцы полностью уничтожили его, а также больницу, поликлинику и еще несколько жилых домов. После бомбежки немцы вошли в наш город Прохладный, тогда это была Кабардинская АССР.

Бабушка рассказывала, что за городом находился концлагерь под от-

крытым небом. Пленные лежали на земле, их было много и их не кормили, к ним невозможно было приблизиться, так как лагерь находился в поле, и немцы зорко его охраняли.

Прошло столько лет, а в моей памяти остался окоп, немцы и моя кукла, которую мне подарил дедушка, когда мне исполнилось четыре года, я ее очень любила.

Дедушка погиб в первые месяцы войны, без вести пропал дядя, до сих пор о нем ничего не известно. Отец был ранен в голову, но выжил, очень долго находился в госпитале, а затем вновь ушел защищать нашу Родину.

Так хочется, чтобы мир в нашей стране сохранялся всегда, чтобы не было смертей и слез, осиротевших детей. Будем на это надеяться.

Валентина Васильевна Миронова (Крыжова)

В начале войны мы жили в деревянном доме на юге северной столицы. С начала артобстрелов нам было приказано переехать в центр города, туда снаряды меньше долетали. Наш деревянный дом сгорел во время обстрелов. Мама осенью, после уборки урожая, заготовила с близлежащих полей капустные листья. Благодаря этим нехитрым припасам мы выжили. В городе все слушали радиосводки с фронтов, выступления чтецов, официальных лиц. Была такая передача — «Письмо с фронта». Однажды мы услышали, как зачитывают письмо с фронта от командира и сослуживцев героически погибшего солдата. Им оказался мой двоюродный брат. Мама поехала в редакцию радио и ей отдали отпечатанный на машинке текст письма. Позднее она передала его тете, своей сестре. Тетя долгие годы не могла отойти от горя, а это письмо фронтовиков о героической гибели брата я до сих пор храню в своих дневниках и зачитываю его родным.

Спустя годы я стала писать стихи о блокадном Ленинграде, о подвигах его защитников, обо всех нас, переживших страшные лишения, голод и холод, об умерших мученической смертью. Тогда, в блокаду, самое главное было сохранить победоносный дух, не сникнуть, не спасовать, не раскиснуть. О блокаде писали Ольга Берггольц, Анна Ахматова, другие поэты. Чтобы грядущие поколения знали и помнили о подвиге ленинградцев, живших в блокадном кольце, им необходимо знать наизусть стихи об этом героическом прошлом страны. Замечательной иллюстрацией тех дней является стихотворение Юрия Воронова «Баллада о музыке»:

*Им холод
Кровавит застывшие губы,
Смычки выбивает из рук скрипачей.
Но флейты поют,
Надрываются трубы,
И арфа вступает,
Как горный ручей.
И пальцы
На лед западающих клавиш
Бросает, не чувствуя рук, пианист...*

*Над вихрем
Бушующих вьюг и пожарниц
Их звуки
Победно и скорбно неслись...
А чтобы все это
Сегодня свершилось,
Они
Сквозь израненный город брели.
И сани
За спинами их волочили —
Они так
Валторны и скрипки везли.
И темная пропасть
Концертного зала,
Когда они все же добрались сюда,
Напомнила им
О военных вокзалах,
Где люди
Неделями ждут поезда:*

*Пальто и ушанки,
Упавшие в кресла,
Почти безразличный, измученный взгляд...
Так было.
Но лица людские воскресли,
Лишь звуки настройки
Нестройною песней
Внезапно обрушили свой водопад...*

*Никто не узнал,
Что сегодня на сцену*

*В последнем ряду посадили врача,
А рядом,
На случай возможной замены,
Стояли
Ударник и два скрипача.*

*Концерт начался!
И под гул канонады —
Она, как обычно, гремела оркестр —
Невидимый диктор
Сказал Ленинграду:
«Внимание!
Играет блокадный оркестр!..»
И музыка
Встала под мраком развалин,
Крушила
Безмолвие темных квартир.
И слушал ее
Ошарашенный мир...*

*Вы так бы смогли,
Если б вы умирали?..*

Валентина Васильевна Миронова

Я всегда была уверена в победе

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей выдержки из уникального документа-«Дневника» 1941–1942 годов, который вела в блокадном Ленинграде в течение многих месяцев Валентина Васильевна Миронова. Она ныне проживает в городе Пушкино.

Несколько слов о ней. Ученица восьмого класса Ленинградской школы Валентина Миронова встретила войну в пионерском лагере под Ленинградом (станция «Островки»), где она была пионервожатой.

Война ворвалась в детскую жизнь Вали и миллионов её сверстников неожиданно, перевернув все мирные планы. Многие одноклассники Вали были эвакуи-

В.В. Крыжова, 1978 г.

рованы в первые месяцы войны, кто-то остался в городе. Осенью 1941 года Валя Миронова устроилась работать секретарем на командный пункт Ленинградской ГЭС № 1. В это время из большой семьи Мироновых в городе осталось два человека — Валя и её мать. Брат и сестра были эвакуированы в го-

Валентина Васильевна в кругу семьи. Справа налево от нее: дочь Людмила, сын Сергей, дочь Галина. 2000—2002 гг.

род Томск в числе других слушателей Академии связи имени Буденного. Отец, Василий Яковлевич Миронов, видный энергетик, начальник Новгородской ГЭС, был репрессирован ещё в 1933 году, и только в 1962 году он был реабилитирован посмертно.

Свой дневник Валя вела до весны 1942 года. Вместе с умирающей мамой на руках она 9 апреля 1942 года была вывезена на машине по «Дороге жизни» и с большими трудностями и лишениями добралась до города Томска. Мать и дочь вместе с другими беженцами ехали туда в товарном вагоне в течение месяца и десяти дней.

В Томске мама поправилась, а Валя вышла замуж за Бориса Александровича Крыжова, выпускника Академии связи имени Буденного. В 1943 году, через несколько месяцев после свадьбы, её муж был направлен на фронт, Валентина Васильевна Крыжова родила старшую дочь Людмилу и с нетерпением стала дожидаться Победы и возвращения с фронта любимого мужа и родных.

И этот счастливый день наступил... После войны Валентина Васильевна с родными вернулась в Ленинград — вместе со всем составом сотрудников и слушателей Академии связи. Затем она вместе с дочерью едет к мужу в город Каменск Ростовской обл. Вместе они едут в Ленинград — там полковник Б.А. Крызов проходил учебу в ракетной Академии имени Дзержинского.

В Ленинграде супруги прожили пять счастливых лет. Валентина Васильевна окончила десятый класс, родила дочь Галину. В 1952 году муж получает новое назначение — в город Семипалатинск на должность заместителя по науке в в/ч 52605. Всё семейство отправилось в Семипалатинск, где им предстояло прожить более двадцати лет. Здесь, в Семипалатинске, расположенном в ста пятидесяти километрах от ядерного полигона, в 1954 году, у них родился сын Сергей.

Пионерлагерь завода «Электросила», станция «Островки», 20 июня 1941 г.
Пионервожатая Валя Миронова (с косичками, в белой блузке) сидит в центре у флага.

Ныне Сергей Борисович Крыжов — депутат областной Думы, уполномоченный по правам человека правительства Московской области. В Семипалатинске Валентина Васильевна окончила институт (ВИСМ), работала в бюро измерительных приборов.

С 1973 года семья Крыжовых переселяется в город Пушкино. Валентина Васильевна устроилась на работу КБ «Химмаш» имени Исаева в городе Королеве (бывший Калининград), где она проработала пятнадцать лет, проверяя высокоточные измерительные приборы.

Ныне бывшая блокадница, ветеран труда Валентина Васильевна Крыжова находится на заслуженном отдыхе. Она имеет много наград Родины, в том числе — медаль «За трудовую доблесть», которую очень ценит.

Муж Валентины Васильевны умер, но у неё есть большая семья — дети, четверо внуков и пятеро правнуков, которые и думами, и сердцем всегда с ней. Старшей правнучке Дашеньке, красавице и умнице, уже десять лет.

Валентина Васильевна все так же миловидна, подтянута и энергична, по-прежнему общительна. Она часто встречается со своими земляками-блокадниками и бывшими сослуживцами. Свой дневник читала не раз своим детям и внукам.

Нормы хлеба в Ленинграде

С 13 ноября 1941 года:

рабочим — 300 граммов хлеба;
служащим, детям и иждивенцам — 150 граммов хлеба

С 20 ноября 1941 года:

рабочим — 250 граммов хлеба;
служащим, детям и иждивенцам — 125 граммов хлеба

С 25 декабря 1941 года:

рабочим — 350 граммов хлеба;
служащим, детям и иждивенцам — 200 граммов хлеба

С 24 января 1944 года:

рабочим — 500 граммов хлеба;
служащим, детям — 400 граммов хлеба;
иждивенцам — 300 граммов хлеба.

За весь январь рабочие получили: 1,5 килограмма крупы, 400 граммов мяса, 50 граммов масла, 550 граммов сахара (кондитерских изделий), а служащие и иждивенцы еще меньше.

Дневник Вали Мироновой

(Начат в дни Великой Отечественной войны)

1941 год

23 октября

Вот уже прошло четыре месяца войны с Германией, сколько жертв и несчастий несет эта война. Но раз война, то надо со всем мириться. Правда, проходят мои лучшие дни молодости, сколько бы было развлечений и веселья... Настоящая обстановка очень сложная. Весь Запад горит в огне. Проклятые фашисты нарушили наше мирное житье. Но они жестоко поплатятся за все свои зверства. Я почему-то уверена, что мы победим, и Гитлер войну проиграет...

Мы победим! Это так же верно, как то, что меня зовут Валя.

Враг будет уничтожен.

10 ноября

...Но война — не игрушка, враг надвигается быстро, и Ленинград оказался в кольце врага. Наступили холода, резко снизились нормы хлеба. 13 ноября хлеба стали давать работающим — 300 г, служащим — 150 г. С продуктами кризис. Наши войска оставляют город за городом. 20 ноября норму хлеба еще сбавили: работающим — 250 г, служащим — 125 г. Начался голод. Люди мрут, как мухи. Враг все еще продвигается вперед. И вот в эти тяжелые дни началась эвакуация разными способами, то есть пешком, на автомашинах и самолетах.

6 декабря

В это время, то есть 6 декабря, меня перевели временно на работу в Командный пункт — оперативным дежурным.

На фронте инициатива перешла в наши руки. В последнее время взят обратно Ростов, Калинин, Тихвин, Елец. Нанесли большой урон немцам под Москвой, каждый день Совинформбюро сообщает о взятии населенных пунктов нашими частями и о взятии городов. Вести с фронта радостные. Скоро придут продукты в Ленинград. Валя Б. живет напротив, но вижу ее редко — живет плохо, кушать совершенно нечего. Нина Владимировна опухла, на работу не ходит — кушать нечего. Димка тоже еле волочит ноги.

25 декабря

Замечательный день. Прибавили хлеба, работающим — 350 г, служащим — 200 г. Правда, продукты доставляются туго, но ничего, кажется, стало получше. Скорей бы отогнали врага от Ленинграда!

1942 год

1 января

В этот день, вернее, накануне, то есть 31 декабря, в ночь на новый год я дежурила на КП... В 24 часа заиграл Интернационал, я подняла стакан с газированной водой, и, пока играл Интернационал, все время стояла. В 0 час. 2 мин. мне позвонила Тамара, мы друг друга поздравили. Я до 2 часов слушала новогодний концерт, а утром пошла домой...

В этот день мама была выходная, и мы с ней сходили в театр, смотрели оперетту «Три мушкетера».

3 января

Очень надоедает ходить. Трамваи не ходят с 25 ноября. Мне тяжело ходить, а маме, я даже и не представляю, как тяжело: ей в два раза дальше идти. Зашла в магазин, в который прикрепила карточки, ничего нет. У нас не выкуплены масло и конфеты, когда будут — неизвестно.

Вечером ходила за водой: дома нет ни воды, ни электричества; света нет со 2 декабря...

6 января

...Повезли дрова. Ехали быстро, но почти что у дома начался артиллерийский обстрел. Очень жутко свистели снаряды. Но мы доехали до дома благополучно. Сходила за водой, но нигде не нашла.

Иду сегодня в ночь.

7 января

...Обстановка в Ленинграде жуткая. Продуктов нет. Люди мрут, как мухи. Валяются на улице днями по четыре-пять, и никто их не подбирает. Скоро ли появятся продукты? Мы и многие другие не выкупили еще и за декабрь. Говорят, что не пропадут.

9 января

На улице очень холодно. Начались сильные морозы, на работу ходить очень холодно. Мама чувствует себя неважно, дома дрова кончаются...

10 января

В магазинах ничего нет...

Сегодня пересчитали картошку: 23 шт. померзло, осталось всего вместе с ними 340 шт. и 4 кочешка капусты, спрятали в кухне, в комнате мерзнет.

12 января

Сегодня понедельник, хоть бы удачный был. Мороз около 30 градусов, а нам нужно ехать за дровами. ... У д. Васи поели без хлеба похлебки.

14 января

...Мама начала пухнуть....Идя с работы, обратила внимание — во многих местах пожары, и не тушат их, так как нет воды. Если что уж загорится, то горит до основания. За данное время уже сгорело много домов — Гостиничный двор со стороны Невского, завод «Русский дизель», «Степан Разин» и др.

16 января

Сегодня мама взяла увольнительную, так как сообщили, что умер дядя Митя Калабин, и мы решили сходить к ним. С утра натаскали воды с тетей Ирой. Она промерзла, стояла в очереди за хлебом больше трех часов.

У Калабиных — настоящая могила, чтобы описать, не хватит слов. Уж у тети Кати плохо, а здесь — не знаю, как и сказать. Д. Митя умер 6 января, а похоронили 15 января, за могилу отдали 1 кг хлеба и 150 рублей. Хоронили его в Новой Деревне: дядя Леня достал гроб. Хоронили дядя Леня, дядя Сережа и Клава. Шура лежит уже пятый день и

не может подняться — такая стала худая и тощая. Бабушка тоже лежит, Дима тоже не может с места сдвинуться — только Клава бродит. Они уже на третью квартиру перебираются, а сейчас живут в маленькой комнатке. В большой комнате вылетели все стекла от артиллерийского снаряда. В комнате адский холод. Дров нет, воды нет и есть нечего.

17 января

...Сегодня разговаривала с Володией Мухиным, и из достоверных источников сообщили, что смертность в январе — 18 тысяч в день. Мы подсчитали, что в среднем уже за два с половиной месяца умерло от голода 675 тысяч человек, а ведь смертность с каждым днем увеличивается. А сколько еще в Ленинграде погибло от бомбежек, от снарядов.

Зинаида Ивановна Молчанова

Мое детство прошло в годы войны. Когда началась война, мне было шесть лет, поэтому подвигов совершить я не могла, тем более, что мы жили в глубоком тылу (город Самарканд, Узбекистан), но помню тяжелую прошедшую жизнь. Мои родители родом из Самарской области (Борский район, станция Неприк, село Гвардейцы). Папа служил в Узбекистане, ему там понравилось, и после службы, женившись, решил вернуться в Самарканд. Он стал работать на железной дороге. Сначала он был стрелком, охранял и сопровождал поезда.

Тогда было много басмачей, так называли людей, грабящих поезда. Затем он стал работать осмотрщиком вагонов — устранял неполадки, проверял колесные пары. Мы жили вблизи железной дороги, окна выходили на железнодорожные пути. Двор был большой, здесь проживало тридцать — тридцать пять семей, дома были глинобитные — крыши плоские, залитые глиной и саманом, чтобы не размывало зимой дождями, каждую осень крышу заливали снова. Такое сейчас никто не может даже себе и представить, но было это так. Весной все крыши зацветали маками, незабудками и другими цветами, потому что с саманом в них попадали семена, а в июне все высыхало (летом в Узбекистане не бывает дождей, а жара сорок градусов).

В 1942 году я пошла учиться в первый класс. Хотя я была маленькая, но хорошо помню, что во дворе проходили учения по подготовке жителей к военным ситуациям.

Семья у нас была большая — четверо детей. Я — самая старшая (январь 1935), сестра (октябрь 1936) и два брата (январь 1939, февраль 1941). Осенью 1943 года папу забирают на фронт, восстанавливать после бомбежек железные дороги. Многие возвращались инвалидами, потому что они двигались за линией фронта, их отправляли в товарных вагонах. Так мы остались одни, мама не работала, садиков не было, мама что-то получала за папу. Еще мама оставалась в положении и в мае 1944 года родила девочку. Мама была неграмотная, тогда много было таких. Она не могла ни писать, ни читать, вся надежда была на меня. Я, ученица второго класса, писала папе на фронт письма под мамину диктовку. Жить было трудно, тем более что нас, детей, было уже пятеро. Хлеб давали по карточкам, точно не помню, но, наверное, триста-четырееста граммов на человека. Очередь за хлебом занимали рано. Когда мама лежала в больнице (рожала), дома я, в 9 лет, была за хозяйку. Мама прикрепила меня к соседке, и я с ней ходила получать хлеб. Получу хлеб, схожу в школу, прихожу домой, а мои дети (сестра и братья) весь хлеб съели. Соседка говорит: «Прячь хлеб под корыто, что на стенке висит», я прячу, а они и там находят. Прихожу к маме в больницу, жалею, плачу, она мне в окно дает кусочек хлеба, которым их в обед кормят. В школе давали хлеб по пятьдесят-шестьдесят граммов. И у всех нас, детей, была одна большая мечта — поесть хлеба досыта.

В войну к нам привозили много эвакуированных, они жили в товарных вагонах и варили на костре, часто пекли оладьи (видимо, у них была мука). Мы смотрели с завистью на них. Если у нас и бывала мука, то очень мало, мама смешивала ее со жмыхом (корм для скота) и пекла какие-то черные лепешки, от которых часто болел живот, но и этому мы были рады. Вот такое наше детство, детей войны.

После рождения 5-го ребенка папа стал писать Сталину, чтобы его отпустили домой. И, даже не верится, но осенью 1944г. папа вернулся. Он привез пшено, вот мы тогда наелись этой каши. Жить стало легче. Семьи во дворе жили дружно, дети играли в разные игры: лапта, чижик, казаки-разбойники, умели играть в шахматы.

Очень радостно встретили конец войны. Помню, в тот день я пошла в школу и слышу радостные крики: «Кончилась война! Сегодня не учимся!» Народ ликовал, и дети, и взрослые.

Мария Анатольевна Морозова

Я родилась в 1936 году в Калининской области Зубцовского района в деревне Векшино. Нас у родителей было четверо, все дочери: Зоя (1927 года рождения), Катя (1929 года рождения), Нюра (1932 года рождения) и я, Маня (1936 года рождения). После меня у родителей были ещё дети-близнецы, но они умерли в младенческом возрасте. Жили мы в достатке. У нас был большой дом, полный двор скотины, но в 1938 году в деревне, на нашей улице, случился ночью пожар, сгорело несколько домов и наш в том числе. Спасти ничего не удалось. Ни одежды, ни мебели своей у нас не осталось. Спасибо соседям. Одели они нас и обули, а вот спать нам пришлось на полу. Бабушка и дедушка спали на русской печке. В доме был обеденный стол, две лавки и буфет. Дедушка и бабушка вскоре умерли, наверное, от горя. Это были мамы родители.

Отец у нас был сирота. Мама и папа работали в колхозе. В нашей деревне была школа. В 1939 году отца призвали на фронт, шла финская война. Мы остались с мамой одни. Когда отец пришел с войны мама сильно заболела, и в 1940 году умерла в больнице в городе Ржеве. Мне тогда было четыре года. Меня на зиму как погорельца подселили к мужу и жене. Они обо мне заботились, не обижали. Отца своего я после смерти мамы не видела до самой Великой Отечественной войны. Он объявился тогда, когда его призвали на фронт, для того чтобы нас, сестер, отвезли в детский дом. Я чётко помню, как он отвозил нас, четверых, из деревни. Сперва сдал меня в детдом.

Когда немец бомбил наш район, нас уже везли пароходами по Волге. Немцы с самолётов бомбили и наши пароходы. Все погибли, а два парохода благополучно дошли до Казани. Всю осень мы прожили в теплушке на станции в Казани. Ждали, когда нам дадут поезд, чтобы поехать в Буинск. В Буинске мы ещё долго находились, опять ждали — пока соберут транспорт, чтобы отвезти нас к месту назначения. Надо отдать должное директору детдома, Анне Ивановне Воробьёвой, что мы за то время, что добирались до места назначения, не потеряли ни одного ребёнка. Так добирались мы почти до нового, 1942 года, гужевым транспортом. Это сколько же надо было набрать лошадей, саней, чтобы перевезли нас от Буинска до деревни Малая Цильна. Нас было около двухсот детей, ещё вещи. Нашему директору было всего двадцать три года. Потом нас отвезли в деревню Матаки.

В детском доме я жила с 1941 по 1951 год. Об этом времени плохого сказать ничего не могу. Нас, как могли, одевали, обували, кормили. Каждую неделю мылись в баньке, меняли постельное бельё. Чистота

у нас была идеальная. Ни одна комиссия не могла придираться. Там я окончила семь классов. У нас была художественная самодеятельность, первое время плясали и пели, музыкальных инструментов не было. В 1946 году в Казани проходил смотр художественной самодеятельности, наш детский дом занял первое место. Мне вручили почётную грамоту. Когда я перешла в четвертый класс, у нас не хватало ни тетрадей, ни ручек, ни карандашей, не говоря уже об учебниках. Конечно, тяжело всем жилось во время и после войны.

Когда кончилась война, отец ещё год служил в Калужской области. Там он сошёлся с женщиной, у которой было трое детей, жила она тоже в землянке. Старшие сестры были уже взрослые, их он взял с собой, к маме в землянку, а меня он не взял, мне было десять лет. Как и в 40-х годах, он оставил меня одну на чужих людей. Мне было обидно, я росла одинокой сиротой. В 1947 году две старшие сестры отделились от отца. Зоя вышла замуж (ей было двадцать лет), Катя (ей было восемнадцать) уехала, выучилась на ткачиху. Проработала на ткацкой фабрике тридцать два года. Её фотография была на Доске почёта, и она была награждена медалью. Два срока избиралась председателем фабкома. В 1978 году заболела, у нее был ревмокардит сердца. Ей дали инвалидность, вторую группу. В 1988 году — умерла.

В 1951 году меня надо было выпускать из детского дома. Мне тогда было пятнадцать лет (это сейчас в детских домах держат до восемнадцати лет), а тогда держали только до четырнадцати, а потом отправляли на учебу в ФЗО или ремесленное училище. Моя воспитательница Евдокия Ивановна Воробьева написала письмо моей сестре, Кате, и Катя забрала меня к себе, в Хотьково. Предварительно она переговорила с директором фабрики Константином Андреевичем Бирюковым. На работу меня не взяли, мне не было шестнадцати лет, а прописали, будто бы я училась в школе. Спали мы с ней на одной кровати, в женском общежитии. Чтобы не быть ей в тягость, я сидела полгода в няньках, хоть немного, но зарабатывала, а когда мне исполнилось шестнадцать лет, я получила паспорт, и пришли мы с Катей к директору — проситься на работу на Горбуновскую фабрику. Директор предложил мне работать расчетчицей в бухгалтерии, но сестра отказалась (там была маленькая зарплата), и меня взяли в ученицы ткача. Меня поставили учиться к сестре. Я поучилась у неё девять дней, а потом меня послали работать в колхоз на всё лето. Наша фабрика была шефом в колхозе имени Ленина. В колхоз входили деревни: Соснино, Ивнягово, Горошково, Шаропово, Пальчино, Каменки.

В деревнях не хватало рабочих рук. Молодежь уходила в город, а там оставались одни пожилые люди, а их рук не хватало, чтобы выраст-

тить и собрать весь урожай. Мы работали от зари до зари, с перерывом на обед на два-три часа. Заготавливали корм скотине на зиму, сушили сено, клевер, всё складывали в стога. После сенокоса наступала пора убирать хлеба. Мы молотили, веяли, жали серпами полегшие хлеба, возили зерно на элеватор в Загорск. Там была никудышная организация по приёму зерна. Нам приходилось по две-три ночи спать в кузове, прямо на зерне. Зерно горело. Потом уборка картофеля. Выпалывали картошку колёсным трактором. В дождливую погоду трактор увязал в поле вместе с колёсами. Если до снега не успевали убрать, то убирали картошку из-под снега вручную. В основном в колхоз посылали нас, молодёжь, семейных ведь не пошлешь на всё лето. Платили нам пятьдесят процентов от зарплаты. В колхозе выдавали по литру молока на человека. Хозяйка, у которой мы были на постое, варила нам два раза в день горячее — обед и ужин. Хлеб мы приносили из дома. По очереди кто-то из нас уходил на выходной и приносил несколько буханок хлеба. Первые полгода я как ученица должна была получать двести пятьдесят ученических рублей (это было в 1952 году), а так как я работала в колхозе, то мне платили сто двадцать пять рублей в месяц. Этого хватало на хлеб, сахар и подсолнечное масло. В колхозе мы работали до «белых мух». Там я заработала себе миозит, это воспаление мышечного нерва. Этот миозит живёт со мной всю жизнь, с 1952 года.

Через полгода я сдала техминимум, и с первого января 1953 года я стала настоящей ткачихой. Стала зарабатывать. В колхоз меня всё равно посылали, но хоть платили уже пятьдесят процентов от зарплаты. В 1955 году я вышла замуж, а у 1956 году у нас родился сын Коля. В колхоз меня больше не посылали. Восемь лет мы с мужем жили на съёмных квартирах. В 1959 году у нас родился второй сын, Игорь, а в 1963 году нам дали жильё. Квартира общей площадью тридцать шесть квадратных метров, без воды, отапливалась квартира углём, у нас была печка, правда, туалет был в квартире. Была выгребная яма. Запах стоял в квартире нехороший. Мы в то время были рады и этому.

На фабрике вместе с нами работали и наши дети. Старший сын, Николай, был старшим мастером, проработал на фабрике восемнадцать лет, средний сын, Игорь, был слесарем-инструментальщиком (стаж — двенадцать лет), муж, Сергей, помощник мастера, стаж — тридцать лет, и я — ткачиха — 40! лет стажа. Общий стаж семьи — сто лет, да сестра Катя проработала на фабрике тридцать два года. Всего — сто тридцать два года.

До реконструкции фабрики у нас были «Платовские станки». Они работали от трансмиссии. Огромные деревянные челноки, шум стоял невозможный. Мы уши затыкали ватой, потом нам стали выдавать бе-

руши. Челноки заряжали от руки, нитки вдували в себя. Выпускали: миткаль, саржу, молескин «Д» и молескин «Ф» — для мебельных фабрик и заводов, молескин «шланг» из кручёной пряжи (он более плотный) шёл в авиацию. В 1973 году после реконструкции «Платовские» станки заменили на полуавтоматы «АТ», где были зарядные челноки, а зарядчица их заряжала шпулями, и при доработке нити челнок уже автоматически заряжался сам. Мы освоили уже тогда новый ассортимент тканей — двухслойный, называется «кирза». Ткань шла для военной промышленности на кирзовые сапоги. Если «Платовские» мы обслуживали по три-четыре станка на ткачиху, то «АТ» — уже десять-двенадцать станков. Могли работать и на тринадцати-пятнадцати станках.

Во время реконструкции директором был Дмитрий Сергеевич Пегалин. В 1974 году он ушёл на пенсию. В 2012 году, в мае, ему исполнилось сто лет. Он фронтовик, был очень пробивным директором. Несмотря на реконструкцию, фабрика план выполняла. Нам его не корректировали. А после ухода Дмитрия Сергеевича на пенсию у нас директора стали меняться, как перчатки. Был и Черкасов, и Белоусов, и ещё кто-то, и фабрика наша в то время стала задыхаться. Потом прислали нам Афанасия Ефимовича Столярова, и мы снова подняли голову. Когда ЦНИИСМ открыли, наши рабочие стали уходить на это производство, там платили «брошенные» деньги, а работа против нашей была «не бей лежачего», у нас не стало хватать рабочих рук — и ткачей, и помощников мастеров. План стал даваться с трудом. И в 80-х годах (уже прошлого века), когда стал директором Василий Петрович Болохов, к нам поступили станки последнего выпуска — С.Т.Б., бесшумные, бесчелночные, одно- и двухполотенные. Работать стало намного легче. Мы стали выпускать ассортимент «бязь» шириной в полтора метра. Недолго пришлось нам радоваться. В 90-х годах, когда фабрику объединили с другими предприятиями лёгкой промышленности, у нас генеральным директором стал Губерман, а Болохов был просто директором, фабрику обанкротили. Станки продали в Польшу и в Турцию. Нашей фабрики теперь нет. Губерман сбежал за границу.

Сейчас у меня два сына, дочь, четверо внуков и одна правнучка. В нашей жизни, как водится, бывает всё — и взлёты, и падения. Мы всё стараемся это пережить. У нас погиб в Чечне старший внук — Денис, в декабре 1999 года ему исполнилось двадцать года, а в марте 2000 года он погиб. Мы это пережили. В 2006 году умер мой муж. Ему было семьдесят три года. Дети и внуки у меня очень хорошие. Я их всех люблю. И они мне отвечают тем же.

В настоящее время я живу в двухкомнатной квартире площадью сорок квадратных метров, на Горбуновке. Мне кажется, что другого

такого поселка, как наш, Горбуновка, в Хотькове больше нет. Несмотря на разбитые дороги, дома с протекающими крышами, мы, старые жители, любим наш посёлок. Живу с внучкой, её мужем и их дочкой. Живём в ладу, друг друга не обижаем.

Я являюсь членом Совета ветеранов города Хотьково. Имею награды — орден «Знак Почёта», несколько знаков за досрочное выполнение пятилетних планов, несколько почётных грамот за участие в общественной жизни фабрики, за участие в художественной самодеятельности. Имею звание «Почётный ветеран Подмосковья». Вот и вся моя биография.

Три судьбы

Они появились на заводе почти одновременно. В конце июля 1954 года пришла Юлия Алексеевна Сергеева, чуть позже, в первых числах августа, Раиса Сергеевна Быкова и Зинаида Алексеевна Ильина. Позади у них почти одинаковые судьбы: военное младенчество, послевоенное детство, наконец, начало трудовой жизни на предприятии, в ставшем родным для каждой, — на «Электроизолите».

Раиса Сергеевна родилась в Калининской области. Закончив семилетку, решила отправиться в Москву, чтобы продолжить учебу. Вопрос стоял лишь в том, куда пойти учиться. Наконец, она сделала выбор — Московский химико-технологический техникум.

Годы учебы, они, конечно, памятли. Однако вспоминает Быкова с улыбкой тот день, когда она с дипломом в кармане и с огромным чемоданом в руках вместе с однокурсницей-москвичкой шагнула впервые на землю Хотькова, чтобы на всю жизнь связать свою судьбу с заводом, куда получила назначение: «Но первая тропа, — говорит она, — привела нас со станции не на “Электроизолит”. Мы вышли к подстанции. Почему, не знаю. Наверное, такая дорожка, какая была положена к подстанции, прямее оказалась».

Нет, не искала Раиса Сергеевна в жизни легких путей. Подруга вскоре уехала в Москву, а она осталась здесь, в Хотькове, сначала в качестве сменного мастера лаковарочного цеха. Спустя четыре года она перешла в технический отдел цеха № 5. Здесь же, на «Электроизолите», сейчас работает ее старшая дочь, ее муж. Младшая дочь, Ольга, учится в Москве в авиационно-технологическом институте.

На четыре дня позже подруги появилась на заводе и Зинаида Алексеевна Ильина. Нелегкая доля выпала ей — в пятнадцать лет остаться одной-единственной на белом свете. Так, после смерти родителей она, девчушка, определяла свой жизненный путь самостоятельно. Поиски своего трудового места привели ее тогда на «Электроизолит». Устрои-

лась лаборантом и целых шесть лет проработала здесь. И, между прочим, училась в техникуме при заводе. Окончив его, Зинаида Алексеевна сначала работала технологом цеха намоточных изделий, далее — инженером-технологом. В настоящее время она начальник сектора технического отдела и человек, уделяющий немало внимания общественным вопросам.

Что же волнует Ильину больше всего? «По заводу, — говорит она, — это разобщенность служб. Каждый что-то решает, но нет контакта с другими решающими, чтобы найти какой-то правильный ход дальнейшим действиям. Взять хотя бы наше производство. Ведь как получается? Сначала установят, к примеру, какое-нибудь оборудование, затем каждый решает свои проблемы по-своему, и мы, технологи, тоже вынуждены подгонять технологию производства под оборудование. Ну разве это правильно? Да и другие проблемы возьмите. С сырьем или с устаревшим оборудованием, с той же технологией, которую разве что в развивающихся странах используют? Нам же надо шагать вперед!» «Действительно, — подумалось мне, — надо. Но как, когда ноги заплетаются от пут, которыми десятилетиями связывали их, подгоняя бичом Миража по имени “Светлое будущее”?» И еще очень волнует, — замечает Зинаида Алексеевна, — проблема экологии. Мы, технологи, знаем, в каких непростых условиях находится наше предприятие. И нам всем надо изменить отношение к природе уже в ближайшем будущем».

Есть у Юлии Алексеевны Сергеевой, у третьего юбиляра «Электроизолита», пожалуй, самое светлое и радостное восприятие жизни. И связано оно с внучкой, о которой Юлия Алексеевна говорит с большой любовью и называет ее образно — «мой свет в окошке». К сожалению, встретиться с Сергеевой мне не удалось — в эти дни она помогала заготавливать сено. Но те, с кем она работает, в первую очередь Ильина и Быкова, с огромной теплотой отзываются о коллеге, отмечают ее аккуратность и высшую степень ответственности за выполнение порученного ей дела. Не случайно именно Юлия Алексеевна сейчас занимается разработкой технической документации, а это требует внимательного отношения и точности.

Три судьбы, три, казалось бы, разных человека: у каждого свой дом, своя семья, свои интересы и общее дело, которому они посвятили вместе уже более ста лет. Но это для них, для троих, не предел! По крайней мере, они по-прежнему полны желания трудиться и приносить посильную пользу обществу и народу.

А. Мухамедгариев

Василий Васильевич Нефедов

Я родился в крестьянской семье 4 января 1927 года в деревне Воронцово Загорского района Московской области. Семья состояла из пяти человек: мамы, папы, меня и двух сестер 1924 и 1930 года рождения.

Вкратце опишу свою жизнь. Все свое детство я прожил в деревне. В те годы дети начинали работать с десяти-двенадцати лет: помогали родителям косить траву, сушить сено, копать грядки, полоть и поливать овощи, выполняли и другую работу. Косить я начал с двенадцатилетнего возраста. Познал эту технику быстро, косу готовил мне отец. На покос мы с ним уходили в четыре часа утра и косили до восьми, после чего отдыхали, а затем продолжали косить уже с трех до девяти часов вечера. Косил я в воскресные дни и во время каникул. Учеба была на первом плане. Родители постоянно проверяли явку на занятия и мою успеваемость. Начальная школа была в соседней деревне Новинки, это один километр от дома. В пятый и шестой классы приходилось ходить за восемь километров от дома в Прокшинскую среднюю школу.

Когда учился в пятом классе, на занятия мы с ребятами ходили ежедневно туда и обратно в сентябре, октябре и мае, остальные месяцы учебного года жили на квартире в деревне Озерецкое. Родители за проживание платили десять рублей в месяц. В шестом классе мы жили уже в общежитии школы, готовили себе сами.

Мои родители работали в колхозе со дня его создания. Отец работал бригадиром, а мать — на разных работах. Работать им приходилось очень много — по двенадцать-четырнадцать часов в сутки. День на колхозных полях, а вечером, допоздна, дома. Ухаживали за своим скотом, в хозяйстве всегда имели корову, овец голов шесть-восемь и кур не больше двадцати штук, и у отца было еще десять-пятнадцать семей пчел.

За труд в колхозе колхозники нечего не получали. Одежду, обувь покупали на деньги, вырученные от продажи молока, мяса и меда. Много не продашь, надо оставить и себе на питание. Кроме того, сдавали государству почти бесплатно двести литров молока и тридцать килограммов мяса. Это было что-то вроде налога. Жили мы средне, но колбасу и фрукты не ели.

В 1940 году в нашу семью пришло горе, нас обокрали воры, которые забрали всё: ситец, шерстяные ткани, рубашки, брюки, костюмы, платья и другие вещи, оставили нас с рваными пиджаками и телогрейками. Заявляли в милицию, но украденное так и не нашли, видимо, милиция плохо искала. Родителям не одну ночь пришлось стоять у магазина в очереди, чтобы купить материю на рубашку и платье. Это горе мы пережили и снова встали на ноги.

В 1941 году наступило второе горе, не только для нашей семьи, но и для всего советского народа. 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Гитлеровская Германия без объявления войны вероломно вторглась в нашу страну. Советское правительство объявило мобилизацию народа на защиту страны. В колхозе, кроме двух инвалидов, никого из мужчин не осталось. Колхоз не закроешь, особенно в период войны, продукты питания нужны всем — и нам, и защитникам Родины. Мы, ребята, в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет (Коля Базлов, Коля Шелыганов, Миша Луговкин, Серёжа Баринов, Толя Базлов и другие) вечером, на гулянке, посоветовавшись, решили на призыв партии и правительства «Всё для фронта! Всё для Победы!» оставить школу, в седьмой класс не ходить, остаться работать в колхозе и помогать дорогим матерям. Родители и учителя нас уговаривали продолжать учебу, но мы отказались.

Председатель колхоза, дядя Саша Афанасьев, с радостью принял наше решение и сказал: «Я буду вас во всём поддерживать и помогать. Организую вам по завершении уборочных работ поездку в город Загорск на экскурсию».

Меня правление колхоза назначило бригадиром, вместо моего отца, его тоже призвали на охрану военных объектов. На фронт его не направили, он был инвалидом. С обязанностями бригадира я справлялся, быстро усвоил, как вести учёт работы колхозников, наряд на работы выдавал с вечера. Случаев отказа от работы не было. Сам я во всех работах также принимал активное участие.

Вспашка земли, внесение удобрений, посев, обработка сельскохозяйственных культур проводились нами на лошадях, в колхозе их было пятнадцать голов. Механизированной техники не было. Когда пахешь на старой лошади, не устаёшь, она идёт прямо по краю борозды, плуг в руках держать легко, а на молодой не объезженной лошади пахать тяжело, она крутится то в одну, то в другую сторону. За десять часов работы так устанешь, что придешь домой, есть не хочется и гулять не тянет.

Когда начиналась заготовка кормов для скота, мы, молодёжь, с раннего утра на лугах и лесных угодьях ручными косами выкашивали травы, а женщины скошенную траву собирали, грузили и вывозили на лошадях, запряженных в телеги, в деревню, на усадьбы, после просушки собирали в копны. Через день-два мы с женщинами убирали сено в сараи или складывали его в стога.

В уборке урожая участвовали всем колхозом, посторонних никогда не приглашали. Убирали вовремя и без потерь. Пшеницу и рожь женщины жали серпами, а ячмень и овес мы косили косами. Для женщин этот труд был невыносимо тяжел, целый день работать, согнувшись,

на жару, не каждый выдержит. От недоедания, плохой пищи голова кружилась, появлялась тошнота, день-два полежит человек дома и снова идет жать. Было как-то и такое: молодая женщина преждевременно родила прямо в поле. Кроме жатвы женщины вязали снопы и складывали их в маленькие копны вверх колосьями. Через два-три дня, если стояла теплая солнечная погода, мы вывозили их в овины. После дополнительной просушки женщины пшеницу или рожь, вручную, цепами, обмолачивали (выбивали зерно из колосков).

Картофель выпаживали на лошадях плугом, а затем собирали его в мешки и вывозили с поля под навес, где его перебирали. Часть картофеля по заданию районной власти возили на лошадях в город Загорск, на приемные пункты, это двенадцать километров по бездорожью. На обратном пути заезжали на хлебозавод, который находился на улице Болотной, в здании церкви. Брали там хлеб, согласно хлебным карточкам, для жителей деревни, а когда не возили картофель и сено, ездили за хлебом верхом на лошади. Складывали хлеб в два мешка, вешали их на спину лошади, а сами шли рядом.

И вот полевые работы в колхозе были закончены, урожай убран. Председатель колхоза, дядя Саша Афанасьев, как нам и обещал, организовал за счёт колхоза поездку в город Загорск, на экскурсию. Мы поехали на лошадях, запряженных в сани. В городе посмотрели кино, посетили ряд магазинов, лавру, базар, ресторан и парикмахерскую, где нас подстригли. С нами был один дед, его парикмахерша спрашивает: «Как вас подстричь?» Он говорит: «Как председателя Афанасьева». Она отвечает: «Мы его не знаем, где он, покажи?» Он кричит: «Афанасьев, Афанасьев, Афанасьев, где ты?» Еще раз крикнул матом. Подстригли все-таки его, как Афанасьева. Поездкой все были довольны.

Война шла, немец подходил к столице нашей родины Москве. Бомбёжки Москвы и подмосковных городов, сел и деревень были ежедневными. В связи с этим в каждом населенном пункте было организовано ночное дежурство. Для этой работы привлекали нас, молодежь. Дежурство было по графику, сегодня одна пара, завтра — другая.

Моё дежурство, как я помню, было такое. Ночью приезжает верхом на лошади к нам в деревню посыльный из Васильевского сельского Совета и сообщает, что дана команда из района поднять все население деревни, так как объявлена «Воздушная тревога». Прорвались немецкие самолеты, которые будут бомбить Москву и подмосковные населенные пункты. Я как дежурный должен попросить жителей деревни, чтобы они оставили свои жилища, взяли с собой необходимые вещи, питание на одни сутки и ушли в ближайший лес. Когда мы с напарником подняли по тревоге население и сообщили им данную команду,

со всех сторон слышались плач, крик, рев. Люди говорили: «Как же мы оставим свое хозяйство?» Некоторые кричали, что никуда не пойдут и будут умирать здесь. Пока торговались, пришла команда «Отбой».

В эти дни, на протяжении почти месяца, через нашу деревню из города Загорска день и ночь в город Дмитров пешком шли войска 1-й Ударной армии. В районе Яхромы, канала, шли ожесточенные бои. Немец рвался перейти канал, но наша армия крепко держала этот рубеж. Шли моряки Тихоокеанского флота, они останавливались на отдых в нашей и близлежащих деревнях. Все ребята были одеты в морскую форму, выглядели сильными, рослыми, в них было много патриотизма. Жили у нас двое суток, спали на полу, в каждом доме размещалось по двадцать пять — тридцать человек. Я вспоминаю их беседу с моей мамашей (я стоял рядом). Один моряк обратился к матери и сказал: «Мамаш! Мы все погибнем, но немца через канал не пропустим. Живите спокойно, немец к вам не придёт!» Сказанное подтвердилось, мало кто из них остался жив. Немецкую армию войска 1-й Ударной армии отбросили от Дмитрова, Яхромы и погнали обратно.

Наступил 1942 год. Деревенский житель понял, что война будет затяжная, в колхозах они так и будут продолжать работать бесплатно, ходить в рваной одежде и обуви и полуголодными. Многие стали обзаводиться скотом. У кого не было коровы, завел, развели еще овец, птицу. В результате в семьях появилось дополнительное питание. Часть продукции можно было продавать, ее в субботу и воскресенье возили в Москву. Ходили по квартирам и продавали, так появились деньги, на них и покупали одежду и обувь. Не имевшие живность в личном хозяйстве, а их было в деревне один-два, ходили и побирались — кто что даст, а весной на колхозных полях собирали мерзлую картошку.

Нам в семье тоже пришлось её попробовать. Как-то мама получила на месяц хлебные карточки на всю семью. Положила их в доме на стол и побежала доить корову, в это время овца с ягнятами вышла из-за печи, где она находилась, и пошла по дому искать, что бы такое поесть, увидела хлебные карточки, лежащие на столе, и пожевала их. Мама, вернувшись с дойки и увидев пожеванные карточки, начала плакать, кричать и причитать: «Как же мы будем месяц без хлеба?» Пришлось нам с сестрой каждый день ходить на поле и собирать мерзлый картофель. Принесём домой, мать его вымоет и печет лепёшки, мы их называли «тошнотиками». Так мы и прожили месяц без хлеба.

Пришла весна, начались полевые работы. Посеяли зерновые, посадили картофель, овощи, организовали хороший уход за растениями. Вырастили богатый урожай, убрали без потерь. Для скота заготовили в достаточном количестве корма.

Осень. Октябрь 1942 года. Я стал думать об уходе из колхоза на ка-

кое-либо промышленное предприятие, где за работу платили бы деньги. Мы с другом Николаем Базловым, посоветовавшись, решили по поводу работы обратиться в Хотьковское карьероуправление, которое только создавалось и находилось в одном километре от дома. Мы боялись, что из-за возраста (нам было по пятнадцать лет) нас могут не принять на работу. Пришли в отдел кадров, нас направили к директору. Директором был Алексей Михайлович Чаплин, хороший, деловой руководитель. Секретарь доложила ему о нашем приходе. Он нас пригласил, предложил сесть, внимательно посмотрел на нас, задал ряд вопросов и начальнику отдела кадров дал команду оформить нас учениками слесаря.

В первое время выполняли разные задания: рубили трос на гвозди, которыми прибивали рейки под штукатурку, на ручном станке драли драпку, которой покрывали крыши домов. Выдали нам по две лошади, мы на железнодорожную станцию «Желтиково» возили на них древесину из леса, грузили её в вагоны и отправляли в Москву, на строительство метро. Затем работали на строительстве высоковольтной линии электропередач.

В 1943 году меня перевели на должность помощника экскаваторщика. В мои обязанности входило: нагреть на костре воду для заливки в радиатор, смазать все трущиеся механизмы и подготовить экскаватор к работе. Местом работы экскаватора было строительство железной дороги — от карьероуправления до завода «Электроизолит», расположенного в городе Хотьково. Кроме нас с Федей Щербина (экскаваторщик) работали на земляных работах политические заключенные, так их называли. Они были осуждены военным трибуналом за высказывания против Советской власти и правительства, за невыполнение приказа командиров и за другие преступления. Срок заключения у всех — десять лет. Ребята молодые, большинство из них — фронтовики. Много было бывших офицеров.

Работа была тяжелая, на одноколесных тачках, на расстоянии двадцати-тридцати метров, подвозили грунт на будущую дорогу. Работали они по двенадцать часов в сутки. Кормили плохо, куры не давали. Жили в холодных бараках. Охрана относилась к ним по-скотски. Такие жестокие условия многие не выдерживали, они убегали из лагеря или с рабочих мест, в них стреляли — кого убьют, кого ранят. Мы с Федей к заключенным относились дружелюбно, приносили им курицу и кое-что из еды.

Когда железную дорогу построили, меня перевели мотористом на электростанцию, которую смонтировали в пустующем здании. Задача электростанции — подача электричества в дома жителей поселка карьероуправления. Работа была ежедневная, не сложная, с шестнадцати до двадцати часов. Приходишь, заводишь двигатель и смотришь

на установленные приборы. Если все нормально, читаешь книгу. Отработав полмесяца, убедился, что можно отлучиться на час. Несколько раз ходил смотреть кинокартину, клуб был рядом. Как-то после пуска двигателя (в девять часов вечера) пошел в барак, где жили девчата, прибывшие по вербовке из Белоруссии. Там были ребята, я с ними начал играть в карты, вдруг вижу, гаснет электричество. Я побежал на электростанцию, смотрю, дверь открыта. Захожу, а там наш директор, Алексей Михайлович Чаплин. Он начал меня ругать: «Почему ушел с рабочего места?» Мне говорить нечего, виноват. Уходя, он сказал, чтобы я утром следующего дня явился в отдел кадров. По прибытии в отдел кадров, начальник, Алла Григорьевна Гаганова, вручила мне приказ и сказала, чтобы я ознакомился и расписался. В нем было сказано: за нарушение трудовой дисциплины, уход с рабочего места, за отсутствие в течение сорока пяти минут перевести сроком на один месяц разнорабочим на строительство железнодорожной ветки. Месяц мне пришлось ломиком долбить мерзлый грунт. После месячной отработки я был переведен на прежнее место работы. В должности моториста я отработал три года.

Работал бригадиром комсомольско-молодежной бригады, которая занималась распиловкой леса на пилораме, на строительстве телефонной линии связи, занимался разгрузкой вагонов, выполнял другие поручения. В бригаде было много женщин, с ними работать было легко. В перерывах они долго не рассиживались, не курили, план всегда перевыполняли. Заработная плата в месяц была по пятьсот-шестьсот рублей, на эти деньги в то время можно было жить.

Пришлось немного поработать на тракторе ЧТЗ-60, я подменял тракториста Ивана Цибулю, на тракторе со станции «Хотьково» мы с ним вывозили в карьер грузы (лес, пиломатериалы, металл, оборудование и другое). Этим трактором выдергивали пни при очистке пяти гектар лесных угодий под огороды жителям поселка. Во время уборки урожая, по указанию первого секретаря райкома партии, Николая Михайловича Шацкого, мы вывозили из ближайших колхозов на заготовительные пункты зерно. Трактор был старый, мы его часто ремонтировали, были дни, когда по два-три часа заводили его, а на другой день приходим, он заводится сразу.

Была у меня одна неприятность с этим трактором. Мой старший тракторист попросил меня прицепить к трактору тележку и начал подавать трактор назад. Я, стоя между трактором и тележкой, кричу: «Иван, стой!» А он не может остановиться, заело сцепление. Меня трактор стал прижимать к телеге, я стал кричать ещё громче, трактор остановился. У меня были часы в кармане брюк, их раздавило, ещё бы

немного и мне был бы конец. Трактор использовался не постоянно, большую часть времени он стоял в ожидании работы или на ремонте.

В 1945 году по просьбе Загорского исполнительного комитета в карьере была запущена мельница по размолу зерна для населения района, которое люди получали на трудодни. Мельником пришел работать Николай Мазаев, бывший летчик, который имел несколько ранений и был инвалидом третьей группы. Мотористом, согласно приказу директора, был назначен я. В мои обязанности входило получение горючего, заправка и запуск двигателя, кроме этого, я должен был взвесить зерно, привезенное частником, получить за размол деньги или пять процентов зерна от принятого, выписать приходную накладную. В первые дни работы мельница была загружена на пятьдесят процентов. Население не знало, что в карьере запущена мельница, а когда узнало, стали привозить на лошадях со всей округи (а это тридцать деревень и сел) зерно. У кого было мало зерна, приносили его на себе или на санках. Работали мы без выходных, по двенадцать-четырнадцать часов в сутки. Когда зерно не привозили, день-два отдыхали. На мельнице я работал до 1948 года, до её закрытия.

Кроме работы на производстве, я занимался общественной работой, с 1944 года по 1950 год был бессменным секретарем комсомольской организации, членом райкома комсомола. В те годы мы, комсомольцы, молодежь, в нерабочее время выполняли массу работ: построили танцевальную и спортивную площадки, на которых вечерами отдыхали. В клубе проводили читательские конференции. Принимали участие в художественной самодеятельности, не раз выезжали с концертами на село. Также активно участвовали в субботниках и воскресниках по благоустройству, оказанию помощи колхозу в уборке урожая.

Трудно было жить, работать в военные и послевоенные годы, но мы, молодые люди, не грустили и не унывали. Всегда были бодрыми, на тяжелую жизнь не жаловались. Работу закончил, поел и свободен на весь вечер, а то и ночь, пошел гулять в своей деревне или куда-нибудь подальше. Гармошка у меня была, сам я играть не научился. Был в деревне друг, Сергей Баринов, хороший гармонист, он на ней и играл. С этой гармошкой было много разных эпизодов. Опишу один из них.

Пришли мы в деревню Новинки, гулять. Собралось нас, вместе с девушками, двенадцать человек. Прошлись по деревне, спели несколько песен, у колодца плясали, беседовали. Время было около двенадцати часов ночи. Девчата попросили нас сходить к дяде Мите Грибову в огород, за яблоками. Мы пошли, гармошку им отдали. Зашли в огород, только сорвали по одному яблоку, смотрим, дядя Митя бежит к нам с колом, мы все врассыпную бежать, в дырку забора. Он нам по ногам колом,

мы ноги подобрали и убежали. Дядя Митя побежал к девочкам. Отобрал у них гармошку и ушел домой. Через четыре дня мы пошли к нему с двумя бутылками водки выкупать гармошку. Пришли к нему в дом, водку поставили на стол и стали слезно просить у него прощения. Долго он нас воспитывал, но все же сжалился над нами и отдал гармошку. Мы из этой истории сделали выводы и больше по огородам не лазили.

Было и такое. В своей деревне ночью на крышу дома дяди Саши Бусалкина затащили сани, на которых возят дрова, сено и другое. Он утром встал, вышел на улицу, смотрит, саней нет. Начал кричать: «Сани украли!» Сосед ему говорит: «Вон они на коньке крыши». Дядя Саша поворчал и ушел в дом.

Эти и другие проделки делались нами для смеха. Это все детство. Так проходила моя жизнь и работа до призыва в армию. В марте 1950 года я был призван и отправлен в город Калининград, в войсковую часть, где в течение месяца прошел курс молодого солдата. Затем нас посадили в вагоны и отвезли на территорию Германской Демократической Республики, в город Берлин, где располагался полк правительственной связи. Там я окончил школу младших командиров. После окончания школы был назначен начальником поста. В этой должности служил около года. Так же занимался общественной работой, избирался секретарем комсомольских, партийных организаций.

После службы в армии вернулся на прежнюю работу, в Хотьковское карьероуправление, где до апреля 1960 года работал мотоводителем, горным мастером, начальником железобетонного цеха.

В апреле 1960 года меня, члена КПСС, пригласили в горком партии, где предложили работу секретаря парткома совхоза «Смычка», я отказался. Через три дня снова пригласили и под нажимом, под угрозами пришлось дать согласие. На партийном собрании совхоза секретарем парткома я был избран единогласно.

Совхоз «Смычка» был вновь организованным хозяйством, состоящим из пяти колхозов. В нем было пятьдесят четыре населенных пункта. Партийная организация насчитывала в своих рядах сто десять коммунистов. Работать пришлось много, выходных почти не было. На работу уезжал в семь часов утра, а возвращался к девяти-десяти вечера. Когда выезжал в Каменское или Воронцовское отделения, приходилось там ночевать. Из-за большой занятости на работе, я мало уделял внимания себе и семье. Воспитание детей легло на жену.

Шесть с лишним лет я возглавлял эту партийную организацию. Работу выполнял добросовестно, претензий от вышестоящих партийных органов никогда не было. За это 28 мая 1966 года я был отмечен правительственной наградой, награжден медалью «За трудовую доблесть».

В 1966 году я был переведен на работу в Загорский горком партии

на должность инструктора сельхозотдела. Через полтора года был назначен заведующим этого же отдела. На этой должности работал больше года. На сессии городского Совета депутатов трудящихся был избран заместителем председателя исполкома, где проработал более двух лет. Затем на пленуме горкома партии был избран секретарем горкома КПСС по сельскому хозяйству.

В мае 1973 года, по моей просьбе, я был направлен на должность директора в Государственный племенной птицеводческий завод «Конкурсный». На этой должности работал до пенсионного возраста пятнадцать лет. По просьбе вновь избранного директора, Елизарова Евгения Степановича, продолжил работать в «Конкурсном» на должности заместителя директора по производственной системе, где отработал пять лет.

С марта 1994 года по апрель 2011 года работу продолжил в следующих организациях: администрация поселка Семхоз, (землеустроитель, два года), администрация поселка Абрамцево (руководитель администрации, шесть лет), Музей-заповедник «Абрамцево» (инженер, заведующий отделом, заместитель директора, девять лет).

Вот вся моя трудовая деятельность за шестьдесят восемь лет, согласно трудовой книжке, плюс полтора года в колхозе.

Подробно о работе в каждой организации я изложил в своей книге, изданной в 2010 году под названием «Мой жизненный путь».

Эти шестьдесят восемь лет я работал под руководством деловых, простых, замечательных руководителей, которые помогали мне словом и делом. Приходил к ним, как в свой дом, с любым вопросом и уходил с хорошим настроением.

— Карьероуправление: Алексей Михайлович Чаплин, Минаев Иван Федорович, Алексей Георгиевич Горчаков, Георгий Георгиевич Дигуров.

— Горком, исполком: Павел Иванович Григорьев, Иван Иванович Холод, Виктор Федорович Новиков, Валентин Николаевич Миронов, Геннадий Филиппович Попов.

— Министерство сельского хозяйства: заместитель министра — Владимир Иванович Кузнецов, начальник главка по капитальному строительству — Виктор Никитич Чуприн.

— Начальник Птицепрома Союза — Иван Александрович Бахтин.

— Союзплемптицетрест: директора — Анатолий Васильевич Миронов, Вячеслав Яковлевич Никулин и многие другие.

Пошел шестьдесят девятый год, как закончилась Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Следует отметить, что за прошедшие после войны годы недостаточно освещалась в печати и других материалах тема — труженики тыла и дети войны. Эти люди пережили

бомбежки, недоедание, болезни и многое другое. Они не жалели своей юности, работали по десять-двенадцать часов в сутки: у станка, в поле, на лесоповалах, все делали для обеспечения победы. В послевоенный период участвовали в восстановлении разрушенных городов, сел, предприятий.

Плохо, что все хорошее быстро забывается. Ветеранские организации страны не раз обращались в правительство с просьбой увеличить пенсии этим людям — немного приблизить их пенсии к размеру пенсий участников Великой Отечественной войны, но все осталось на прежнем уровне. Обращаются труженики тыла в социальную службу с просьбой о выделении им санаторно-курортных путевок, им отвечают, что путевки выдаем только участникам войны и инвалидам. Почему-то в других районах, областях путевки труженикам тыла, не инвалидам, выдают раз в два-три года, а здесь ответ: «У нас их нет». В ряде городских служб, организаций, как, например, кадастровая палата, регистрационная и другие, чтобы получить консультацию, надо ни один час отстоять в очереди.

Пора бы повернуться лицом к этим людям — труженикам тыла и детям войны. Их осталось очень мало!

Лидия Ивановна Перепелкина

Родилась в городе Егорьевске Московской области 2 декабря 1936 года в семье рабочих. Детей было четверо (три брата — пятнадцать, семи и трех лет и я — четырех с половиной лет). Жила наша семья (из шести человек) в маленькой пристройке к дому у нашей родственницы, и папа (плотник) мечтал построить свой дом. Начавшаяся в 1941 году Великая Отечественная война помешала сбыться нашей мечте. Папа, как и все земляки, ушел на защиту Родины. Помню, как плакала мама и мы, дети, когда провожали нашего папу. Сколько пролито слез было мамой, когда мы,

такие еще маленькие, ходили за ней и просили есть (особенно маленький брат просил каши). Мама прижимала нас к себе и успокаивала.

Было холодно и голодно. Но люди мирились с лишениями, понимая, что там, на передовой, нашим отцам еще тяжелей, и за каждым из них смерть идет по пятам. Мама нам всегда говорила, что война кончится, папа вернется домой. Мама работала на текстильной фа-

брике по двенадцать часов, без выходных. Вся работа по дому и забота о младших братьях и сестре легла на плечи старшего брата, ему было пятнадцать лет, он учился в школе. Иногда за нами приглядывала соседская бабушка. Продукты давали по карточкам, но этого не хватало. В каникулы старший брат ездил с соседями «за хлебом» (так тогда говорили) в Рязанскую и Липецкую область — менял кое-какие вещи на продукты. Ездить приходилось на крышах вагонов (на билет денег не было), перебегая с одного на другой, убегая от милиционеров. Летом было жить легче: на огороде росли овощи, ходили в лес за ягодами и грибами (лес был недалеко от дома).

В 1943 году (мне семи лет еще не было) я пошла в школу. Мы с братьями старались учиться хорошо. За хорошую учебу давали ордера на обувь и одежду. После учебы помогали маме по дому. Ждали писем от папы. В 1944 году старшего брата мобилизовали на фронт, нам стало еще тяжелее. Маленького брата бабушка увезла в деревню, там он жил до окончания войны.

В 1945 году наконец-то закончилась война. Сколько было радости и счастливых слез! С какой радостью мы читали письма от папы и брата!

Папа вернулся домой только в 1946 году, так как его специальность плотника нужна была для восстановления разрухи. Старший брат служил на Северном флоте до 1951 года. Домой он не вернулся. После демобилизации, по дороге домой, он тяжело заболел, в Москве его сняли с поезда, госпитализировали, там он и умер, к сожалению, не доехав до дома. Такое большое горе постигло нашу семью. А папа мечтал со старшим сыном построить дом. Дом он, конечно, построил — уже с повзрослевшими сыновьями, в 1953 году.

В 1953—1956 годах я училась в Егорьевском медицинском училище. С 1960 по 2010 год работала акушеркой в родильном доме, из них с 1965 по 2010 год — старшей акушеркой. С 1964 года — председатель Совета ветеранов родильного отделения.

Пикалева Нина Ивановна

1941 год. Мне одиннадцать лет. Помню 22 июня. Мы с мамой шли с рынка. Встретили знакомого, и он нам сказал, что началась война. Дома через некоторое время услышали сообщение по радио о нападении врага.

На улице Бульварной города Загорска, где я жила, находилась воинская часть «Питомник розыскных собак». Солдаты в это время играли в волейбол, услышав сообщение, все побежали в казарму. Помню, как за несколько дней до войны над городом пролетело звено самолетов.

Летели с северо-востока очень низко и быстро. Было страшно. В то время самолеты летали редко, а если появлялись, дети кричали: «Ироплан, ироплан, посади меня в карман!»

В день объявления войны мама пошла в магазин, но уже ничего не было, принесла только две пачки чая «Малинка».

В первые дни войны отец ушел на фронт и пропал без вести. Мама работала на Трикотажной фабрике. Рабочий день был по одиннадцать часов, без выходных и отпусков. На хлеб и продукты была введена карточная система. Отключили электроэнергию, вечером зажигали фитилек. От взрывной волны заклеивали окна бумажной лентой крест-накрест. Начались налеты вражеских самолетов на станцию «Загорск». От взрывов бомб дребезжали стекла в окнах. Вечером мы залезали на крышу и наблюдали за мерцающими огоньками зениток и лучами прожекторов. На улице было выкопано бомбоубежище типа окопа в полный рост. По сигналу «Воздушная тревога!» бежали в этот окоп. Однажды я поехала в Москву к родственникам. Они жили в Сокольниках. Проезд в Москву был ограничен. Я попросили людей, имевших разрешение, купить мне детский билет. В эту ночь бомбили район Сокольников. Мы ушли в бомбоубежище (водоканализационный люк). Были слышны бесконечные взрывы. Утром мы увидели: где нет половины дома, где дом полностью разрушен. Страшно было смотреть.

В конце октября в городе был введен комендантский час. Было запрещено движение граждан в ночное время. В ноябре жителям объявили, чтобы в случае сдачи города они, по возможности, покинули его. Мы собрались ехать к бабушке в деревню, которая была в пятидесяти км от Загорска. Мама сшила мешочки вроде рюкзака, кое-что в них положила, под домом вкопала яму для сундука с вещами. Вскоре объявили — всем оставаться на местах. Наступление врага было остановлено. Это была радость!

В нашем городе были организованы госпитали для раненых. Помню, я училась в четвертом классе школы номер три на Бульварной улице, и мы всем классом ходили в госпиталь, находившийся в третьей горбольнице: выступали перед ранеными, я читала стихи. Еще помню, что в пятом классе (или в шестом) я послала на фронт вышитый кисет. Мне пришло письмо с фронта от пулеметчика-гвардейца Васи Шарина 1922 года рождения, патриотичное, так что его читали и в других классах. К сожалению, письмо не сохранилось.

Весной 1942 года нам выделили участок на Козьей горке. Мне приходилось по заданию мамы копать каждый день. С двоюродным братом корчевали кусты. Он моложе меня на два года, но все равно мужчина. Посадили картошку. Семенами помог папин брат. Осенью по ночам сторожили, чтобы не выкопали. Я была маленького роста, худенькая девочка, все военные годы мне приходилось выполнять дела по дому и зарабатывать на пропитание. Работала я няней в семье бывшего директора механического завода, И.И. Рулева. В другом доме носила воду и мыла полы, за что меня перед школой кормили обедом. В доме, где жила семья Фишер (они занимались разведением белых крыс для института в Москве), я носила воду три раза в неделю по четыре ведра, за это получала пять стаканов пшеницы. Иногда принесу воду, они дадут кусочек хлеба. Ходить за водой порой было далеко, колодцы часто ломались, брали воду из «колодцев-вертушек» на другой улице. Однажды я чуть не упала в колодец вместе с ведром, под ногами был лед, и я поехала, держа ручку и ведро, хорошо подросла женщина и спасла меня.

Дров не было, я ходила за еловыми сучками к Черниговскому скиту. Варили еду на кирпичиках, в основном крапивные щи с лебедой. Питались подножным кормом. Ели дудки, липовые листья и семена, какие-то «гусиные лапки», клевер и так далее, одни «витамины», поэтому и живу долго. Несколько раз пешком ходила в воинскую часть, которая была в районе нынешнего поселка Лоза, там был брат мамы и давал мне мешочек отрубей. Мама из них пекла лепешки, добавляя в отруби морс с сахарином. Морс покупали в палатке, от него снег вокруг палатки и дорожки были красные. Ну вот и прошли военные годы. Меня многие спрашивают: было ли страшно? Нет! Жизнь шла своим чередом, просто очень хотелось есть и с нетерпением ждали конца войны.

Пришел День Победы! О нем я узнала поздно, вечером восьмого мая, от хозяев, у которых была в няньках. Они приехали из Москвы и уже знали о победе. Я, радостная, побежала домой, а через некоторое время было объявление по радио. Как только рассвело, примерно в четыре часа утра, я побежала по всем домам с радостным сообщением. Это был незабываемый день! На всей улице песни, пляски, радостные и плачущие люди.

Жизнь в послевоенные годы была тяжелой. Карточную систему отменили только в октябре 1947 года. Одновременно поменялись денежные купюры. А мелочь осталась. Мы с подругой шли в Птицеград на учебу в Зоотехникум по улице Комсомольской (ныне улица Вифанская), по дороге зашли в магазин и на мелочь, без карточек, купили триста граммов хлеба. Вот была радость!

До 1985 года я работала на ЗЭМСе в ОКБ. С уходом на пенсию вот уже двадцать шесть лет работаю в ветеранской организации.

Валентина Сергеевна Похмельных

Я родилась в Загорске в 1937 году и всю жизнь прожила здесь. Жила на 2-й Рыбной (около вокзала). У нас был дом площадью пятьдесят семь квадратных метров и участок земли — одиннадцать соток. В семье было четверо детей. И на всей улице, в каждом доме, было по три-четыре ребёнка.

В 1939 году умер отец. В 1940 году старшего брата взяли в армию. Его письма из армии я храню всю жизнь. В 1941 началась Великая Отечественная война. С войны брат не вернулся. Мне тогда было четыре года. Жили очень бедно, впроголодь, так как нас, детей, было у мамы трое. Мама до войны работала резчицей по дереву. Когда началась война, она стала работать надомницей: шила варежки для солдат на фронт из трикотажных отходов трикотажной фабрики. Брат работал на ЗОМЗе. Ему там как рабочему выдавали хлеб, восемьсот граммов, а нам мне, маме и сестре давали по четыреста граммов хлеба на каждого. За хлебушком были большие очереди, его давали по карточкам. А брат, ему было пятнадцать-шестнадцать лет, весь свой хлеб съедал, когда шел вечером с работы домой. Вечером нас всех кормила мама супом из картошки и пшена, в который немного добавляла какого-то растительного масла.

Ещё помню, как мы, сидя возле железной печи («буржуйкой» она звалась), жарили картошку. Прямо в кожуре резали её кружочками и прикладывали к горячей стенке. В доме были ещё две кирпичные печи, но их редко топили, так как не было дров. В русской печи в войну мы по очереди мылись. Залезали в печь, мама закрывала проём (вход) заслонкой. Там было темно и жарко. На дно печи стелили фанеру, сено и ставили тазик с водой. Как вымоешься, вылезает. Мама ополоснёт чистой водой. Потом открыли баню около железной дороги (где сейчас «Тонус»).

В первый класс я пошла в 1944 году. Нас после уроков водили на обед в детский сад (на улице Вознесенской), напротив Дома пионеров. После обеда с собой давали маленькую белую булочку. Наш город не бомбили, но в начале войны несколько бомб упали на бензобаки, которые стояли около железной дороги, за станцией. Там был сильный пожар. Бомбили немцы Бужаниново и Краснозаводск, где делали снаряды для фронта. Все окна в домах были оклеены полосками бумаги,

крест-накрест. Живых немцев я видела у нас на улице. Они рвали и ели одуванчики, видимо, это были военнопленные.

И я всегда вспоминаю момент, когда мама позовёт нас есть. Бегом бежишь, как бы не опоздать. И вспоминаю своих детей. Зовёшь их на обед с балкона, а они и «ухом не ведут», не торопятся. После войны каждый дом на нашей улице оплакивал сына или двух или отца. На улице не осталось ни единого дома, в который вернулись бы с войны все солдаты.

У нас в хозяйстве была коза. Ей заготавливали сено (был сеновал) и веники. Веники вязали из ольховых веток. Кусты ольхи росли от конца 2-й и 1-й Рыбной, на Звёздочке и до Скобянки. Веники сушили, ими кормили козу зимой. Помогали маме по дому всем, чем могли. Мама часто в войну уходила (тогда автобусы не ходили), взяв с собой саночки с поклажей, в соседние деревни и меняла вещи на еду (картошка, морковь). Она умела шить, иногда в деревне задерживалась, пока всех не обошьёт. Один раз был случай (она потом поведала о нём). Ехала она с соседкой уже домой на попутной машине. Шофёр остановил машину у какого-то моста. Женщины слезли с машины, а из-под моста вылез мужчина. Шофёр сообразил, в чём дело, не растерялся и велел женщинам снова сесть в кузов и увёз их дальше.

Так что эти «приключения» мамы стоили ей дорого, она много пережила на своём веку. Такова материнская любовь: несмотря на трудности, надо кормить детей.

Для нашей улицы я с подружками устраивала концерты во дворе нашего дома. Собиралась вся улица, смотрели и слушали наши сказки и песни. И по сей день, встречая наших бывших ребят, девчат на улице, мы вспоминаем эти концерты.

Видимо, педагогическое начало было во мне заложено с детства. У меня была первая учительница — Вера Константиновна Лычкова. Училась я десять лет в школе номер три. Окончила школу в 1954 году с медалью.

А воспоминания о тяжёлом военном времени в памяти у меня до сих пор. И всегда вспоминаю ту белую маленькую булочку, которую нам давали после обеда в первом классе. Значит, забота о детях была у правительства даже в то тяжёлое время.

Дом мой стоит с 1926 года. Вокруг него сейчас двух-трехэтажные кирпичные коттеджи. А он, маленький, старенький, с белыми резными наличниками, стоит. Это — отдушина для моей души и сердца! Сейчас там у меня дача. И я всегда с удовольствием слушаю песню «Родительский дом — начало начал».

Русаков Анатолий Васильевич

*Анне Васильевне
и Василию Григорьевичу Русаковым,
родителям моим.*

Ребенок войны

*Я как будто вспоминаю страшный сон.
В сорок первом по ранжиру я рожден.
Не успел я «папа» прокричать,
На войну ушел он умирать.
Жду его восьмой десяток лет.
Немцы шлют гуманитарный мне привет.
Мякиш чмокал с наслаждением в темноте.
Настрадалась Пионерка в правоте.
Тетя Дуня, тетя Клава и тэдэ
Закалялись и добрели на беде.
Полумрак закрыл мои глаза,
На зрачках осталась борозда.
Не сломал ни голод, ни мороз,
Сто болезней в муках перенес.
Я не плакал, слезы я берег,
Чтоб хватило их на множество дорог.
Я, как будто, вспоминаю страшный сон:
Руки в цифрах — полбуханки и батон,
Искушенью не поддаваться и не сзесть.
Так в себе воспитывал я честь.
Мне бы обувь по сезону поновей
И одежду по размеру потеплей.
Книги, ручка и заветная тетрадь
Ложь от правды я учился распознать.*

*Никого в защиту за спиной
Совесть и кулак всегда со мной.
Я стремился думать и решать,
Я под горе плечи подставлять.
Я готовился войти в прекрасный мир
С малых лет всегда был командир.
Но не мог понять еще тогда,
Что вся жизнь сплошная суета.*

*Я как будто вспоминаю страшный сон.
Я с судьбой полвека обручен.
Я нарушил все законы неспроста
Нет подруги, а в руках лишь удила,
Нет ни крова, нет ни следа, не огня.
Вот такие не хорошие дела.*

*Из под ног ушла моя страна,
Криминалом вздобрилась она.
Здесь растут враньё и воровство,
Ценности сменило большинство,
Проявилось нечто в мерзкой тьме,
В этой грязи трудно очень мне.
Кто слыл честным — стал дерьмом.
Кто был вором — стал толпом.
Был я ране выстрелом на взлет,
Так прервался мой свободный перелет.
Сам себе подам стакан воды.
Отползу от бездны, от беды.
Далеко не кончилась война.
Для победы жизнь моя нужна.*

Пояснения:

1. «Рожден по ранжиру» - Я был у родителей последним, четвертым ребенком.
2. «Пионерка» — улица Пионерская, улица, где я родился.
3. «Тетя Дуня, тетя Клава и тэдэ...» Имена большинства женщин вдов на Пионерской улице.
4. «Полумрак закрыл мои глаза...» До пяти лет я был слепой.
5. «В цифрах руки...» - номера очереди за хлебом, написанные на руках.

Русаков Анатолий Васильевич,
обыкновенный ребенок войны.

Нина Константиновна Рябова

Я не хочу, чтобы детство вернулось...

Мои ровесники — дети войны. И в памяти каждого из нас война выглядит по-разному. Для меня она ассоциируется с молоком. Кажется, что общего между войной и молоком? Постараюсь объяснить.

1941 год, конец лета. Деревенька в Клинском районе. Мои родители — учителя. Мы живём в школе, которая стоит среди деревьев на опушке леса (он называется Бараниха) и отделена от деревни луговиной. До крайних домов деревни метров пятьсот. Мне шесть лет и у меня уже есть ежедневные обязанности. Мама даёт мне небольшой кувшин, и я отправляюсь за молоком в крайний дом, к тете Поле. Обычно я медленно иду по тропинке среди очень высокой травы и цветов. Теперь трава скошена, высушена и сложена в высокие душистые копны. День солнечный, но уже прохладно. На мне ботиночки со шнурками, хлопчатобумажное пальтишко и белая шапочка с помпоном. Я иду и тихонько пою. Вдруг раздаётся в небе гул, и черный самолёт с рёвом пронесётся над моей головой. Я спотыкаюсь, бегу, прижимаю кувшин к груди. Молоко выплёскивается, заливает мне руки, грудь, лицо. Я плохо вижу и петляю, как заяц, среди копнушек сена. А самолёт на бреющем полёте снова пронесётся надо мной. Это повторяется несколько раз. Пилот явно развлекался, гоняясь за обезумевшим ребёнком. В воздухе стоит гул и треск, как будто кто-то рвёт на части тугую материю.

Мой вопль обрывается, и слышится только хрип. Я теряю сознание и падаю, раскинув руки. Немец, видимо, решил, что я мертва, и улетает. Наступает тишина.

Прихожу я в себя на руках мамы. Она обмывает мне руки и зарёванное лицо водой из пожарной бочки, что стоит на углу у школы. Я широко открываю глаза и вижу, что вода в бочке белая, как молоко. Поверх воды плавает моё пальто.

«Что это было?» — спрашиваю я у трясущейся и плачущей мамы. Она отвечает: «Это, доченька, война!»

Ноябрь 1941 года. Папу вызвали в Клин и приказали взять в колхозе лошадь, увезти семью в безопасное место и явиться в военкомат по месту жительства семьи. Морозы сильные, земля голая, на санях

ехать нельзя. Для нас запрягли в телегу Гнедого. На телеге сидит бабушка Настасья и держит на руках мою двухлетнюю сестренку. Вещей взяли совсем мало. Уезжаем через Бараниху. Трясет на кочках. Темно и холодно. Время где-то пять часов утра. От деревни слышится гул. Деревню пересекает Волоколамское шоссе, по нему въезжают в наше Кузнечково немецкие мотоциклы. Мы успели уехать и не осознавали, что нас ждет впереди. С проселочный дороги сворачиваем на Волоколамское шоссе. Оно буквально забито беженцами и нашими отступающими войсками. Начинает светать.

Вот тут-то и начался налёт немецкой авиации! Самолёты с ревом неслись вдоль шоссе, сбрасывали бомбы и расстреливали беззащитных людей. Я очнулась на земле. Папа схватил меня и сестрёнку, бросил нас на землю и прикрыл своим телом. Потом появились советские истребители и сбили один немецкий самолёт. Он рухнул на землю со страшным гулом, в небо поднялся чёрный столб дыма. От неожиданности наш Гнедко взвился на дыбы, телега опрокинулась и лопнула оглобля. Мы не могли уже двигаться дальше. Всё! Приехали! Что было потом, почти не помню. Я впала в какое-то болезненно-сонное состояние. Очевидно, это был нервный срыв. Помнится, что после этого мы старались передвигаться в тёмное время суток.

Спали мы обычно на улице, так как все дома были переполнены беженцами. Но в деревне Каринское (я хорошо запомнила это название) нас пустили отдохнуть и обогреться две сестры-монашки. Они раскрыли ворота во двор, велели поставить туда телегу, Гнедого распрягли, дали ему сена и тёплого пойла. Гнедко был очень злой и норовистый жеребец, а корова хозяек без привязи ходила по двору и, видимо, сунулась к нему в кормушку. Раздался визг и топот. Когда выбежали во двор, корова лежала бездыханной. Надо было видеть отчаяние моего отца! Он плакал! Но суровые женщины объяснили отцу, что корову надо прирезать, немцы всё равно её отберут. А папа и курицы не мог зарубить! Но надо — значит, надо. Они это сделали втроём. Освеживали, разрубили мясо на куски, засолили в бочку, а бочку заложили во дворе дровами. Затопили мы печь и в огромном чугуне сварили нам в дорогу печёнку и легкое.

Через несколько дней добрались мы до Загорского района, где жила с большой семьей моя бабушка Василиса. Она уже проводила на фронт троих сыновей, дочь — медсестру и зятя. Папа был пятым.

А далее, как у всех: голод, лишения, мучительное ожидание писем-треугольников с фронта и надежда на чудо — на победу! А надежда, как известно, умирает последней.

Но даже тогда были проблески счастья. У бабушки Василисы Про-

кофейный домик был небольшой: он состоял из горницы, небольшой кухоньки. Левый от двери угол занимала большая русская печь, наше спасение. Зима, помнится, 1944 года. Стоят крещенские морозы. Бревна в стенах дома с треском лопаются. Мы (нас пятеро двоюродных) с осени не были на улице: нет тёплой одежды и обуви. На холодный пол с печки спускаемся только по нужде.

Обычно в доме на зиму ставилась печка-временка. Бабушка приготовила и сложила под задним мосточком кирпичи, глину, песок, трубы. Но нет мужчин и некому сложить печку. Светает. В переднем углу светит зелёный огонёк лампадки. Это единственное освещение в длинные темные ночи, для лампы нет керосина.

В печи потрескивают дрова. Пахнет вареной картошкой в мундире и свёклой. Каждый получит по одной штучке. Кушать уже не хочется, только тошнит и кружится голова. Вдруг раздаётся грозный и тяжёлый гул, посуда на полках звенит, будто рядом проносится несколько товарных поездов. Бабушка накидывает свой старый «казачок» и, гулко хлопнув обитой старыми ватными одеялами дверь, выбегает на улицу. Мы начинаем громко плакать. Наконец, она возвращается и рассказывает, что в поле у околицы, за школой, много танков. Несколько из них едут по улице. Мы соскакиваем с печи, прочищаем на покрытом инеем стекле дырочку и жадно смотрим, как с гусениц лентой стекает снежная пыль.

Мы снова забираемся на печь, и слышим треск мороженных половиц в сенях, кто-то голиком обивает снег с обуви, дверь распахивается, и вместе с белыми клубами морозного воздуха вваливается румяный молодой богатырь в белом приталенном полушубке с пушистыми бортами, в серых валенках и ватных стеганых брюках. Шапка и брови в инее, а на руках странные рукавицы: большой и указательный пальцы отдельно. Он сдирает с бровей сосульки и осведомляется, кто в доме хозяйка. Мы все пятеро смотрим с печки на это чудо, раскрыв рты. Он ещё осведомляется, почему в доме так холодно, и объявляет, что танковый полк прибыл с фронта на месячный отдых, в наш дом надо поместить девятнадцать человек, что несколько дней придется пожить в тесноте, что наша семья ставится на довольствие. А сейчас нужна горячая вода. Спустя некоторое время приходят два танкиста (оба Саши), один высокий, а другой ему по плечо, водитель и стрелок, друзья и балагуры. Они приносят со двора всё, что нужно для печки, и работа начинается! Маленькая печурка к сумеркам готова, сверху чугунная плита, к потолку на проволоке подвешены трубы и вставлены в «боров» печи. Печка сначала дымит, и приходится открыть дверь, потом начинает прогреваться и просыхать. Ребята наливают в ведро

щёлок, который приготовила бабушка, и начинают мыть лавки и пол. Со двора приносят свежую солому, расстилают на полу, накрывают её плащ-палатками. Горит под потолком десятилинейная лампа. Свежо, тепло, уютно. Наконец, пришли постояльцы. Они бережно сложили на голбец одежду, а валенки бабушка отправила в печь сушить. На них были ватные брюки, свежие чистые нижние рубашки с закатанными рукавами и расстегнутыми воротами. Чистые, выбритые, веселые. Нам, на печь, подали котелок с кашей и отварной треской, а второй котелок — с чаем (не с морковным!), в который опустили большой кусок голубоватого рафинада. Вот это был пир!

После ужина Саша маленький взял баян. И как они пели! А бабушка плакала (она уже получила три похоронки). Здесь я услышала «Катюшу» и «Землянку».

Пришли они вечером, потому что строили баню: «Мы, бабуся, бревна возили с собой, переправы возводили для танков. А с дороги банька — первое дело!» — говорили они.

Спали вповалку на плащ-палатках, укрывшись полушубками. Так я впервые увидела наших воинов. Такими и запомнила их: молодыми, чистыми, веселыми, добрыми и мужественными.

Такие не могли не победить!

Татьяна Владимировна Семёнова

Я родилась 15 февраля 1932 года в городе Балахна, Горьковской области. В 1941 году мы жили в городе Саратове, я перешла в третий класс, когда объявили, что началась война, я еще не очень понимала, что это такое.

Папа у меня на фронте не был, у него была бронь, так как он работал главным инженером электросетей Саратовской электростанции. В войну он дневал и ночевал на станции, так как начались бомбежки. «Военное положение» — говорили мне, когда я спрашивала, где папа.

А бомбежки начались быстро, почти сразу. Сначала мы с тетей (папа на работе, а мама убегала в госпиталь — она врач) ходили в бомбоубежище — в подвал, потом перестали. Тетя укладывала нас в ванной, где не было окон, а от прямого попадания никакой подвал не спасет. Я уже поняла, что война — это бомбежки и голод, в магазинах пропали все продукты, а у нас появились карточки и очереди.

Много стало госпиталей. У нас в школе был подшефный госпиталь, куда мы ходили с концертами — читали стихи, пели, танцевали. Организаторами концертов были учителя. А вот какой был казус с госпиталями: когда они появились, то на крышах растянули белые полотнища с красными крестами. И после первой же бомбежки их сняли, так как немцы в первую очередь бомбили его вместе с «Крекингом» (нефтезаводом), электростанцией и другими заводами. Однажды немцам удалось разбомбить емкость с мазутом, который разлился по Волге. Горела вода — это было очень страшно.

В 1941 году и до осени 1942 года мы, вечно голодная малышня, добывали себе еду, как могли. От причала в город вела очень затяжная гора, где подводы шли медленно. На подводах везли семечки и колоб (жмых). Мальчишки ножиком разрезали мешок, а мы подставляли подол, куда сыпались семечки. Надевали платье пошире, чтобы подол был побольше. Но и нам доставалось от возниц — хлестали кнутом, а некоторые возчики на конец кнута привязывали гайку — мало не покажется. В 1942 году осенью собрали урожай со своих огородов и этот «спорт» как-то сам собой прекратился, наверное, стали не такие голодные.

В пятом классе пошла в другую школу — десятилетку — и в другой подшефный госпиталь, у нас стали более ответственные обязанности — убираться в палате, подать попить, что-то поправить, написать письмо. А концерты — это у кого талант. Моя подруга хорошо пела — и она очень часто пела для раненых, когда ее просили.

В школе свои заботы: у каждого в парте белый лоскуточек, который раздиргивали на корпию в течение всех уроков, потом сдавали в госпиталь, где корпия использовалась как вата.

В классе была создана «Тимуровская команда». Мы помогали одиноким пожилым людям (в основном, в частных домах): мы ходили за водой, керосином, отоваривали карточки, прибирались, чистили от снега дорожки. Мы собирали посылки на фронт. Кто что мог принести — носки, варежки, папиросы, сухари, бывало и шоколад, печенье.

От школы нас посылали в подшефной колхоз: на прополку, а потом на уборку моркови и свеклы, на подборку после механической уборки картошки, на сбор пропущенных колосков.

В 1949 году поступила в институт. После окончания института по направлению работала в Орехово-Зуево (СКБ-КДА), в 1962 г. — в поселке Реммаш, в НИИХСМ в должности инженера-конструктора.

Наконец, День Победы — самый счастливый мой день! Лучше этого дня никогда не было в моей жизни! Это был теплый, солнечный день! Казалось, что весь город вышел на улицы: люди смеялись, плакали, обнимались. Все ходячие раненые тоже вышли на улицы, их обнимали, поздравляли.

В городских «Липках» играл оркестр, люди танцевали. Военных качали, военных без билета пропускали в кино. Мы их просили: «Дяденька, возьми с собой!», и он говорил контролеру: «Эти со мной!», и нас пропускали — человек пять-шесть.

А утром наша «Тимуровская команда» съездила на трамвае на дачную остановку, и набрала диких тюльпанов, которые отнесли в наш подшефный госпиталь и украсили ими все палаты.

А самое главное — это, конечно, чувство безграничного счастья — **ПОБЕДА!**

Маргарита Васильевна Сидорова

Я родилась 14 февраля 1934 года. В 1942 году поступила в первый класс начальной школы номер один города Загорска. В 1946 году поступила в школу номер три города Загорска в пятый класс. Окончила школу в 1952 году.

Поступила на работу в 1952 году в ЗЭМЗ. В 1969—1989 г. работала в НИИХСМ, поселок Реммаш. Ушла на пенсию в 1989 г.

Мне было семь лет, когда началась Великая Отечественная война. В то время мы гостили у папиной сестры в деревне за городом Александров Владимирской области. Помню растерянность взрослых и двоюродного брата Володю, который плакал навзрыд, прислонясь к двери. Всё это было как-то непривычно, как будто мы перенеслись в другой мир.

Потом была дорога домой, в Загорск, в переполненном вагоне «кукушки». А дома тоже был переполох. Мама, собрав какие-то мешки, бегала по магазинам, закупаая всё, что можно было ещё купить: муку, соль, спички, мыло. В один день рухнула куда-то прежняя спокойная, обеспеченная жизнь. И потянулись бесконечные дни тревоги, страха и ужаса.

Все очень боялись бомбёжек. Очень часто по радио передавали сообщения: «Тревога!». Тогда родители одевали нас, и все выходили на улицу, часто это случалось ночью. А по небу скользили лучи прожекторов.

У нас в семье было трое детей — все девочки. Младшая родилась перед войной в 1939 году. На её долю выпали самые ужасные испытания. Питались мы на карточки — талоны на хлеб, сахар, муку. На пять карточек мы получали один килограмм семьсот граммов хлеба. Есть хотелось всегда. Ведь кроме этого пайка у нас ничего не было, а глав-

ное не было земли, где можно было бы что-то вырастить.

Но никто не унывал, мы осваивали лес — собирали грибы, ягоды. И наша трасса, которая и сейчас нас кормит (в 40-х годах прошлого века её только проводили). Там были большие заросли малины. Собирались мы по пять-шесть человек, шли из Загорска в Иудино пешком. Случалось, оставались ночевать в стогу.

Бомбёжек в Загорске почти не было — все считали, что из-за лавры. Однако самолёты немецкие над Загорском летали. Однажды зимой я гуляла с младшей сестрой, она была в санках. Вдруг появился самолёт с крестами и стал строчить из пулемёта. И ещё был случай. У папы был друг, Саша, он работал шофёром, а машина у него была газогенератор — топилась чурками. Он вошёл в дом, а машину не заглушил — дым шёл, как из печки. И появился самолёт немецкий, все испугались. Летчик, наверное, сам испугался, ни разу не выстрелил.

Вот так мы и жили. Мужчины, которые ушли на войну, вернулись не все — и горе было общее.

Римма Фёдоровна Симакова

Я, будучи ребенком, когда началась война, помню, как мы переживали все невзгоды, принимали посильное участие во всем, помогая родным, несмотря на наш возраст. Войну пережила в Загорске.

Когда объявили о Великой Отечественной войне, мы еще не осознали, насколько это страшно. Казалось, она далеко, до нас не дойдет, наша армия разгромит врага. Но немцы занимали города и вскоре дошли до Москвы. Страшно стало, когда немцы прорвались к Яхроме.

Мы жили на Большой Кукуевской (ныне 1-й Ударной армии). По нашей улице шли к Дмитрову танки. Многие жители вышли на улицу, дети жались к родителям. Ведь мы никогда не видели танков. За танками прошла пехота, сибиря-

ки, одетые в белые полушубки и валенки. А через несколько дней женщины и дети, несмотря на сильный мороз, снова стояли у своих домов и слушали гул самолетов и орудий — шел бой под Дмитровом.

Из города были эвакуированы все заводы. Оставшиеся жители готовились к эвакуации, кто куда. Взрослые плакали и молились, так как понимали, если немцы выиграют бой, то через два часа они будут в Загорске. Но наши защитники выстояли и погнали врага. А через два дня по нашей улице проехали подводы с телами, погибших на Пермиловских высотах загорчан. Был сильный мороз, но многие вышли на улицу, молча, стояли и плакали, пока подводы не скрылись из вида. Их похоронили в братской могиле на Никольском кладбище, а позже перезахоронили у Вечного огня. Вечная память всем погибшим в Великой Отечественной войне!

Дети быстро выросли, помогали взрослым, как могли. Когда я училась в школе, мы ходили «выступать» в госпиталь пешком в Каляевку (на Ферму). Мы с подружкой пели частушки, плясали. Я еще читала стихи Пушкина, Лермонтова «Бородино». Принимали нас хорошо, а врачи и сестры понимали, что мы источник сил для выздоравливающих, что мы напоминаем раненым о доме, семье.

А позднее осенью нас посылали копать картошку, так как колхозники сами не справлялись. В колхозах остались тоже одни женщины и дети. Плохо одетые, голодные мы помогали, как могли, потому что понимали, что наша помощь нужна, что так надо.

Были и радостные события. Каждый день слушали по радио о победах нашей армии, уже возвращались домой раненые, по продуктовым карточкам увеличивали норму хлеба.

В мою детскую память врезалась встреча с моим дядей в 1943 году. Он прошел войну от начала до победы в танковых войсках. Был призван в первые дни войны. В моей памяти запомнилось, как у нас в Загорске открылся кинотеатр (Горкино), как мы (я, моя мама и мамина сестра) смотрели фильм про войну, переживая все, что происходило на экране. Вдруг демонстрацию фильма прервали, включили свет. В зал вошла билетерша и громко назвала нашу фамилию. Мама еле-еле встала, а билетерша сказала, что ее разыскивает брат, который приехал с фронта. Ему соседи сказали, что мы ушли в кино. Мы вскочили и побежали к выходу, за нами ринулась толпа, всем хотелось посмотреть и пообщаться с фронтовиком. Ему стали задавать вопросы: как на фронте, где он воюет, скоро ли кончится война? Мы вышли из театра, а толпа сопровождала нас почти до дома. Люди радовались вместе с нами, как будто это был и их родственник. Дядя был проездом, он ехал на завод получать танки, утром, когда я проснулась, его уже не было.

Во время войны люди вместе переживали беды, радость, помогали последним, что было, своим соседям, знакомым, беженцам. Наверное, это единство помогло выстоять нам, одержать победу. Мы все были как одна семья!

День Победы мы с отцом встречали в Москве на Красной площади. Днем пошли в парк имени Горького, где была выставка трофейного немецкого оружия. А вечером смотрели салют, впервые в моей жизни. Отец мой работал на заводе, где делали боеприпасы, а потом сопровождал груз в разные места назначения. Дома бывал редко.

Вечная память погибшим в боях за Родину и работавшим, не щадя себя, в тылу!

Галина Николаевна Синцова (Королева)

Заслуженный учитель Башкирской АССР, ветеран Великой Отечественной войны. Родилась 10 февраля 1931 года в маленькой деревне Короли, затерянной среди лесов и полей Кировской области (Вятский край) Свечинского района, где был родительский дом «Начало начал». Там прошли мое детство и школьные годы.

Рядом был дом моего будущего мужа Владислава Степановича Синцова. С раннего детства наши окна друг на друг смотрели вечером и днем.

Набат войны застал меня в 10-летнем возрасте.

Помню солнечный день 22 июня 1941 года, воскресенье. В колхозе был выходной, готовились к сенокосу, после вывозки навоза на поля утром в деревню на лошади прискакал «нарочный» (телефонов не было) с этой вестью.

Все встревожились, но страшно стало потом, когда одна за другой пошли похоронки на ребят, ушедших в армию в 1939-1940 г. Когда один за другим уходили на фронт отцы наши.

В тот день мы с одноклассницей Раей пошли в соседнюю деревню навестить учительницу Евдокию Ивановну. Она только что вернулась из Свечи и сообщила удрученно, что через станцию идут эшелоны с техникой, солдатами на запад. Стало очень тревожно, началась война. Эта весть опалила нас, сразу сделав взрослее.

К труду нас, ребятишек, приобщали рано, обязанности были разные: ухаживать за огородом, скотом, доить корову, присматривать за младшей сестрой, которой было 3 года.

В деревне оставались старики и мы — дети, наши мамы.

Мы, неокрепшие ребяташки, выполняли все сельскохозяйственные работы. В посевную (весеннюю страду) готовили землю под посевы. Конными боронами рыхлили и заделывали зерно в землю. В 10-летнем возрасте умела запрягать лошадь, управлять ею. В сенокосную пору сушили сено, деревянными граблями сгребали в валки, копнили, подвозили к стогу, где его укладывали в круглыши на зиму. Уборочная страда была завершением лета.

Мальчишки на конной жнейке сжигали злаки, а мы, девочки, вязали сжатые «горсти» в снопы. Ставили по 5 снопов в суслоны, а рожь по 10 снопов в бабки. Как кололи руки сухие злаки! Подсохшие суслоны свозили на ток, иногда сразу обмолачивали или укладывали в скирды для зимних работ.

На току, у молотилки, работы хватало всем. Самые маленькие погоняли лошадей, запряженных в привод молотилки.

Девчонки постарше деревянными граблями от жерла молотилки отгребали солому, вытряхивая зерно, укладывали на носилки, двое посильнее относили к стогу. На току во время молотьбы стоял сплошной туман от пыли. Было трудно дышать, завязывали нос и рот платками.

По современным понятиям нарушались все нормы безопасности детского труда, но мы выжили, знали, что все для фронта, все для победы.

Не менее пыльная работа была при обработке льна. Лен теребили руками (какие были ссадины!), льнотеребилки появились после войны.

Высохшие снопы околачивали вальками. Из семян «били» масло, его употребляли в пищу, если оно было в наличии. Стебли («тресту») сдавали на льнозавод, иногда для себя выделяли кудельку и пряли на нитки. Часть тресты расстилали на скошенные луга для отлежки.

Уборка картофеля была трудным, но романтическим занятием. Иногда взрослые устраивали нам праздник, разрешали жечь костры и печь картошку — обедение!

Наступал октябрь, начинались школьные занятия.

Начальная 4-классная школа была в соседней деревне за 2 км. Учиться нравилось, занимались при свете керосиновых ламп, а дома с фитильком готовили уроки. 5-й, 6-й, 7-й классы заканчивала в с. Юма.

Весной 1945 г. объявили об окончании войны, радовались, всей шко-

Снопы ячменя, сжатого серпом, в

лой ходили с флагами по селу.

Папа вернулся с войны, но жестокое эхо ударило по семье. В августе 1945г. в войне с Японией погиб брат Анатолий, нас осталось две сестренки.

До сей поры не могу без слез слушать вальс «На сопках Маньчжурии».

В 8, 9, 10 классах училась в п.Свеча, госпиталь, который размещался в школе, расформировали. 10-й класс закончила успешно.

После школы мама посоветовала поступать в институт, т.к. «твоими хрупкими ручонками не справиться с крестьянским трудом».

Начался период учительства, в котором крестьянская закалка, упорство, ответственность сыграли большую роль.

В 1953 году по месту службы мужа Владислава Степановича в г. Стерлитамаке работала в школе №25, а с 1959 года – в школе-интернате №1. Работать было интересно, новое здание, пришлось оборудовать биологический кабинет, равных которому не было в городе.

Богатый набор наглядных пособий, были фильмоскоп, стационарный киноаппарат «Украина» (закончила курсы киномехаников).

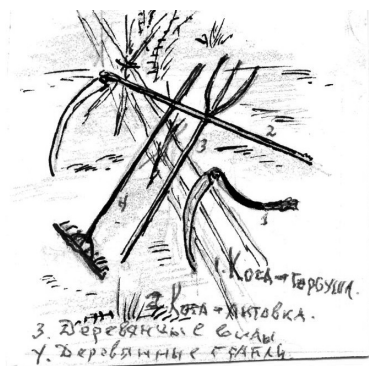
Владислав Степанович с курсантами изготовили экзаменатор, это было тогда большой новинкой.

В школе-интернате оборудовала методический кабинет, в нем проводились семинары учителей города, района. Приезжали гости из ГДР, Кубы и др.

Башкирский институт усовершенствования использовал опыт. Школы города старались равняться.

Дети, которые прошли через душу и сердце, помнят и даже сейчас пишут и звонят.

Труд отмечался: дважды помещена была на городскую Доску почета;

- 2 декабря 1975г. Указом Президиума Верховного Совета Башкирской АССР присвоено звание «Заслуженный учитель Башкирской АССР» с вручением знака «Заслуженный учитель»;

- в 1979г. награждена орденом «Знак Почета» Указом Президиума Верховного совета СССР;

- награждена медалью «За доблестный труд в ВОВ 1941-45гг.».

Всех государственных наград и поощрений, записанных в трудовой книжке 17 (семнадцать).

С увольнением мужа из армии переехали жить в г. Загорск (Сергиев Посад), где проживаем уже 31 год и считаем себя сергиевопосадцами.

Г.Н. Синцова, ветеран ВОВ,
заслуженный учитель Башкирской АССР

Владислав Степанович Синцов

Моя малая родина — маленькая, в шестнадцать дворов, деревенька Короли в Вятском крае. Там и прошло мое детство.

Приютилась она на небольшом взгорке в двухстах метрах от речушки Чернушки. До районного центра, поселка Свеча, где есть железнодорожная станция, от Королей семь километров, а до села Юма, где был сельсовет, — пять километров. Были в селе средняя школа, где я учился, и больница, в которой я родился. Жизнь в деревне шла в ритме, устоявшемся веками. Одни сельскохозяйственные работы сменялись другими. Время суток определяли чаще по солнцу, чем по часам-ходикам, висевшим в каждой избе в «красном углу» рядом с иконами. Радио, электричества, а тем более телефона не было. Новости из внешнего мира узнавали или из газет, или по «сарафанному телеграфу».

Известие о начале Великой Отечественной войны привез посыльный из соседней деревни Большие Бурковы, где находилась колхозная контора, приехавший верхом на лошади. Деревенские мужики, человек пять-семь, собрались в нашей избе. Говорили о непонятной мне войне, ругали Гитлера за несоблюдение договора о ненападении, обсуждали военные силы сторон — особенно те, кто воевал против немцев в 1914—1915 годах. Расспрашивали отца, служившего в Кремле ездовым-артиллеристом при сорокапятимиллиметровой пушке. Он

говорил: «Немцев скоро победим!»

Много курили. Разошлись по домам под вечер. Через несколько дней почтальон принес повестку Петру Григорьевичу, первому мужчине из нашей деревни, ушедшему на фронт. Его провожала вся деревня. Он, прощаясь, твердил одну и ту же фразу: «Туда идти — ворота широки, а оттуда — узкие». Так она мне и врезалась в память. С войны он вернулся невредимым, без ранений, был связным при крупном штабе далеко от вражеских пуль.

К началу войны трое парней из деревни уже служили в армии. Двое из них погибли на фронте.

До конца 1941 года мы проводили на фронт семнадцать человек. Всего же на войну ушли двадцать два человека. Восемь из них не вернулись. В моей родне погибли все взрослые мужчины: мой отец, четверо дядей, двоюродный брат.

Отца проводили на фронт под новый 1942 год. Он был веселым человеком: играл на гармошке, любил петь и плясать. Люди его уважали. На проводах, под «хмельком», прощаясь, все пел частушку:

*До свиданья, деревенцы,
Вот вам правая рука!
Может быть, и не надолго,
А может быть, и навсегда!*

Много плакал, чего я раньше за ним никогда не замечал: характером он был тверд. Хныкая и держась за полы его одежды, я ходил с ним по деревне от дома к дому, где он прощался с деревенцами. Его угощали водкой, а я просил его больше не пить.

Мы с мамой проводили его в санях на лошади до Свечи. Сфотографировались на память у военкомата и посадили в товарный вагон воинского эшелона, проходившего на Москву. Там тогда шли ожесточенные бои. Мы с мамой, пока могли, бежали за поездом. Мама упала, люди помогли довести ее до саней.

Через три месяца мы получили с фронта похоронку и письмо от замполита, в котором он писал, что Степан Михайлович погиб, защищая нашу Родину. Это тяжелое время мгновенно сделало нас, подростков, взрослыми. Всё тяжелые работы в поле и на ферме, которые раньше выполняли сильные мужчины, теперь делали женщины, старики и подростки. Всех нас в деревне осталось пятьдесят четыре человека. Среди них три старика и четыре старухи старше шестидесяти лет, тридцать один ребенок, считая детей от года до десяти лет, и шестнадцать женщин. Трудоспособными были тридцать человек, за осталь-

ными нужен был уход. Люди по-прежнему продолжали пахать, сеять, убирать урожай, ухаживать за скотом.

Всей земли в нашей деревне было около трехсот гектаров. Лес большими массивами окружал деревню со всех сторон.

На каждого трудоспособного человека приходилось около семи гектаров пашни, столько же покосов да еще приусадебный участок около полгектара. Все работы выполняли на пятнадцати полуголодных, еле державшихся на ногах лошадях и одном быке. На колхозной ферме было до двадцати пяти дойных коров и столько же телят, а также тридцать овец-маток с ягнятами. В каждом личном подворье держали по корове, теленку, свинье, кур. У нас в хозяйстве осталось от отца пять ульев пчёл. Их держали до 1947 года, пока их не разорили воры. Ухаживали за пчелами мы с бабушкой, мать их боялась.

Мать долгое время во время и после войны работала на ферме скотницей — это и доярка, и кормозаготовитель, и подносица, и раздатчица кормов, и пастушка в одном лице. Бытовала тогда такая присказка про женщин: «Она и лошадь, она и бык, она и баба, и мужик!»

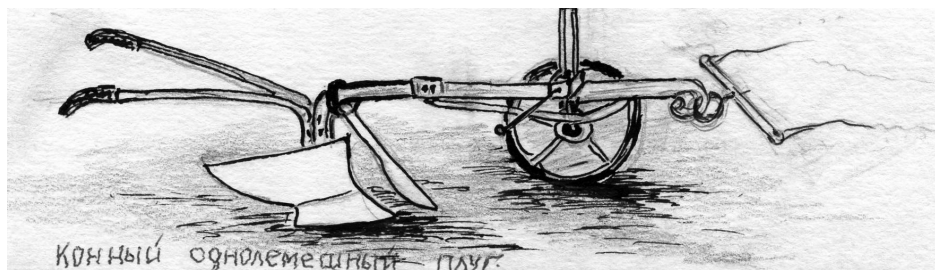
Стране необходимо было продовольствие для армии и народа. Лозунг «Все для фронта! Все для победы!» мы понимали буквально. Работали все — и мал, и стар. Дети от десяти лет и старше работали «по полной программе», не отставая от старших, а иногда и перевыполняя дневные нормы. Очень уставали, болело все тело, хотелось упасть и

лежать. Пахарь за это время проходил по борозде за лошадьёю не менее тридцати пяти километров, удерживая плуг за ручки и заноса его на концах в новую борозду на локтевых сгибах. Засевали всю отводимую для этого площадь. За время войны не потеряли ни одной сотки пашни и покоса.

Вспаханную землю бороили. Эта работа считалась легкой, ее доверяли детям от семи лет, в том числе и девочкам под присмотром старших. Нужно было ходить за бороной и при помощи вожжей управлять лошадьми или ехать верхом. Сидеть без седла на хребте у лошади —

«не сахар»: так набьет копчик, что на второй день ходить не можешь.

Сеяли зерновые — рожь, ячмень, овес — вручную и конной сеялкой с шириной захвата полтора метра. Руками у нас сеяли два старика. Убирали урожай вручную серпами и на конных жнейках. За жнейкой женщины, девчонки и старушки вязали снопы и ставили их в бабки и суслом — для просушки. После окончания жатвы снопы свозили на ток и обмолачивали на конной молотилке. На жнейке мы с одногодком Леонидом работали всю войну. Очень тяжело. Очень тяжело на «лобогрейке» — так у нас называли жнейку без механических граблей для сбором срезанного злака. Это делали вручную специальными граблями. Ими так намашешься, что через пятнадцать минут со лба пот льет ручьем. Вот и прозвали жнейку «лобогрейкой».

Жнейки часто ломались. Мы с Лёнькой ремонтировали их сами в кузнице. Были и слесарями, и кузнецами. Видели, как до войны работал у нас кузнец, вот мы ему и подражали. Научились даже делать горновую сварку металла. Ремонтировали весь сельхозинвентарь — плуги, бороны, колеса, телеги и тому подобное. И это все в двенадцати-тринадцатилетнем возрасте.

До войны привезенные на ток снопы складывали в скирды и из них обмолачивали зерно уже глубокой осенью, когда полевые работы были окончены. Нам в войну такой роскоши не позволялось. Молотили по ходу жатвы, а зерно сдавалось в счет выполнения госплана. Величина плана, в весовом исчислении, зависела от числящихся площадей

пахотных и других земель. За день намолачивали до тридцати-сорока центнеров, и к ночи собирали обоз с мешками зерна по пятьдесят-семьдесят килограммов. Старший обоза — либо один из стариков, либо женщина — и мы, пацаны, везли зерно в Свечу на склады «Заготзерна». Тогда были организованы такие конторы, как «Заготзерно», «Заготсено», «Заготскот», «Заготлен» и другие.

На складе тринадцатилетнему пареньку приходилось нести на загорбке по деревянному трапу на высоту второго этажа семидесятикилограммовый мешок с зерном, зажимая его за не завязанную горловину в кулаке. Часто рука не выдерживала, кулак разжимался, и зерно сыпалось не туда, куда надо. Нас в таких случаях заставляли собирать его и нести заново. А бывало и срывались с трапа с мешком вместе, падали, калечились.

Весь район вез зерно на склад. Была очередь. Часто домой возвращались далеко за полночь. Старшие нас жалели, и мы в пути спали. Дома немного поспим, и опять, еще до восхода солнца, слышим стук в окно и голос бригадира: «Катя (моя мать), ты до обеда — вязать снопы за жнейкой, после — возить на Савраске (так звали мерина) снопы на ток. Владик с Ленкой жнут на жнейке весь день».

Очень хотелось спать. Нашей главной мечтой было выспаться. Выходных не было. Все лето, пять месяцев подряд — без единого дня отдыха. И так каждый год, всю войну и после войны.

Рабочий день делился на три периода. Первый — от восхода солнца до завтрака. Летом это с трех-четырех до семи утра. Второй — с завтрака до обеда (с десяти до тринадцати-четырнадцати часов). И третий — с обеда дотемна. Ужинали и сразу ложились спать.

Питались скудно. На завтрак, как правило, хлеб с молоком, яйцо, картофель, перловая каша. Бывало, так уставали, что засыпали за столом. В сенокос, пока во время обеда кормили лошадей, мы, пацаны, успевали сбегать на речку и искупаться.

В обед и ужин пища повторялась, разнообразия в пище не было. Мяса ели мало. Выращенного поросенка или теленка забивали, и мясо везли на продажу в город: нужны были деньги, чтобы платить налоги, госзаем, что-то купить из одежды и обуви.

В магазинах ничего не покупали — только на рынке у спекулянтов. Одежду перешивали из старой, поношенной. Мне из старой купленной шинели сшили полупальтишко. В нем окончил школу и техникум. На предприятиях профсоюзы по строгой норме, по специальным ордерам, выдавали раз в год какую-то одежду, обувь, нательное белье, мыло, соль, спички и так далее, а в деревне все это покупали у спекулянтов. Такой порядок был до 1949 года. Понятия «поношенная вещь» тогда не существовало. Носили до дыр, латали, ставили заплатки. Все

было дорого. Буханка хлеба на базаре — сто-двести рублей, спичечный коробок махорки — тридцать рублей.

На трудодни выдавали в конце года зерно, картошку, сено, солому и прочее, что было в колхозе. Денег не было.

Норма оплаты была мала — по сто — сто пятьдесят граммов зерна на трудодень, получалось мешок на весь год. На это прожить было невозможно. Выручало приусадебное подсобное хозяйство. Сеяли ячмень, сажали картошку, овощи, держали скот. Корм для личного скота заготавливали, кто как мог. Косили траву за лесом, обычно ночью, так как днем работали в колхозе.

Дрова для отопления дома заготавливали не в своем лесу, а километрах в двадцати от дома. Рубили лес летом, складывали в штабеля двухметровые бревна, а зимой на санях вывозили по назначению. Спиливали деревья, отрубали сучья и разделявали на бревна вдвоем с матерью ручной пилой и топором. На это уходило дня два-три. Выезжали на делянку всей деревней, а работала каждая семья для себя, одинокие объединялись, помогали друг другу. Летом рубить лес тяжело, а зимой вывозить из леса бревна, когда снега по грудь, еще труднее. Надо было на морозе загрузить на сани, увязать веревками не менее одного-полутора кубометров бревен, а потом везти их до дома двадцать километров. На возу почти не сидели. Чтобы не замерзнуть, шли пешком рядом.

Лесозаготовки во время войны возросли. Дровами стали топить паровозы. В районе паровозного депо на железнодорожной станции оборудовали топливный склад. По разнарядке районных властей каждый колхоз должен был заготовить и привезти на этот склад указанное количество кубометров двухметровых бревен и выделить людей для их распиловки и колки. Выполнять все это опять приходилось нам, пацанам, и женщинам. К этому еще надо прибавить заготовку дров для отопления школы, сельсовета, больницы, учреждений в райцентре. Для газогенераторных машин пилили березовые чурки пятнадцать сантиметров высоты и кололи их на мелкие поленьца.

Зерно сушили и везли на мельницу для размолу на муку и крупу. Отходы шли на корм скоту. В нашей местности были ветряные и водяные мельницы. Хлеб хозяйки выпекали в русских печах в каждом доме два-три раза в неделю. В эти дни, обычно рано утром, до завтрака, над деревней стоял приятный ароматный запах хлеба. Ничего более приятного не могу вспомнить из своих детских лет.

Когда поспевали грибы и ягоды, нас родители иногда до завтрака отпускали в лес. Как приятно было кушать свежий хлеб с молоком и ягодами или блины со сметаной и ягодами! Грибов и ягод у нас ро-

сло много. Заготавливали их на зиму. Очень запомнилась сенокосная страда. Посевная страда, сенокосная страда, уборочная страда — одни страдания. Такая жизнь в деревне! У нас на кочковатых и лесных покосах косили косой-горбушей. Согнувшись в земном поклоне, взмахами косы направо и налево скашивали траву на ширину вытянутых в стороны рук. Так, сгорбившись, работали целый день, и назавтра, и до конца сенокоса. Спина болела невыносимо.

Ладони все в мозолях от ручки косы. Сейчас, вспоминая, удивляюсь, как мы выдерживали, не валились с ног, не болели серьезно, и вот дожили до восьмидесятилетнего возраста.

Скошенную траву сгребали граблями в валки и свозили в стога-круглыши. Стоять на круглыше и правильно укладывать сено умели старики, а мы, подростки и женщины деревянными вилами подавали пласты сена наверх стогоправу. Подавать на высоту пять-шесть метров было очень тяжело. Нас матери жалели и подменяли, но азарт молодости не позволял нам отставать от них.

Фронт требовал и сена. Выросла трава или нет, а план сдачи сена выполнить надо было обязательно, несмотря на то, что сена не хватает своему колхозному скоту. Поэтому лошади были слабосильными, коровы давали мало молока. Сено большими возами везли в «Заготсено», в райцентр. С привезенного воза длинными деревянными вилами сено метали в большущую скирду на высоту семь-восемь метров. Однажды я не выдержал, упал. Старик, старший нашего обоза, помог мне.

Я уже говорил, что возвращались поздно, за полночь. А рано утром бригадир опять будил на работу.

В 1942—1943 годах бригадиром был выписавшийся из госпиталя раненый карелофинн Кайлеляйнен, которому ехать было некуда — его родные места были оккупированы. Потом он вернулся домой. Маленькие дети и старушки тоже получали наряд на работу. Прополка сорняков на полях, подгребание сена и его уплотнение (топтание) на возу, подборка колосков, тербление льна, подача снопов на воз и к молотилке, уборка картофеля — все эти и другие посильные работы выполнялись семи-десятилетними мальчишками и стариками.

О картошке. Без удобрений на нашей глинистой почве она росла мелкой. В период между окончанием сева яровых и сенокосом навоз со всех дворов вывозили на поля. Управляли лошадью и запрягали ее в специальную телегу-навозницу в виде опрокидывающейся платформы подростки обоего пола от семи лет и старше. Мы даже негласно соревновались, рисовались друг перед другом, кто быстрее и ловчее запряжет лошадь, кто удалее проедет на порожней телеге стоя, обгонит соперника, а значит, больше вывезет телег по счету и ему больше запи-

шут трудодней. Работали с азартом. Во дворах старик и две женщины железными навозными вилами накладывали навоз на телегу, а в поле другие женщины разгружали и разбрасывали его по полю. На другой год на этом поле после картошки сеяли рожь. Картошку сажали вручную в борозду за плугом. Другим пластом земли посаженная картошка запахивалась. Когда картошка вырастала на пять-десять сантиметров, между рядов проезжали с распашкой (окучником). Копали картошку из пласта земли, выпаханного плугом, деревянными лопатками с длинным черенком. Вслед за копальщиком, как правило, подростки или старушки собирали картошку в ведра и ссыпали ее в мешки. Двое постарше отвозили картошку в овощехранилище. При хорошей погоде управлялись дня за три-четыре. А если били дожди, грязь, холод, то уборка затягивалась; были годы, когда картошка уходила под зиму.

В это же время теребили руками лен, вязали в снопы, ставили их в поле на просушку. Потом везли к овину, сушили, околачивали головки с семенами, а тресту сдавали в «Заготлен». Если успевали, то тресту мяли, получали куделю, трепали ее, выбивая костру, и получали волокно. Из него можно прясть нити, а из них — ткать холсты. Работа со льном — очень трудоемкая. Рабочих рук в войну не хватало, и постепенно льноводство пришло в упадок. К концу войны льна сеяли мало. Учебный год в школе каждую осень начинался не в сентябре, а где-то в октябре — нужны были рабочие руки. В школу ходили пешком, по снегу — чаще на лыжах. Начальная школа была за два километра в соседней деревне, а средняя — в селе Юма за пять-шесть километров. В особенно морозные и короткие зимние дни (а учились в две смены) квартировали у знакомых в селе. Электричества в школе не было. Освещали классы керосиновыми лампами. Топили дровами. Учителя были хорошие. Многие были из эвакуированных из Ленинграда, в том числе и директор А.Н. Чибисов. В школе было весело, учеба мне давалась легко, испытывал ощущение отдыха от постоянной физической работы, хотя по выходным дням приходилось помогать матери по хозяйству и на колхозной работе.

В лексиконе подростков нашего поколения слова «гулял» в ответе на вопрос, где был, не существовало. Всегда отвечали, что делали, чем были заняты. Теперь же молодежь отвечает: «Гулял». У нас в деревне говорили: «Корова обгулялась с быком» или «Овечка обгулялась в бараном», прогулял всё состояние — вот с чем ассоциируется у меня это слово.

Жаль, что теперь молодежь до тридцатилетнего возраста «гуляет», не вовлечена в полезный физический труд, особенно в городе. Энергию тратят на курение, хулиганство, употребление наркотиков. Секс среди детей стал обычным явлением. Кого растим? К работе на зем-

ле молодое поколение не приучено. Землю обрабатывать перестали. Продовольствие везем из-за границы. Население страны катастрофически убывает. Обидно за Отечество!

Молодые люди и девушки, берите пример трудолюбия с ветеранов Великой Отечественной войны! Будьте счастливее нас, не знайте войн, боритесь за мир между людьми! Успехов вам в труде, благополучия в любви!

Владислав Синцов,
военный пенсионер, ветеран Великой Отечественной войны

Владимир Константинович Старченко

Жизнь моя! иль ты приснилась мне?

С. Есенин

Я родился 1 ноября 1938 года в городе Пензе в семье служащего. Отец (1907 года рождения) окончил в 1936 году Сталинградский механический институт по специальности «Инженер-механик», в 1939 году — Московский институт повышения квалификации ИТР Оборонной промышленности по специальности «Оружейно-пулеметные системы». Член КПСС с 1928 года. Мама (1914 года рождения) — по образованию техник-строитель.

С 1939 по 1943 год я с родителями проживал в рабочем поселке города Златоуста. Отец работал на заводе начальником цеха, иногда его понижали в должности до мастера. Однажды начальник Наркомата Д.Ф. Устинов прибыл на завод для налаживания производства по выпуску «контрольной цифры пулеметов “Максим”» и на разборе хода работ лично восстановил в должности. Нервотрепка была жуткая, отца в то время видел редко.

Мама работала на заводе мастером гальванического цеха, посменно, и если цех выполнял план, могла попасть домой.

Дети, естественно, как и все городское население Урала, испытывали все трудности: и холод, и голод. Почему-то до сих пор не забыл изжогу от картофельных очисток на подсолнечном масле, которое давали иногда маме за время производства.

Вспоминаю часто, как после сна ресницы заплывали гноем, и я не мог открыть свои глаза, и ждал, пока кто-либо из взрослых промоет мне их теплой водой, смоет гной.

Кстати говоря, люди жили очень дружно, двери комнат не закрывались.

Помню только женщин. Помню, что работали они круглосуточно. Помню воспитательницу и поваров на кухне, так как во время прогулки все дети, кроме меня, однажды отравились травой-кислицей. Их всех увезли в больницу (один ребенок умер), а меня отдали на кухню поварам — под присмотр, и я объелся там вареной капустой, с тех пор я ее не переносу (впрочем, некоторые родственники считают, что я это придумал). Болел часто простудными заболеваниями.

Смертность среди взрослого населения была очень высокая, особенно среди киргизов, присланных на строительство.

Отец рассказывал, как однажды зимой поздней ночью он возвращался домой с завода, его обгонял обоз (сколько саней, не знаю). Возчики были в начале и в конце обоза. Сани были накрыты рогожей. Чтобы сократить время в пути и отдохнуть, отец прыгнул в проходящие сани, а там оказались мертвые люди, уложенные штабелями. Естественно, он соскочил и пошел пешком. Картина жуткая!

В 1943 году после того, как наладили производство в Златоусте, отца направили на завод в Вятские Поляны Кировской области. Там мы и встретили день окончания войны, там же пошел в 1945 году в первый класс.

Условия жизни: коммунальная квартира на три семьи в двухэтажном доме, отопление печное, удобства во дворе, сарайчик, двор. Кстати, в этом же доме, но в другом подъезде, жил известный конструктор-оружейник Т.С. Шпагин, его самого не помню, но помню его личную легковую машину, которую якобы подарил ему сам И.В. Сталин. Все жили примерно в одинаковых условиях.

Затем отца перевели в Коломну, но там находились менее года. Отец не прижился, конфликтовал с руководством завода, и в декабре 1946 года мы прибыли в Загорск на завод п/я 12 (Скобянка). Это было самое голодное время. Жили в поселке Клементьевском (дом восемьдесят один), комната примерно пять квадратных метров, в другой комнате, немного подальше, жила семья заместителя директора завода, сам директор с семьей жил на первом этаже, в квартире напротив.

Весной, чтобы что-то есть, люди оборвали всю крапиву в близлежащих рощах. Были случаи, когда обессиленные люди так и оставались в лесу, умирали (отец девочки из нашего класса и фамилию помню — Смирновы). Когда сошел снег, люди ходили по полям и собирали оставшуюся от прошлого урожая картошку, терли ее на терке и пекли

из нее олады, называли их «терунки», они и тогда был несъедобные.

Тогда же я серьезно заболел воспалением легких, невозможно было дышать, уходил в небытие... Вызвали скорую помощь, помню кислородную подушку, и всю зиму пробыл я в больничной палате. По тем временам считалось чудо, а не лекарство — сульфидин, но чтобы достать его, нужны были деньги. Мама стала продавать наши вещи, почему-то помню мясорубку.

Налаживалась мирная жизнь, в соответствии с постановлением правительства разворачивалось жилищное строительство, один из вариантов — строительство частных домов. Государство давало землю — соток двенадцать и долгосрочную, мне кажется, беспроцентную ссуду — десять тысяч рублей. Завод помогал транспортом, так возникла часть Южного поселка.

Мои родители взяли участок, чтобы посадить картошку — сильно наголодалась семья. И началось строительство домика, длилось оно практически все мое оставшееся детство. Въехали в новый дом весной, как только собрали сруб и крышу. Родители работали весь день на заводе с одним выходным в неделю, а когда нанимали специалистов для кладки фундамента, печей, конопатки бревенчатых стен и так далее, для уменьшения стоимости работ я придавался подсобником на неквалифицированные работы (поднести кирпич, песок, приготовить раствор и так далее).

Весь оставшийся участок от дома — соток десять, совместно с родителями перекапывался вручную, высаживали по сто кустов помидоров, капусты, делались грядки под морковь, свеклу, огурцы. А затем начиналась поливная пора: воду брали из прудов, затем с речки, таскали ведер по сто чуть ли не каждый день. Питьевую воду (это была моя обязанность) носили метров за пятьсот, а то и за километр.

Из домашней скотины держали поросенка, козу, кур, иногда уток. Мои обязанности зимой после школы: растопить печку, поставить чугуны с картошкой для животных, а когда приходила с работы мама, она быстро начинала готовить ужин. Отопление было печное, и заготовка дров на зиму отрывала немало сил у семьи. Электричество дали только в 1952 году, когда я уже учился в восьмом классе, а так уроки приходилось делать при керосиновой лампе.

Кстати, до постройки школы № 14 несколько лет учились в три смены, домой иногда приходили около двадцати трех часов. Опять часто болел воспалением легких, из-за чего пропускал много уроков, что не могло не сказаться на моей успеваемости (с пятого по седьмой класс). Отец вплотную взялся за меня, но оказалось не все так просто и быстро, хотя мое усердие и старание не прошло даром.

В 1955 году после окончания школы я поступил в городе, в котором я родился, в Пензе, во вновь созданный Инженерно-строительный институт, и по окончании его работал в должности производителя работ, в 1960 году в — Загорском строительно-монтажном управлении Мособлтреста 27.

Надо отдать должное преподавателям института: учили нас хорошо, и знания, полученные в институте, позволяли чувствовать себя впоследствии уверенно. Мне повезло, что и после института я попал в хорошие руки старших начальников, одновременно и товарищей. Хорошая память о них у меня сохранилась на всю жизнь, жаль, что я не всегда отдавал им должное при их жизни.

В 1962 году Постановлением Совета Министров СССР от 8 января был призван в кадры Советской Армии, а в то время призывали всерьез и надолго (двадцать пять лет). Все это было неожиданно и не совпадало с моими личными планами. Тем не менее, я понимал серьезность международной обстановки и, как говорится, от службы не бегал, на службу не напрашивался.

Началась другая жизнь, другая война и, как потом называли ее, — холодная. Но это уже из другой главы.

К тридцати годам жизни у меня определился медицинский диагноз, после госпиталя: «Хроническая пневмония второй степени с бронхоэктазами». С ним я продолжил дальнейшую службу в меру своих скромных сил.

Тем не менее, считаю себя счастливым человеком. Я был нужен государству, обществу, и в этом тоже, оказывается, есть счастье... Омирает только послеперестроечный период в жизни нашей страны — своей бесперспективностью для наших внуков... И дай бог, если я ошибаюсь в этом!

Г. П. Талёвская

Помню до сих пор

Когда началась война, моим родителям — Петру Ильичу и Анне Карповне — было по двадцать пять лет. И у них уже были две дочки: мне — пять лет, а сестре — шесть месяцев. Мы на тот момент жили в поселке Белоомут Луховицкого района Московской области. И отец ушёл... Я этого не знаю. Как было, как провожали, всё тихо, спокойно?..

И вот однажды я просыпаюсь, а у кровати лежит шапочка — красный капор, с широкими красными ленточками. Я её помню до сих пор! Радости было много. Откуда, кто дал? Как? Оказывается, отца уже везли

на фронт, а на станции «Фруктовая», что в шести километрах от нашего посёлка они стояли сутки, а может, больше. Шёл 1941-й. Он попросился сбежать домой, его отпустили, и ночь он провёл дома. И подумать только, в такое тяжёлое время, такое доверие и дезертирства не было. Я, конечно, отца не видела. Но капорок его помню до сих пор.

Война шла. Я ходила в детский сад, мама работала, сестру она отвезла бабушке в деревню. В 1943 году отца тяжело ранило. Я этого, конечно, не знала. И вот в один из зимних дней мы бежим с мамой домой, входим в дом, а на заправленной кровати лежит в военной форме отец. У меня испуг, а потом радость! И эту картинку я помню до сих пор: я сижу с папой на кровати, он меня гладит по голове, спине (я сейчас чувствую его руки), а я играю в «игрушки», которые он выгрузил из карманов. Это были ножичек, портсигар, спички, карандаш, свёрнутый листок бумаги, какие-то железки. Больше у него ничего не было.

Потом папа рассказывал, как он был ранен: он закурил, и немецкий снайпер выстрелил ему точно в грудь. Пуля прошла через лёгкое и остановилась в двух миллиметрах от сердца. Так он её носил в груди, харкал кровью — ему было тяжело. В конце 1944 года ему сделали операцию, вытащили и вручили ему пулю. Эта немецкая пуля у нас лежала в стаканчике на этажерке, мы всем её показывали.

Мы переехали жить к маминой сестре в Москву (у метро «Новослободская», Краснопролетарская улица). Я ходила в 195-ю школу. По нашей улице ходили трамваи, машин почти не было, людей тоже было мало. Мама привезла из деревни мою сестру. Все встретились!

И вдруг победа! Пришёл великий радостный день ликования. Я не забуду его никогда. Моя тётя повела меня на Пушкинскую площадь (там тогда ещё ходили трамваи). Что там творилось! Неслась громкая музыка, все плясали, танцевали, пели, смеялись, радовались, плакали, гремела гармонь, незнакомые люди обнимались, целовались, танцевали. И я, такая маленькая, танцевала со взрослыми под музыку. Помню всё и испытываю такое же чувство, как и тогда. Это поистине радостнейший день!

Инна Викторовна Федорова

Я, родилась 18 августа 1937 года. Окончила Орехово-Зуевский педагогический институт, педагог по образованию, проработала в школе пятьдесят два года. Мне хочется вспомнить свои детские годы во время Великой Отечественной войны. Мои родители, Виктор Николаевич Тупицын и Лия Самуиловна Лихачинская, приехали в Загорск после окончания института по распределению на Оптико-Механический завод — ЗОМЗ в 1936 году. Завод тогда только начинал образовываться и находился в стенах Лавры.

В 1941 году завод эвакуировали в Сибирь — в город Томск. Отец тогда был начальником цеха и должен был сопровождать оборудование с первым эшелоном в Томск. Он собрал кое-какие вещи с собой, запер комнаты и уехал. Мы с мамой в это время отдыхали на Волге в городе Кинешма, у тетки отца, и сразу выехать не смогли. Мы на пароходе доплыли до города Горький, там жил брат мамы, и мы временно у него остановились. Я помню, как бомбили Горький. Лежишь ночью в постели, а кровать во время бомбежки подпрыгивает. Меня одевали и уводили в бомбоубежище.

Отец в Томске узнал, что в Сибирь эвакуируется Горьковский завод, он созвонился с директором завода, чтобы взяли его жену и дочь. Вот так с Горьковским заводом мы прибыли в Сибирь, отец нас встречал. Одежды у нас почти никакой не было.

В городе Томске нас поселили в доме напротив Томского университета, в котором расположился завод ЗОМЗ. Продуктов в магазинах не было, все по карточкам. Через два месяца к нам приехала бабушка, мамина мать. Она вела хозяйство, помогала нам выживать, сидела со мной, родители все время были на работе, отец работал и день, и ночь. У бабушки была золотая цепочка, она кусочки от цепочки носила в ломбард, взамен приносила муку, пекла хлеб, булочки. Хлеб, который давали по талонам, берегли для отца — главному работнику в семье. Он постоянно хотел есть, приходил с работы и спрашивал: «Нет тонкого пирожного?» Это так он называл тонкий кусочек черного хлеба. Чтобы как-то выжить, родители ходили в тайгу. Отец залезет на кедр и бросает маме кедровые шишки. Они набирали рюкзаки шишек. Бабушка готовила из них орех, а еще она ходила и продавала шишки. Детям у нас в семье и у знакомых устраивали новогодние праздники, звали друг друга в гости. Однажды я была в гостях, а когда вернулась, то с восхищением рассказывала, что угощали очень вкусной манной кашей. Мама ездила с сотрудниками за реку Томь, переправлялись они на барже, лодке и меняли в деревнях вещи на продукты. Родителям моим выделили земельный участок, там они сажали картофель, овощи.

Однажды отцу пришла повестка на фронт, сколько у нас было слез, но руководство завода отстояло его, такой работник нужен был на заводе. В 1943 году пришел приказ заводу возвращаться в Загорск. Снова отцу надо было везти оборудование. Мы с бабушкой поехали вместе с ним. Мама ехать не могла, так как надо было остаться и собирать урожай, ведь овощи нельзя было бросать. Ехало много семей с детьми

в одном эшелоне, вагон был такой, в каких сейчас возят скот. Когда мы приехали в Загорск, комнаты наши были заняты, вещей наших нет. Нам дали комнату в четырехкомнатной квартире в Каменном поселке, в каждой комнате жила большая семья. С продуктами питания было плохо, бабушка ходила на фабрику-кухню, где ей давали оставшиеся обеды, отходы. Когда мы приехали в Загорск, я заболела скарлатиной, меня положили в первую городскую больницу на улице Кирова. Бабушка каждый день меня навещала в больнице и когда она спрашивала, что мне принести в больницу, я говорила — пшеничную кашу. В 1944 году я пошла в школу в первый класс. В этом же году отстроился новый дом в Каменном поселке и нам дали однокомнатную квартиру, семье, состоящей из четырех человек. Нашей радости не было предела!

Очень хорошо помню день, когда 9 мая 1945 года объявили окончание войны. Все люди обнимались, целовались! Через два года родители купили телевизор КВН с линзой. Тогда телевизоров почти ни у кого не было. К нам в квартиру приходило много знакомых. Во время передачи люди сидели, стояли, полная комната народу. Люди тогда жили дружно. Хочется, чтобы в наше время люди были отзывчивые, внимательные друг к другу, как в трудные военные годы!

Александр Александрович Федоров

Родился в семье вторым ребёнком в 1932 году, через два года после сестры, позднее у нас появились ещё три сестрёнки и брат. Но следует сразу отметить, что очень важной и значимой в нашей семье была бабушка Мария Петровна. До Великой Отечественной войны, мама наша, Надежда Александровна, работала в ЗОМЗе. Папа, Александр Герасимович, был участником финской и польской военных кампаний. Он был артиллеристом-разведчиком во время финской войны, тогда он и получил свое первое ранение в плечо. В 1941 году, в июле, он был демобилизован на фронт. Мне однажды с группой девятилетних

товарищей удалось проникнуть на особый пункт отправки, который находился на территории Каляевки, где уходящим на фронт мужчинам выдавали военную форму и винтовки образца 1891—1930 годов. Там я с отцом и попрощался перед его отправкой на фронт.

Письма с фронта приходили редко, а к нему наши конверты-треу-

голки — и того реже из-за частого перемещения линии фронта. В 1944 году папа приехал из госпиталя на побывку домой. В госпитале, под Москвой, он залечивал ранение и контузию, полученные на передовой. Я ему тоже поведал историю, как дважды в Загорске мне довелось лежать под бомбами фашистов.

Вот эта история. 17 октября 1941 года на железнодорожной станции Загорска стоял готовым к отправке в глубь страны состав с эвакуированными и оборудованием электромеханического завода (ЗЭМЗа). Я и мои товарищи с Первомайской улицы Павел Тихомиров и Александр Беляев находились на откосе железнодорожной насыпи, со стороны лесопилки (лесопильного завода и нефтебазы). В это время с северо-востока в сторону Москвы летел самолёт. С него посыпались одна за другой шесть бомб, и от их взрывов были разрушены вагоны и контактные провода железной дороги. Мы побежали через рельсы домой. Так состоялось моё первое «свидание» со смертью.

Еще один эпизод из моих воспоминаний. 8 ноября 1941 года я и мой товарищ Сергей Светилов вышли на улицу погулять. В это время (а был полдень) слышались пулемётная очередь и шум мотора самолёта. Когда я подбегал к дому, то увидел летящий самолёт, вернее, би-план, на крыльях которого на белых кругах зловеще красовались черные кресты. Я полез под ворота соседнего дома, а в это время первая из бомб разорвалась напротив нашего дома и дома Горбачевых, который стоял в глубине от дороги. Мне достался удар мерзлой земли, но я подумал, что это осколок бомбы, прибежал домой и от испуга заснул, в чём был.

Вот об этих эпизодах я и поведал отцу, не забыв рассказать о том, что в тот день на некоторых домах были вывешены красные флаги в честь очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

В октябре 1941 года по распоряжению городского комитета обороны, который возглавлял 1-й секретарь горкома партии Т. Черногоров, все население было мобилизовано на создание заградительных сооружений. На Ярославском шоссе, в районе Сизинихи (около Вакцины) и на дороге Хотьково — Загорск, появились металлические ежи, лесные завалы по обочинам и противотанковые рвы.

В сооружении противотанковых рвов довелось участвовать и мне с бабушкой. Мы рыли большой окоп с отвесным уступом и земляным отвалом наверху. Эту работу пожилым людям и детям с Первомайской улицы пришлось выполнять на границе города, в сторону Семхоза. На всех колокольнях церквей и в Лавре были выставлены посты ПВО. В Лавре в то время располагался штаб обороны города. Туда в конце ноября (по рассказам взрослых) и прибыл назначенный командующим

1-й Ударной армией генерал Василий Иванович Кузнецов. Эта армия, созданная по решению Ставки Верховного Главнокомандующего, формировалась на улицах Загорска, в том числе и на Первомайской. С нами, мальчишками девяти-двенадцати лет, хорошо контактировали бойцы-ополченцы формируемой армии. Они угощали нас сухарями, сухим пайком. А однажды, когда из полевой кухни раздавали на обед пшеничную кашу, досталось и нам полакомиться той кашей. В день отправки на Перемилово — Дмитров я пригнулся на задней ступеньке полевой кухни и меня заметили только на Кировке, где остановился обоз. Я возвращался пешком до дома по проспекту РККА, потом по Рыбной улице. Проспект Красной Армии был загружен беженцами с санями, волокушами, шли женщины с маленькими детьми на руках, они уходили в сторону Ярославля.

В это время было довольно голодно. Хлеб выдавали по карточкам, приходилось стоять за ним в большой очереди в булочной — магазине на проспекте Красной Армии. Кроме этой «работы» необходимо было ещё старшим по возрасту детям ухаживать за младшими. Самая младшая сестра Вера родилась в нашей семье в начале мая 1941 года. Несмотря на суровое лихолетье, наша бабушка держала козу, молоком которой подкармливала внуков. Мама после эвакуации ЗОМЗа работала в пекарне, которая располагалась в Ильинской церкви на Болотной улице.

Все мысли взрослых и детей были обращены к одному желанию — Победе. Было известно и старым, и малым о больших людских потерях в войне. То в один, то в другой дом на улице Первомайской приходили похоронки или извещения «пропал без вести». Два наших двоюродных брата погибли на фронте. Вот почему с особым ликованием была встречена весть о Великой Победе в мае 1945 года!

В августе 1945 года пришло радостное известие от отца, что он демобилизован. Мы с другом Колей Киселевым 4 августа поехали в Москву на Белорусский вокзал встречать своих отцов. Товарно-пассажирский поезд, украшенный красивыми флагами и плакатами, под радостные крики встречающих прибыл на вокзал.

Радостных слёз гордости за победителей, вернувшихся живыми, не было конца!

Роза Аврамовна Фрейлах

Я родилась 8 апреля 1937 года городе Почеп Брянской области.

1941 год. Великая Отечественная война! Отец уехал на фронт, он был отправлен в Канск на формирование сибирского ополчения. Я, мама, брат (семи лет) на телегах поехали на восток. Ночевали в одной из деревень на крыльце местной школы. Утром пешком отправились дальше. По пути нас подобрал военный эшелон, идущий на фронт. Всех детей накормили кашей. Шел сильный дождь. Мама накрыла нас периной — успела взять с собой, а ещё документы и фотографии. Высадили нашу семью в городе Омске.

В комнате жили четыре семьи (пятнадцать человек). Мама смогла устроиться на работу. Нам всё время хотелось есть. (Я это помню!) С местными детьми сдружались, но не сразу. Они смеялись над нашим словом «буряк» (то есть свёкла), ну а мы не прощали им слов «сибирские пимы» (то есть валенки).

Чтобы дети не были беспризорными, меня в 1942 году взяли в школу в первый класс. Детям в школе давали кусочки хлеба, и одну чайную ложку песка сахарного ждали, как праздника. От отца получали весточки с фронта. После войны отец приехал в Омск, и мы поехали в Москву, так как больше некуда было ехать. Наш дом на Брянщине сожгли немцы, а в Москве жили родственники, но жить у них негде было, мы остановились в городе Загорске, в Подмосковье. Мы поселились в домике на Карбушинке (бывшая Красюковка). Дом — развалюха, но под крышей.

Я поступила в пятый класс женской школы № 3 (КИМ). Окончила среднюю школу, затем Орехово-Зуевское педучилище в 1958 году.

С 1945 года работала воспитателем в детском саду. Затем, уже со своей семьей, переехала в рабочий поселок, продолжая работать воспитателем. Потом меня перевели на должность заведующей в детский сад № 24. Непрерывный стаж работы с детьми — сорок лет.

Являюсь ветераном труда. В данный момент нахожусь на пенсии. Член Совета ветеранов образования.

Нинель Холодкова

Часто приходят воспоминания из далекого детства, кажущегося всегда счастливым, несмотря на то, что было оно опалено войной и многими послевоенными годами лишений.

Перед Великой Отечественной войной жили мы в городе Изюме на Украине в коммунальной квартире. В одном с нами подъезде жили и большие наши друзья — семья Карпенко. С Лилей, которая была чуть старше меня, нас связывала детская дружба. Вместе играли, ходили в один детский сад. Им заведовала ее мама, тетя Сима Дворниченко. Она была шумной, говорливой, очень подвижной. Сильно отличалась от своего спокойного, молчаливого, уравновешенного, казавшегося мне очень красивым, мужа. Перед самой войной у них родился сын Игорек. Как только мама с сыночком приехали из больницы, Лиля позвала меня полюбоваться братиком, называя его своим будущим защитником.

«Как же такой малюсенький мальчик может тебя защищать? — удивлялась я. — Моему братику Вове уже три года, а защищаю его я, а не он меня. Младший брат — он всегда останется младшим».

Война на долгие годы разлучила наши семьи, эвакуированные в разные города необъятной страны. Они уехали в Пензу.

О том, что дядя Гриша — архитектор, я узнала уже после войны, когда родители, получив письмо от Карпенко, сказали о скором приезде Григория Александровича. Его вызывали в Загорск с Украины для строительства Дворца культуры.

Фактически стройка начиналась еще до войны. И мне как-то всегда было странно видеть множество кирпичных столбиков, сложенных на том месте, где сейчас дворец. «Зачем они тут?» — думала я, не предполагая, что это остатки заложенного фундамента будущего центра культуры города.

Почти каждый день дядя Гриша бывал у нас. Естественно, что со всеми этапами строительства будущего дворца мы были хорошо знакомы. Друг нашей семьи, стеснительный, необыкновенно скромный человек, волновался перед поездкой в Москву к самому Сталину для окончательного утверждения проекта.

Проект, львиная доля работы по разработке которого была проделана Григорием Александровичем, утвердили. Подпись вождя венчала его. Успех отмечался у нас дома. Тогда-то я и узнала, что наш дворец будет похож на Большой театр в Москве.

После дворца дядя Гриша построил еще много других объектов и жилых домов в Загорске, прежде чем его отозвали в другой город.

Меня всегда удивляет тот факт, что о Г.А. Карпенко, тянувшем огромный воз работ, не вспоминают, когда бывают юбилейные торжества, связанные с Дворцом культуры имени Ю.А. Гагарина. Может быть, потому, что он был заместителем главного архитектора, а чтить принято лишь главных?

Вернусь к военному периоду своего детства. Помню, как мы с младшим братом, бегая вокруг стола, вдруг остановились, испуганные страшным грохотом разбившегося на мелкие осколки большого зеркала, упавшего с комода. Мы ждали наказания. Ведь это наша неумная беготня привела к случившемуся. Нам не попало. Но мама была очень расстроена тем, что разбитое зеркало являлось плохой приметой. Вскоре и случилось самое страшное, что могло тогда произойти.

По утрам, наверное, в выходные дни, по радио читали роман Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Я всегда слушала эту передачу и с нетерпением ждала её продолжения. В один из дней мое томительное ожидание оказалось напрасным. Вместо долгожданного продолжения чтения книги я услышала о том, что началась война. На нас напали какие-то звери — фашисты.

Так как речь все время шла о зверях, меня интересовал вопрос: «Какие же это звери — медведи, волки... или еще кто-то?» Суматоха, состояние взрослых было таким, что я не могла найти ответа на мучивший меня вопрос.

Сразу же начались бомбежки, срочные эвакуации. Все уезжали. А мы почему-то — нет. С детьми, которые еще не уехали, бродили по пустому дому, играли в оставшихся без хозяев квартирах в игрушки. Но ничего не было в радость. Грустили об уехавших друзьях и ожидали, когда же и мы уедем.

Во время воздушных тревог, а они были бесконечно частыми, все жители заводского посёлка с детьми и приготовленными необходимейшими вещами, запасами еды укрывались в наскоро сооруженных бомбоубежищах за домами, где были фруктовые сады.

Однажды я решила посмотреть, что же это за звери напали на нас, почему доставляют столько горя людям. Спрятавшись во время очередной воздушной тревоги за ящик с песком под лестницей, я видела, как мама с братом Вовой, с плетеной прямоугольной корзиной в руке, в которой лежали необходимые вещи и еда, через противоположный выход из подъезда уходила в бомбоубежище.

Когда вражеские самолеты заревели, я вышла из своего укрытия посмотреть на них. Один из самолетов летел так низко, что казалось, он врежется в наш дом. Вдруг за штурвалом увидела не зверя, а обыкновенного человека в шлеме и очках. Он, как и я на него, с удивлением

смотрел на одинокого ребенка, стоявшего на опустевшей улице...

Увидев после отбоя расстроенное лицо мамы, не нашедшей меня в бомбоубежище, я поняла, что совершила что-то ужасное и случайно осталась в ЖИВЫХ. Ведь недаром речь шла о зверях.

Ещё помню, как в первые дни войны наша детсадовская группа выступала перед ранеными бойцами. Фронт был рядом. Мы дарили им салфетки и кисеты, которые вышивали сами под руководством воспитателей, под звуки непрерывной канонады. А когда были в детском саду, уже в Томске, то постоянно готовили свои работы и рисунки для посылок на фронт.

В детском садике мы жили неделями (взрослые ковали победу в тылу), а иногда оставались и на выходные. Наш садик был недалеко от электростанции, на берегу реки Томь. Завод, на котором работали родители, был далеко от садика. Свидания с мамой были редкими. Однажды родители, придя за нами, увидели своих детей обритыми наголо. У меня до этого были длинные вьющиеся волосы.

Помню, как давилась овсяной кашей, с обилием комочков, надоевшей настолько, что многие десятилетия не могла смотреть даже на овсяные колосья. А бессменная воспитательница Вера Михайловна, стараясь уговорить меня съесть хоть чуть-чуть, одной мне рассказывала сказки, читала стихи и пела песенки, когда все дети давно уже были в кроватях-раскладушках, а многие успевали уже и заснуть.

Гражданский эшелон, в котором мы отправились в эвакуацию в Новосибирск, был последним. Дальше шли лишь военные. В длинных товарных вагонах, покрытых толью, тянулись деревянные полки. Напротив дверей они прерывались. Там стояла железная печка. На ней и готовили все по очереди. А было в вагоне около шестидесяти человек.

Двери были не раздвижными, а открывались наружу. Почему запомнила? Потому что, когда во время налетов вражеской авиации поезд останавливался, вдоль состава бежал человек, заставляя немедленно убирать висящие на дверях сушившиеся одеяла, особенно, если они были яркими. Все выпрыгивали из вагонов и залегали в близлежащих канавах или кустах. Состав наш был огромным — более семидесяти вагонов и платформ, на которых везли разбитые самолеты для ремонта в тыл. Это и являлось причиной частых бомбежек нашего состава. Тянули и толкали его четыре паровоза — два впереди и два сзади. На отдельных участках — даже шесть.

Мы, дети, наблюдали все это и считали вагоны, видя весь состав на изгибах путей во время так называемых прогулок. А они заключались в стоянии у открытых дверей во время движения поезда.

Случались долгие стоянки в открытых полях или в лесу, когда подъезжали к участку, где путь был разрушен. Все взрослые выходили и собирали рельсы и шпалы, приводя железнодорожные участки в рабочее состояние. Не однажды приходилось гасить пожары, вспыхивающие на платформах с самолетами после налетов немецкой авиации.

Иногда стоянки были долгими из-за переживания окончания боев, шедших на пути нашего следования. Запомнилась страшная картина кошмарных результатов недавних военных событий — на проводах висели куски одежды и оторванная чья-то рука...

В дороге мы с братом заболели дифтерией. Володя болел в очень тяжелой форме. Надежды на его выздоровление в таких жутких условиях не было. На станциях начальник эшелона дядя Миша Хачатуров носил его на руках в медпункты, где братику делали уколы. Это его и спасло. Я же, переболев болезнью в легкой форме, потом еще почти полгода лежала с осложнением уже в Томске. Самое интересное, что больше в вагоне никто не заболел.

Запомнилось, что приехали в Томск (Новосибирск уже не принимал эвакуированных), когда было совсем темно. Местные жители разбирали по своим домам вновь прибывших беженцев. Нас привезла к себе немолодая женщина по имени Катя. Мы со своей немногочисленной ручной кладью очутились в комнате без дверей. В ней стояли кровать, стол и стулья. Спали поперек кровати, подвинув к ней стулья. Сначала нас было четверо, а потом — пять человек.

Из-за начавшегося после дифтерии осложнения я еще долго лежала с перевязанной шеей. Помню, как мама не отдала меня в больницу, где мне должны были сделать операцию. С помощью добытой с великим трудом ихтиоловой мази удалось избавиться от опухоли лимфатической железы. В результате остался шрам. После операции он был бы значительно больших размеров.

Когда я начала выходить на прогулки во двор, стояла уже настоящая сибирская зима. Меня окружили дети и расспрашивали о войне, немцах, дороге в Сибирь. Общение, несмотря на то, что я говорила только по-украински, а они — по-русски, с характерными сибирскими словечками, было радостным и добрым. Правда, меня прозвали «шоколой». От украинского «шо» вместо русского «что». Чтобы избавиться от прозвища, хотя и не очень обидного, пришлось быстро овладеть русской разговорной речью. Буквально несколько дней потребовалось мне для этого. В нашей семье до конца жизни все, кроме меня, говорили с украинским акцентом...

Какое-то время наша хозяйка была внешне добра к нам. Ее две

взрослые дочери казались очень разными. Миловидная Роза — молчаливой. Она, как Золушка, вечно трудилась. Вся домашняя работа выполнялась ею. Рита напоминала настоящую разбойницу, очень резвую, наглую, развязную, говорливую, шумную, любимицу матери. Ей дозволялось все. Рита с Катей часто уходили из дома, возвращаясь с массой новых вещей. Во дворе говорили, что муж и сын Кати — Усати (так окружающие звали ее, видимо, за явно заметные темные усики) сидят в тюрьме за вынос оружия с предприятия, на котором они работали.

...Вдруг почему-то нашу комнату перестали отапливать. Стены покрылись льдом. Пальто не снимали. По ночам просыпались от шума, создаваемого приходившими к хозяевам людьми. Они приносили в дом какие-то тюки. Вход с лестницы находился как раз напротив дверного проема нашей комнаты, не защищенного дверью.

Однажды среди бела дня, когда я болела, увидела, как из-под одеяла, висевшего вместо двери, тянется Риткина рука и забирает нашу картошку.

Замечали пропажу многих вещей из того малого, что удалось привезти с собой.

Как-то, позвав меня в свою комнату, Ритка стала вытаскивать из шкафа вещи для игры. Среди них я узнала свои. Сказав ей об этом, получила ответ: «Были ваши, стали наши». Потом вдруг у нас пропали все продовольственные карточки на текущий месяц. Еле выкрутились с помощью друзей. А по истечении месяца нашли их подброшенными под кровать. Все это заставило родителей искать другое жилье.

Уже в Загорске из переписки с тетей Валею, матерью десятерых детей, узнали о том, что Катю и Ритку арестовали как главарей известной в Томске воровской шайки. Тетя Валя занимала первый этаж того двухэтажного дома, где на втором жила наша первая в Томске горе-хозяйка.

Еще с военных лет осталась у меня боязнь отстать от поезда. Хотя я всегда любила поездки по железной дороге. Появилась она у меня после того, как однажды мама отстала от эшелона на пути с Украины в Сибирь, уйдя за кипятком и продуктами на одной из станций. Ведь никакого расписания тогда не было.

Во время маминого отсутствия нас опекал дядя Миша Хачатуров и соседи по вагонным нарам. Дядя Миша был не только другом нашей семьи, ему была поручена опека над нами, так как папа, прошившейся все время на фронт, а его туда не отпускали (у него была тяготившая его броня), был оставлен в Изюме со специальным зада-

нием — подготовить завод к сдаче немцам (попросту — взорвать его). Поэтому на возникшие в дороге вопросы, связанные с пребыванием в вагоне семьи с больными дифтерией детьми, он ответил: «Я несу особую ответственность именно за эту семью. Возражающие могут выгружаться!...»

Мама догнала нас на военных эшелонах (гражданских после нас уже не было) во время долгих маневров нашего состава на какой-то из станций. Радость была несказанной, но страх отставания от поезда остался навсегда.

Казалось, что очень редкими были выходные дни, когда нас забирала из садика. И однажды нас привели уже совсем в другой дом, где мы жили до лета 1943 года. До тех пор, пока очередной товарняк с меньшими по размеру вагонами, но с более удобным расположением полок, правда, теперь в два яруса, не повез нас в Загорск. В дороге много говорили о красоте города, в который мы ехали, и об обилии яблок в нем.

Зинаида Ивановна Хомякова

«Мои года — моё богатство»

Я родилась в июне 1942 года в Зарайском районе Московской области, поэтому отношусь к поколению «дети Великой Отечественной войны». В нашей семье было пять детей: старшая Мария (1926 года рождения), Сима (1928 года рождения), Николай (1930 года рождения), Вера (1935 года рождения) и я. Родители работали в колхозе. Жили за счёт личного хозяйства. Со всего брали налоги натурой — молоко, яйца, шерсть с овец. Когда колхоз стал оплачивать труд, жизнь стала улучшаться.

Началась Великая Отечественная война. В феврале 1942 года отец ушёл на фронт, был ранен в ключицу, лечился в госпитале, на фронт больше не вернулся, так как плохо поднималась рука. Старшие дети помогали маме по хозяйству.

Однажды в жаркий летний день мама во дворе развесила сушить пальто и шерстяные вещи. Я была на руках у старшей сестры. Она говорит: «Мама, перешей мне хромовые сапоги отца». И вдруг голос: «Нет, Машенька, я ещё в них сам буду ходить!» Это отец вернулся с фронта! Идёт прямо ко мне и говорит: «Это моя дочь!?»

1946—1947 годы. Голод. Хотя я была ещё маленькая, но помню, как ходила с сестрами на луг за щавелем, в поле — за мороженой картошкой,

из которой мама пекла оладьи. Я не понимала вкуса шоколадных конфет. Когда меня угощали, я их мяла руками и бросала. В это голодное время родственники помогали друг другу. Помню, как тётя отца приносила по нескольку штук сваренных, горячих картофелин, а мама делила на всех.

Я росла подвижной, любознательной девочкой. В шесть лет наша соседка научила меня читать. Начальную школу окончила с отличием. С пятого класса я стала учиться в городе Зарайске. В школу ходила пешком, она была в трех километрах от нас. Училась с увлечением, никто не помогал, зато я помогала одноклассникам по математике и немецкому языку. Учёба давалась легко. Я не представляла себе, как можно пойти в школу, не выучив уроки. Внимательно слушала объяснения учителя, а при закреплении материала, в конце урока, получала оценку. Какие-то устные уроки готовила по дороге домой, если шла одна. Дома оставалось выполнить только письменные задания. Вечером обратно шла в школу: я пела в хоре, занималась в гимнастической секции. Любимые виды спорта в школьные годы — коньки, лыжи, волейбол. Обожала игры — лапту, семь палочек и, конечно, качели.

За время обучения в школе я прошла все ступени пионерской и комсомольской работы: звеньевая, председатель отряда, староста, физорг, секретарь комсомольской организации класса. Окончив с отличием школу в 1959 году, я не задумывалась, куда пойти учиться. Получив аттестат, подала документы в Коломенский педагогический институт на физико-математический факультет, который окончила в 1964 году. В институте получила хорошие знания не только по специальности, но и по основам хореографии, детской медицины (полтора года практики в стационаре) и пользования кинопроекторами. Были поездки в театры Москвы, турпоходы по Подмосковию, занималась пением (наш квартет был награждён поездкой в Ленинград). На четвертом курсе увлеклась альпинизмом; покорила на Главном Кавказском хребте две вершины — Орезвери (4097 метров над уровнем моря) и Казбек (5047 метров над уровнем моря). Присвоили по альпинизму третий разряд. Впечатления от альпинизма не забываются до сих пор. В горы приезжали студенты со всех концов Союза, из разных вузов. Каждый вечер до полуночи, у подножья горы Монах, разводили костёр. Под гитару звучали песни, а над головой — тёмное небо и яркие-яркие звёзды. Нас обучали ходить в связке по три человека, перебираться через горную реку, подниматься в гору и спускаться со склона, перемещаться по леднику. А романтичное возвращение домой «зайцем» на теплоходе «Крым» от Сухуми до Одессы! Затем самолёт «Одесса — Москва»!

На пятом курсе проходила практику (три месяца) в вечерней школе у станции «Хотьково». В 1964 году окончила институт, получила

направление на работу в Хотьково, в среднюю школу № 3 учителем математики. Сбылась мечта детства и юности — я стала учителем. В 1966 году была построена школа № 5. Я со своими учениками ходила на субботники, убирала мусор. Все старшие классы (с пятого по десятый), вместе с учителями, были переведены в школу № 5, в которой я трудилась двадцать лет.

Много внимания уделяла обучению и воспитанию подрастающего поколения, методике подготовки к уроку и его проведению, так как от этого зависит качество проведённого урока. Вела кружковую работу по предмету. Дети участвовали в смотрах строя и песни, в военной игре «Зарница», в конкурсах инсценированной песни, КВН и так далее. Много было поездок в театры и с экскурсиями — по городам Советского Союза. Выполняла в школе общественную работу (председатель профкома школы, руководитель школьного методического объединения учителей математики), замещала завуча по учебной части. Принимала участие в смотрах художественной самодеятельности, в спортивных соревнованиях заняла второе место, была награждена поездкой в Сочи на десять дней. За многолетний плодотворный труд имею грамоты и благодарности школы, горно, Министерства образования. Я «Ветеран труда».

В 1994 году я закончила педагогическую работу. Имею двух детей: дочь и сына, трёх внуков. Всё свободное время, которого мне так не хватало раньше, я стала уделять внукам. Но я так и не смогла расстаться с любимыми занятиями: семнадцатый год занимаюсь в вокальном ансамбле «Надежда». А с 2007 года являюсь председателем Совета ветеранов образования. Мой круг общения расширился. Бывает такое: поздравляешь с днём рождения, скажешь несколько тёплых слов, не как-нибудь, а с чувствами, в ответ слышу: «Меня ещё так, никто не поздравлял!» И я по голосу чувствую, что у ветерана уже слёзы наворачиваются на глазах, слышится вздох, и окрепшим голосом он начинает благодарить меня. Это дорогого стоит. Они, ветераны, которые ведут активный образ жизни, ждут приглашений на концерты, встречи, балы, экскурсии.

Я ценю людей честных, порядочных, целеустремлённых, доброжелательных, с активной жизненной позицией! И сама стремлюсь быть такой!

Петр Сергеевич Хомяков

*А годы летят,
Наши годы, как птицы, летят
И некогда нам оглянуться назад.*

Е. Долматовский

Я родился в крестьянской семье 25 ноября 1935 года в деревне Литовня Навлинского района Брянской области. До войны в нашей семье было пятеро детей. Римма (1926 года рождения), Маша (1930 года рождения), Петр (1935 года рождения), Нина (1938 года рождения), Тоня (1941 года рождения).

Тяжелое было детство, трудно о нем вспоминать.

21 июня 1941 года. Началась война, отец ушел на фронт. В конце августа 1943 года немцы, отступая, проходили через наше село. Вся наша семья (мать и пятеро детей) была насильно угнана в Германию. По Белоруссии ехали на повозке (была лошадь и корова). Взрослые шли за обозом. Дети пухли от голода и холода. Мыться было негде, заедали вши. На границе с Польшей всех погрузили в товарный эшелон, вместе с лошадьми. Так проехали всю дорогу в Польшу, затем опять ехали на подводах, под конвоем немцев. По дороге старшие пытались выпрашивать для детей кусочки хлеба, иногда тех, кто не подчинялся конвоирам, расстреливали на глазах у всех. Наконец мы прибыли в Германию, в город Штутгарт. Жили за колючей проволокой. Кормили сырой брюквой и свеклой. Заставили работать на немецких хозяев.

В один прекрасный день русская разведка освободила нашу семью, нас переправили на строительство аэродрома. Близилась победа! Советские войска окружили Берлин. Русских, насильно вывезенных немцами в годы войны, отправляли в город Ландсберг, что на реке Одер. Там был сборный пункт, откуда шла прямая дорога на восток, на Родину. Здесь и был нами встречен долгожданный день Победы. Объятья, песни, пляски, выстрелы, слезы радости на глазах! Все перемешалось! Этого я не забуду никогда!

В конце мая 1945 года мы, все живые, вернулись в родную деревню, которую немцы сожгли почти дотла. Из трехсот шестидесяти домов осталось только три дома! Все жители деревни, что вернулись домой, жили теперь в землянках и погребках. Очень трудно было кормить семью, восстанавливать домашнее хозяйство. Я с тремя сестрами ходил в лес — собирал ягоды, грибы, орехи. Все, что мы собирали, относили на продажу, на станцию «Навля», шли пешком четырнадцать киломе-

тров или ехали на крыше вагона поезда, который ходил от Навли до Брянска. Уставшие, измученные, с мозолями на ногах поздно ночью мы возвращались домой. На следующий день повторялось все сначала. На деньги, полученные от продажи ягод, мама кормила нас и покупала нам одежду к школе. Вот так выживали мы после войны!

Я с нетерпением ждал первое сентября, чтобы пойти в школу учиться. Учеба в школе для меня была большой радостью. Семь классов я окончил с похвальной грамотой, приехал в Хотьково к старшей сестре, Римме, которая после войны работала на заводе «Электроизолит». Жил у неё в общежитии. С отличием окончил машиностроительный техникум в городе Мытищи и без экзаменов был принят в МВТУ имени Баумана. Во время летних каникул помогал родителям в деревне, вместе с однокурсниками работал на целине, убирал урожай хлеба. На заработанные деньги купил себе хороший костюм.

Окончив училище, я получил направление на работу в город Ногинск, на завод топливной аппаратуры, где трудился три года. Затем устроился на работу в Научно-исследовательский институт источников тока на станции «Москва-3».

В 1966 году женился. С 1968 года работал в Хотькове в КТБ, ЦНИ-ИСМ, ведущим инженером, затем начальником проекторного сектора. Трудовой стаж — сорок девять лет.

Я несовершеннолетний узник концлагерей, ветеран труда.

Имею награды: юбилейные медали Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, медаль «За успехи в народном хозяйстве СССР». Кроме того, мне присвоено звание «Почетный машиностроитель».

Отличительные черты характера: скромность и честность, требовательность и принципиальность, необыкновенное трудолюбие как умственное, так и физическое

Веду активный образ жизни: посещаю концерты и ветеранские балы; ежедневная зарядка, пешие прогулки, работа на даче. Люблю плавание (а в молодости — лыжные прогулки и соревнования), люблю играть в шахматы.

Мой девиз:

Ни шагу к старости!

Ни часу в горести!

А только в радости!

И только в бодрости!

Валентина Тихоновна Чернышева

От хутора до космоса

Под обаяние Валентины Тихоновны Чернышевой я попала с первых ее слов по телефону. А когда встретились лично, поняла, что как раз о таком человеке и нужно рассказать накануне Дня космонавтики. Однако беседа наша была о другом — моя героиня была настроена не на мирную, а на военную тему. Сейчас Валентина Тихоновна пишет семейную хронику для своих близких. Как умеет, как получается. Главное, считает она, чтобы внуки и правнуки знали правду о войне от нее самой.

В ее воспоминаниях — ни ложного пафоса, ни умаления того, что довелось пережить.

В своей книге слово «война» она пишет с большой буквы. Представим слово ей самой.

Я родилась в маленьком, но очень красивом хуторе Петровский Запорожской области, это место было заселено во времена реформ Петра Столыпина. Детство пришлось на лихие военные годы. Окончила Петровский факультет, который потом в разные годы окончили Леонид Кучма и Юлия Тимошенко. По распределению поехала в Челябинск. Там начинала работать в мартеновском цехе, где отливали металл для башен танков. А потом познакомилась с будущим мужем, выпускником Бауманского училища, он оказался с Новостройки.

О переезде не жалела — меня ожидала работа очень интересная. Космос оказался таким близким...

Я работала начальником лаборатории, которая проводила анализы горючего для заправки космических ракет. В том числе и мы давали заключение на полет. Особенно запомнился день 12 апреля 1961 года. Представляете наше волнение, когда весь мир узнал о полете первого человека в космос? Радость нашу ничем описать было невозможно. И когда после Юрия Гагарина летали последующие экипажи — тоже! Мой «космический» стаж — пятьдесят три года, двадцать из них летала в командировки на Байконур.

В преддверии праздника Победы мне хочется вспомнить тех, кто отдал свои жизни, кто пережил страшные годы оккупации, кто испытывал муки плена, кто работал в тылу. Мое детство тоже принесено в жертву этой беспощадной войне.

Когда началась война, мне было неполных одиннадцать, но я все отчетливо помню с первого и до последнего денечка. Помню утро 22 июня, солнечное, радостное. Мы собрались во дворе деревенского гармониста, веселились там под гармошку, прыгали, танцевали. Пошли домой обедать, а после обеда увидели, как по дороге мчится полуторка с мужиками, которые кричат: «Война началась!»

Уже на следующий день началась мобилизация. Папе нашему было всего шесть лет, поэтому он ушел на войну не сразу, а только через неделю.

Правление колхоза вскоре организовало угон скота в эвакуацию и ответственным за это непростое дело назначили родного папиного брата Федора Ивановича Онищенко. Сколько он пережил, пока гнали скот в Чечню, под Нальчик! Я вам скажу больше: стадо сохранили полностью и после освобождения запорожской земли его вернули в родные места! На такое способны только очень ответственные и совестьливые люди.

Первые два месяца после начала войны у нас на хуторе царил полный хаос. Люди кинулись запасаться всем, чем только можно. Собирали с полей зерно, мы, дети, бегали на виноградники, таскали домой виноград, всю тару им заполняли.

В начале сентября в небе появились первые вражеские самолеты, обстреляли село Новозлатополь — недалеко от нас, я в это время была там, в гостях у жены старшего брата Данилы. После обстрела появились вражеские солдаты на мотоциклах, почему-то на голове у них были надеты каски с перьями. Они сразу повели себя нагло, на всех кричали, искали еду. Это оказались итальянцы. В доме у брата они нашли хлеб, тесто стояло — и его съели. Завоеватели смеялись, играли на губных гармошках, пили. А утром поехали дальше.

Когда я вернулась в хутор, увидела страшную картину: немцы на нашем пруду расстреливали гусей, уток, вылавливали их и тут же жарили, ели. Почему они все были такие голодные? Отбирали поросят, кур. Через два дня они уехали.

Тяжелее стало, когда враги пригнали в соседнее село Ворошиловка первых пленных, наших... Их загнали в школу голодных, оборванных, многие были ранены. Нам было их так жалко! Мама пыталась передать им хлеб, картошку, но сильно рисковала: немцы стреляли в каждого, кто приближался к пленным. Позже около нашего дома расположился госпиталь, куда свозили немцев, а также чехов, румын, итальянцев. В этот раз они даже не очень лютовали, голландским сыром даже как-то угостили. Однажды я, ребенок, допустила ошибку: не подумав, надела на голову красную косынку. Немец сорвал ее с моей головы чуть ли не с волосами, бросил на землю, начал топтать. Как он меня не убил?

Хоть и горька правда, таить не буду: не все хуторяне восприняли войну как большое горе. Из местных нашелся полицаи, он был не в ладах с Советской властью. Надев форму, получив оружие, начал помогать немцам обирать своих земляков.

Новости с фронта узнавали по-разному. С осени из городов по деревням пошли меняльщики, они меняли одежду, обувь на хлеб, картошку, сало! Это было такое сарафанное радио — бывало давали зачитанные до дыр газеты. Радостных известий было очень мало. К ноябрю, когда немец подошел к Москве, пошли слухи, что Сталин оставил Кремль, и все правительство эвакуировалось в Куйбышев. Немало было людей, кто поверил этому, потому что очень уж стремительно немецкие войска прошли от границы до столицы, до Москвы. И паника была, и отчаяние!..

Помню, все с замиранием сердца ждали: будет седьмого ноября на Красной площади парад или нет? Уже вечером седьмого узнаем — парад был! Сталин стоял на трибуне, а полки прямо от Кремля направлялись на фронт. От сердца отлегло: значит, не отдадут Москву. Мы, совсем дети, по-взрослому воспринимали всенародную беду. Про героизм панфиловцев, про Зою Космодемьянскую слушали, затаив дыхание, плакали по ним вместе со всеми. Через десятки лет я с семьей посетила Петрищево, Дубосеково, очень хотелось лично поклониться тем, кто жизнью своей заслони́л столицу.

Наша земля была два года оккупирована врагом. Выживали!.. Сколько горя было, не рассказать! В Новозлатополь немцы согнали всех евреев, не успевших уехать в тыл. Взрослых заставили копать яму, потом вокруг нее поставили взрослых и детей и расстреляли всех. Закопали, но эта братская могила шевелилась два дня, а подойти к ней — значит, самому погибнуть. Помню, немцы начали преследовать мальчика, сына нашей учительницы, у нее муж был еврей. Наверное, расстреляли бы и его, но односельчане с риском для жизни прятали ребенка по своим семьям.

На оккупированной территории фашисты устанавливали новую жизнь. Наделяли каждую семью землей, заставляли ее обрабатывать, а зерно и овощи сдавать «новой власти». И нам дали такой надел, выделили для пахоты огромного быка, который пил по десять-двенадцать ведер воды. У меня руки отрывались, пока наносишь ему столько воды из колодца!

Людей начали угонять в Германию, пришло горе и к нам. Сестер Нину и Марусю увозили дважды, но, по счастью, где-то по пути их отбивали партизаны, и они возвращались. А вот двоюродная сестра Галя пробыла в рабстве до окончания войны.

Обнищали мы за время оккупации совершенно, не было даже

мыла, поэтому пережили и чесотку, и вшей. Бабушка бывало намажет нас дегтем и гонит на горячую печку лечиться. Какое-то самодельное мыло с каустиком варили, бензином избавлялись от насекомых.

От освобождения радость была даже меньше, чем когда разбили врага под Сталинградом. Понятно было, что хребет фашисту сломали еще под Москвой, ну а когда под Сталинградом двести тысяч немцев в плен взяли, тут уж никакая вражеская пропаганда не срабатывала. Все стало ясно! Очень хорошо помню газету, где генерал Паулюс изображен со своими пленными солдатами. Эти детские впечатления были настолько сильны, что через годы мы с семьей трижды были на Мамаевом кургане, где, склонив голову, под музыку немецкого композитора Моцарта стояли в мемориальном зале, где выбиты тысячи имен погибших в сталинградском аду. И под Курск в музей воинской славы тоже несколько раз ездили. Мне всегда хотелось отдать долг тем, кто не дожил до победного дня, передать им хоть малую часть той благодарности, которую они заслужили.

Когда немцы отступали через наш хутор (конечно, это были уже не те нахальные завоеватели, что в сорок первом году), то опять разместили свой госпиталь, здесь оперировали раненых и оправляли их дальше. А те, кто мог ходить, особенно румыны и чехи, не раз просили у мамы гражданскую одежду, чтобы дезертировать из армии. Один все повторял: «Мамалыга, молоко, Румыния далеко». За немцами по пятам шли наши войска. Один раз приехали два велосипедиста в гражданской одежде, начали спрашивать у мамы, когда уехал госпиталь. Мама сразу поняла, что это наши разведчики. А тут как раз патруль из полицаев: «Кто эти люди?» И бесстрашная мама, не задумываясь, сказала: «Это наши родственники».

В начале сентября 1943 года в Петровский вошли регулярные советские войска. Командиру надо было узнать, занято ли немцами село Ворошиловка, и он попросил маму послать туда пятнадцатилетнего брата Петю. Но мама проявила мудрость и посчитала, что туда безопасней отправить меня. И я побежала. Четыре километра летела как на крыльях, а возле горевшей нашей мельницы, которую при отступлении подожгли немцы, попала под обстрел. Страшно было невозможно, но и повернуть назад не могла — ведь это была просьба командира Советской Армии! Прибежала, родственники сказали, что в Ворошиловке наши части. Надо было с донесением бежать назад. Доложила командиру, как положено: так, мол, и так. Он поблагодарил маму, а потом снял с пилотки красную звездочку и подарил мне. После этого я проспала в погребке двое суток, видимо, так мой детский организм отходил от пережитого стресса.

Очень тяжело, всем хутором, оплакивали похоронки. От папы все время ждали весточку, хоть какую-нибудь. На один день заехали однажды двоюродные братья Тихон и Данила, а вот бабушка Марфа так и не дождалась своих сыновей Федора и Тихона, умерла зимой 1944 года.

В школу мы не ходили два года, занятия возобновились только после оккупации. Не было книг и тетрадей, писали на газетах. Выручал папа, он присылал с фронта бумагу, мы ее резали и сшивали в тетрадки.

Все дети хутора много работали, особенно летом. На покосе, на уборке хлеба, сопровождали машины на элеватор. Разгрузить зерно и взрослому тяжело, но мы своими слабыми ручонками старались изо всех сил. Многие мои ровесницы надорвались в военную пору так, что на всю жизнь остались больными. Кстати, моя мама была заведующей зернохранилищем, а это, как и у дяди Федора, работа на испытание совести. Она ее не разменяла ни на что. Конечно, все ждали Победу. И через шестьдесят пять лет описать невозможно то, что происходило в нашем сердце в этот день!

Наш папа окончил войну в Кенигсберге, но вернулся только осенью. Помню, в полдень подъехала машина, вышел отец в форме сержанта, с боевыми наградами на груди. Все кинулись к нему, я стою в сторонке. «А где моя Валя?» — кричит он. Уходил на войну, я маленькая девочка была, а пришел — перед ним девушка. Я даже его подарки помню: мне — розовое шелковое платье, а брату большую редкость по тем временам — велосипед.

Дорогие мои, совсем скоро мы отметим 70-й День Победы! Не всем защитникам суждено было порадоваться даже первой годовщине мирной жизни. Миллионы погибли за нас с вами. Сохраните в своей душе, в своем сердце благодарную память о них! Это нужно и мертвым, это необходимо живым!

Записала Валентина БОЛОТОВА

Ангелина Андреевна Чмулева

Я родилась 1 июня 1937 года в деревне Бобошино Загорского района.

С 1944 по 1948 год училась в школе. В 1955 году поступила в педагогический институт и окончила его в 1960 году, по направлению работала в Донецкой области педагогом.

В 1966 году приехала на посёлок Реммаш, работала в детском саду, в школе. Работала председателем Константиновского сельского Совета.

Занимаюсь общественной работой в Совете ветеранов, награждена знаком «Почётный ветеран Подмосковья».

Когда началась война, мне шел пятый год. Но в детской памяти всегда остаются самые яркие моменты жизни, такие, что иногда даже трудно поверить в правдивость слов ребенка. Детская фантазия, мол, все это!

Я, например, как сейчас помню, как летом провожали на фронт наших деревенских мужчин. Было солнечное июньское утро. На нашем большом столе кипел самовар. В таганке варилась картошка. Но никто не садился за стол.

Вдруг закричали: «Ведут, ведут!», и все побежали к школе, расположенной у остановки. Из Константинова подъехала грузовая открытая машина. Остановилась. И новобранцы-мужчины прямо с машины, перегибаясь за борт, прощались с родными. В это утро отца не было. Мама потом рассказывала, что он отправился позже, с другой группой, потому что они косили осоку в болоте, заготавливали скотине корм на зиму.

Помню, как бомбили Дмитров. Я, конечно, не знала тогда, что это был Дмитров. Но было страшно! Вечер. В переднем углу тускло горит лампадка перед иконами. В небе темно. Собраны узлы на случай, если придется уходить из дома. Мы с младшей сестрой Шурой, одетые, сидим на кровати. Бабушка молится, стоя на коленях перед образами.

Но, слава богу, мы остались в Бобошине. Немцы были задержаны у Перемиловской высоты под Дмитровом. Кстати, в декабре 2006 года мы с учащимися школы № 26 поселка Реммаш ездили на экскурсию по местам боевой славы. Перемиловская высота, Дмитров, Яхрома — это места, откуда началась победа над фашистами. Залы нашей Победы!

Враг не оккупировал наш Константиновский район. В нашей деревне разместили советских военных. У нас поселился дядя в краси-

вой военной форме. Помню, как он мне что-то рисовал на листочке из блокнота тонко и аккуратно заточенным карандашом. Долго ли они оставались в деревне, не знаю. Но вот такие отдельные эпизоды запомнились на всю жизнь. Мы искренне желали, чтобы скорее закончилась война, чтобы папа возвратился домой.

Помню беженцев. Это были женщины и дети с оккупированных территорий. Они меняли на хлеб и картошку то, что было взято с собой. В памяти остался случай. Две куклы в картонных коробках. Красивые. У нас таких не было. Были самоделки, сшитые бабушкой. А таких красавиц — нет.

Пока мама кормила продавщицу и в подполе набирала картошку на обмен за кукол, мы, естественно, рассматривали игрушки. Шура при тщательном обследовании куклы выдавила ей глаза (они открывались и закрывались). Мы очень испугались и закричали: «Глаза провалились, глаза провалились!» Чем вызвали у взрослых переполох. Но теть-меняла показала, как сделать куклу зрячей, и мы потом берегли эти игрушки. Хотели показать их папе, когда он вернется домой.

У нас была счастливая семья. Очень добрый отец. До войны мы его всегда встречали с работы. Он нам гостинцы приносил со словами: «Вот вам зайчик прислал» или еще что приговаривал. Мы верили всему. И тому, что папа обязательно вернется.

Шел 43-й год, октябрь. Отец вернулся с фронта раненый, не просто раненый — а без ноги, на костылях! Этому главному эпизоду из военной жизни я посвятила стихотворение «Не было в мире счастливее нас!»

Ангелина ЧМУЛЕВА, поселок Реммаш

О войне

*С Шурой-сестрой мы на печке сидели.
«Приехал Андрей!» - вдруг как гром за окном.
Пулею с печки мы мигом слетели,
Папку встречать у крыльца босиком.
Как до войны, повисли на шее,
Чтоб сразу обеих на ручки поднял,
Но плакал отец, плакали все мы
И целовались, и он целовал.
Сразу голландку в избе затопили,
Достали нехитрый крестьянский припас.
Стол быстро накрыли,
Гостей пригласили.*

*И не забыли, конечно, про нас.
За длинным столом все на лавках уселись.
Дядя Митя Литов без руки, дед Илья
Отца поздравили с возвращением,
Достатка желали, добра. Вся семья
В счастье купалась, и в этот час
Солнце, казалось, нам улыбалось,
Не было в мире счастливее нас!*

Валентин Чулков

В 15 лет я стал слесарем в Краснозаводске

В 1941 году Загорский район оказался в прифронтовой зоне. Для немцев, имевших приказ Гитлера до наступления холодов окружить Москву и 7 ноября отпраздновать победу, захват Загорска имел важное значение. Советскими властями было принято решение об эвакуации промышленных предприятий на восток, на улицах города построить баррикады, организовать лесоповал вершинами в сторону ожидаемого противника, создавая непроходимые зоны для передвижения солдат и боевой техники фашистов.

Большинство мужчин из оставшихся промышленных предприятий и почти все мужчины в возрасте до шестидесяти лет из деревень были призваны в армию, работоспособных лошадей из колхозов отправляли на фронт.

Всем, кто остался в тылу, приходилось работать в невероятно трудных условиях. В цеха предприятий пришли женщины и подростки, рабочий день длился двенадцать-шестнадцать часов. В колхозах работали старики, женщины и дети, без выходных и практически бесплатно. Зарплату в виде натуральных продуктов (зерна по сто — сто пятьдесят граммов и пять-десять килограммов картофеля за трудодень) выдавали раз в году, после сбора урожая. Трудодень в течение рабочего дня можно было заработать только при выполнении очень тяжелых операций, например: на пашне, в основном на быках (и даже сами запрягались в плуг), на сенокосе, ухаживая за животными. Несмотря на огромные трудности, колхозники Загорского района во время войны собрали четыре миллиона рублей на строительство танковой колонны «Загорский колхозник», за что И. В. Сталин объявил им благодарность.

В начале войны школа в нашей деревне Новая Шурма была закрыта, и мы с двенадцатилетнего возраста начали выполнять все виды сельскохозяйственных работ. В 1944 году в конкурсе пахарей и боро-

новальщиков я занял первое место по району. В тринадцатилетнем возрасте мне и моему ровеснику Виктору Мартьянову было получено объездить, то есть подготовить к работе, четырех быков, которые никак не хотели терять свободу и защищались угрожающим ревом, копытами и рогами, проявляя агрессию, когда надевали на них хомут. Хотя мы постоянно получали синяки, но быков никогда не били, только уговаривали, давали лакомство в виде вареной картошки (хлеб в то время выпекали в каждой деревенской избе, он представлял собой запеченный картофель, припудренный мукой). Если быка ударить — его уже больше не запряжешь, обиды он не прощает.

Бывали случаи, когда с трудом подведешь быка к упряжке, он нас сбивает с ног и бежит на конюшню, при этом зачастую руки закручены вожжами, их быстро освободить нельзя, и тогда бык волочил нас за собой по земле. Обученные быки работали в качестве основной тягловой силы в колхозе. За подготовку тех четырех быков правление колхоза нас премировало: нам купили по три метра сатиновой ткани — на пошив рубашек. В то время таких премий никто в колхозе не получал.

Но самой большой наградой позже было получение медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В свои неполные пятнадцать лет я начал работать слесарем на оборонном заводе в Краснозаводске, в комсомольско-молодежной бригаде. Бригадиром был высококвалифицированный специалист, добрый и отзывчивый — Степан Романов. Итоги работы подвели в цехе ежемесячно. Победителям на верстаке бригады крепили красный флажок, такие флажки очень часто находились в бригаде Романова. Из-за маленького роста я не доставал до тисков. Мне под ноги поставили ящик.

Дисциплина в цехе была очень строгой, соответствовавшей военному времени. Нарушителей могли наказывать гауптвахтой на несколько суток, не прерывая работу. Мой шестнадцатилетний брат в сильную метель по бездорожью добирался до цеха из деревни за двенадцать километров. Часов в то время ни у кого не было, и он опоздал на работу на пятнадцать минут. Состоялся суд, присудили «6 x 25», то есть в течение шести месяцев из зарплаты удерживали двадцать пять процентов.

Зимой в цехе было очень холодно. Между сменами оборудование покрывалось инеем. Отапливалось помещение печками-буржуйками, топили их опилками, которые трудно разжигались и плохо горели.

Ночью город погружался в непроглядную тьму. Светомаскировка выполнялась очень строго. Только мощные прожекторы бороздили небо при появлении вражеских самолетов.

Асфальта в городе не было. Тротуарами были деревянные настилы, не везде исправные. Я жил в частном секторе в деревне Язвицы (об-

щежитием обеспечивались не все желающие). После ночной смены мы возвращались домой в темноте гуськом: передний всегда предупреждал о повреждениях настила. Обычно ведущим был кто-нибудь из многочисленной семьи Грубовых, живших в деревне Григорово, за Язвицами.

Директором завода работал талантливый руководитель, полковник Тимофей Иванович Агафин. Он обладал исключительными техническими знаниями и эрудицией. За годы войны под его руководством завод одиннадцать раз отмечался в приказах министра обороны как передовой. В 1944 году завод наградили переходящим Знаменем ЦК КПСС. Тимофей Иванович был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, «Знак Почета», а также медалями и орденами ряда республик.

Краснозаводск в День Победы превратился в ликующий город. Всюду звучали песни под гармошку, которые в годы войны были запрещены, чтобы не вызывать слез у матерей и близких родственников погибших воинов. Похорожки были почти в каждой семье.

Чувство гордости и радости за наш народ, за свою Родину пробудило выстраданное долгожданное событие — Победа!

Валентин Чулков

Высокий полет

О моей встрече с Юрием Гагариным

12 апреля 1961 года торжественный голос диктора Юрия Левитана объявил о том, что свершилось событие, ожидаемое веками: преодолев земное притяжение, вырвался за пределы атмосферы нашей планеты Колумб космоса — Юрий Алексеевич Гагарин.

На следующий день на улицы вышли тысячи восторженных людей. Молодые несли лозунги «Чур, я второй!», «Юра, мы с тобой!». Люди слали в правительство телеграммы — не только со всей страны, но и со всего мира. Самую короткую, говорят, направил Никите Хрущеву, лидеру страны, писатель Михаил Шолохов. В ней было одно слово — «Здорово!». С этого дня, означавшего начало космической эры, Гагарина стали называть «гражданином Вселенной».

Обладая многими достоинствами, Юрий Алексеевич никогда не гордился ими, был человеком добрым, целеустремленным, способным заряжать активным жизнелюбием всех, кто оказывался рядом.

Мне довелось несколько раз бывать в доме Юрия Гагарина в городе Гжатске (ныне переименованном в его честь), беседовать с его ро-

дителями — Анной Тимофеевной и Алексеем Ивановичем. Они рассказывали о его детских годах, когда семья терпела самую настоящую нужду, об учебе в школе, ремесленном училище и техникуме, который он окончил с отличием, об увлечении будущего космонавта спортом и авиацией. Но про все это Анна Тимофеевна хорошо написала в книге воспоминаний, которую я цитировать не буду, а хотел бы рассказать о собственной встрече с первым космонавтом планеты.

Мне посчастливилось достать билет на встречу с ним, которая состоялась 21 марта 1963 года в московском Доме ученых. Он появился на сцене со своей знаменитой улыбкой на лице, его долго приветствовали аплодисментами и потом, затаив дыхание, слушали. Гагарин рассказал о полете на корабле «Восток», о приземлении и о том, как его здесь встретили люди. А еще очень интересно говорил о поездках по странам мира, которые предпринимал после полета. Иногда они принимали неожиданный поворот.

В одном из государств, куда он приехал, решили унизить Советский Союз - встречу с населением сорвать (ведь тогда шла «холодная война»). Об этом стало известно посольству. Но Гагарин заявил: «Я обещал, ничего отменять не буду».

Когда он вошел в наполненный зал, то на свое приветствие услышал полную тишину. На первом ряду сидела вульгарно одетая девушка с папиросой, которая, как оказалось позже, должна была дать знак к началу подстроенного дебоша. Но когда Гагарин начал свою речь, ему удалось растопить лед неприязни. Сперва в одном месте зала послышался восторженный смех и аплодисменты, потом в другом... Девушка-командир почувствовала, что настроение зала стало не в ее пользу, встала, выругалась и покинула аудиторию. А выступление завершилось овацией, к Юрию Алексеевичу выстроилась очередь за автографами. Он, как настоящий дипломат, сумел расположить слушателей к себе — а значит, и к своей стране.

Был и более анекдотичный случай. В Дании (стране НАТО, между прочим) наперерез машине Гагарина бросился человек, сжимавший в руке какой-то предмет. Неужели гранату? Но выяснилось, что в руке у него... бутылка вина. Он предложил космонавту выпить! Конечно, в такой ситуации другой бы отказался. Но Гагарин знал, что за ним следят сотни глаз. И он выпил предложенный бокал, сказав по-датски: «Сколь!» («Будь здоров!»). На следующий день датские газеты восторженно расписали этот поступок. То, что он не побрезговал угощением простого человека с улицы, сильно подняло репутацию космонавта в глазах всей Дании.

Рассказал он и о беседе с британской королевой. Встреча планировалась на пятнадцать минут, но прошли и тридцать, и сорок минут... Через час он, улыбаясь, вышел. Королеву очень заинтересовали его рассказы.

В частности, она спросила: «Какой из космоса видится земля?» Гагарин ответил: «Красота, которая ни с чем не сравнима. А цвет... — он обвел глазами комнату, — он близок к цвету вашего платья!» Королева заулыбалась, поцеловала Юрия Алексеевича и продолжала любезную беседу...

Когда закончилось выступление Гагарина перед нами, многие подошли к нему и положили открытки для автографов. А у меня, как назло, ничего с собой не было. Я положил ему на стол свой аспирантский билет. Он расписывался на каждой открытке, а когда дошел до моего билета, то отложил его в сторону. Я очень расстроился — неужели останусь без автографа? Но когда Гагарин разобрался с лежавшей у него на столе стопкой бумаг, то достал из кармана записную книжку, вырвал страницу и что-то на ней написал. А потом положил в мой аспирантский билет. С тех пор я храню этот документ как дорогую сердцу реликвию... На прощание его окружила толпа, люди пожимали космонавту руку, и я очень рад, что в числе других удостоился такой чести.

Юрий Алексеевич написал книгу «Психология и космос». К сожалению, она стала его своего рода завещанием. Свою авторскую подпись на листах с корректурой он поставил 25 марта 1968 года, а через два дня его не стало... Он не зря прожил свои тридцать четыре весны! И словами не передать всего богатства и красоты его души.

Р. И. Шашанова

Я родилась в городе Загорске, и война за- стала меня в моем родном городе. Был сол- нечный июньский день, выходной. Мы, дети, любили ходить в парк, там были аттракционы, игротека. Возвращаясь из парка в двенадцать часов, мы увидели большую толпу людей на площади. Все стояли и слушали радио. На- чалась Великая Отечественная война! Мы не очень испугались, верили, что наша армия — самая лучшая, она прогонит врага за две-три недели. Дома тоже говорили о войне. В 1938 году, на Кировке, была открыта школа — Но- востройка. В этой школе я училась, а 1 сентя- бря 1941 года школа была отдана под госпи- таль.

Наш класс перевели в школу № 2 (сейчас там физматлицей).

Вечером мы дежурили вместе со взрослыми на крышах домов, в случае загорания — тушили очаг. Днем проводили репетиции номеров, с которыми выступали перед ранеными в госпиталях.

Люди быстро научились разрабатывать землю: сажать картошку верхушками клубня, выращивать овощи, делать заготовки из них. Но

много было и неприспособленных, ослабленных людей, у них ничего не получалось, чаще всего это были представители старой интеллигенции — учителя, люди искусства. Школьники собирались в тимуровские отряды и помогали им работать на огородах — сажать, окучивать, поливать, полоть овощи. Иногда сами делали это из последних сил...

Районо на лето собирал детей от двенадцати лет и старше, учителей и договаривались с колхозом «Труд», за Бужаниново, с председателем И. И. Хреновым, чтобы их приняли на посильную работу с проживанием. Вот где нас кормили «по-настоящему» — и молоком, и картошкой, даже щи с «мяском» варили. Здесь двенадцати-четырнадцатилетние дети добросовестно выполняли все тяжёлые сельскохозяйственные работы. На сенокосе ворошили сено, сгребали его, делали копны, кто постарше — скирды. Сажали капусту, а потом поливали и окучивали ее. Ухаживали за лошадьми, скотом и другими животными. На жатве помогали вязать снопы, собирать их в пирамидки, доставлять на гумно; подавали снопы в молотилку, провеивали деревянными лопатами зерно, сгребали, заполняли машины для отправки.

Мы очень старались выполнять всё хорошо и делали все так, как призывал к этому лозунг: «Всё для фронта, всё для победы!». Домой дети приезжали с заработанным богатством, их одаривали всем понемногу — и зерном, и картошкой, и капустой, и морковкой, и турнепсом. И это было большой радостью!

А сколько времени мы, подростки, проводили в госпиталях?! Писали за раненых письма, читали им книги, выступали, как артисты, с танцами и песнями, разыгрывали сценки, читали стихи. Стирали, гладили и скатывали стиранные бинты, а иногда нам на дом отдавали стирать грязное, в крови и гное солдатское бельё — гимнастёрки, галифе, конечно, в расчёте на наших матерей. Мыла не было, делали щёлок: в холщёвый мешок насыпали золу из печки и кипятили в баке, ведре, пока вода не становилась мягкая и мыльная. Потом этой мыльной водой стирали, в ней кипятили бельё. Немыслимо в то время было отказаться от любого задания, сказать: «Не буду, не хочу!» Делали всё, лишь бы приносить пользу Родине, народу. Мы были настоящими патриотами и жили по принципу: «Сначала думай о Родине, а потом о себе». Этот принцип сыграл большую роль и в войне, и в дальнейшей послевоенной жизни, когда восстанавливали разрушенное войной народное хозяйство.

1941–1942 годы — это самые тяжёлые годы Великой Отечественной войны, отступление Красной Армии до самой Москвы. Чёткий траурный голос диктора Левитана каждый день сообщал об оставлении городов, сёл, других населённых пунктов во время ожесточённых кровопролитных боёв, о потерях в живой силе и технике... Настроение упадническое... И вдруг в холодных последних числах ноября 1941

года через наш город Загорск пошли солдаты-сибиряки по направлению к Дмитрову. Их было очень много, шли в основном в темное время суток, шли и шли по проспекту.. Они были хорошо одеты — в белые овчинные полушубки, валенки; многие с автоматами, ручными пулемётами, у некоторых лыжи. Надежда, что остановят немцев, поколотят, была у каждого, кто глядел на этих крепких молодых солдат. Так и получилось, они остановили врага, погнали обратно на запад! Но многим из них это стоило жизни!

И особенным днем за всю войну был День Победы — 9 мая 1945 года! Это было всенародное празднество, ликование, тут же и поминовение погибших, выражение сочувствия фронтовикам — раненым и инвалидам.

Очень рано утром, часов в пять, сначала за окнами стал раздаваться неясный гул, выкрики, музыка. Прямо из постели, в неглиже, люди выскакивали во двор посмотреть, что происходит. Конец войне, Победа! От радости стали обниматься, целоваться, петь песни, смеяться, радоваться и плакать... Никто не стеснялся своих чувств! Потом немного пришли в себя, приоделись, вынесли на улицу столы, стулья, табуретки, скатерти, еду и спиртное. У кого что было, ничего не жалели.

А мы с девочками сели на электричку и — в Москву! Гулянье шло по всей Москве — песни, пляски, танцы. Открыты были все столовые, кафе. По улице Горького толпы весёлых, улыбающихся людей. Каждого встречного «качали» — подбрасывали на руках с радостными криками, обнимали, дарили друг другу кто что мог, обменивались адресами, приглашали в кафе. Домой вернулись мы уже поздно вечером, после салюта.

Это был настоящий праздник людского единства! И салют особенный!

Валентина Алексеевна Шипицына

Мои нелёгкие воспоминания о войне

В нашей семье о войне не говорили, всегда молчали. Сёстры и после войны молчали, а мама иногда мне немножко рассказывала о ней.

Отец со станичниками ушёл на войну сразу, под Сталинградом был ранен в ногу, лечился на Урале. После выздоровления водил грузовые машины, дошёл до Германии, воевал до Победы. Наша станица Гостагаевская расположена на дороге Новороссийск — Крым, немцы через станицу то наступали, то отступали.

Мне было восемь месяцев, когда началась Великая Отечественная война, но конец войны уже в моей памяти остался. Помню, как гудел самолёт. Я быстро залезла под металлическую кровать с панцирной

сеткой, а кто-то говорит: «Валя, не бойся, вылезай, это наши!» Станицу сильно бомбили, и мы все прятались под кровать, там не завалил обломками, кровать выдерживала, так как у многих тогда были домушки глиняные, низкие, под камышом.

Наш небольшой домик, построенный из плетня, столбов, обманных глиной с соломой, состоявший из одной комнаты, кухни, кладовки и коридора, в войну вместил девять человек родственников: маму, нас детей - трёх сестёр, двух наших бабушек, мамину сестру - тётю Олю, её дочь, а также её маленького сынишку, такого же возраста, как я. Тётя Галя с дочкой приехали к нам из Новороссийска, но у нас не поместились, а квартировались у соседей. Бабушка по отцу привела с хутора Благовещенского, где она жила после смерти бабушки (это к северу от Аканы, в восемнадцати километрах), корову, и её прятали в нашем домике, в кладовке, всю войну.

На хуторе Благовещенском родились мои родители, но из-за раскулачивания и репрессий были лишены и жилья, и земли, и имущества, а бабушка, отец моего отца Максим Иванович Гладкий умер в Новороссийске, в тюрьме. Где его могила, я не знаю. Мамин отец, Савва Захарович Кныш был сослан на Соловки, там и умер.

На нашей улице, напротив, у соседей располагалась немецкая кухня, а солдаты были румынами. Они говорили, чтобы мы слышали: «Гитлер, капут!» А ещё они напевали:

Антонеску дал приказ: всем румынам — на Кавказ,

А румын был не дурной, за каруцу (тележку.— Примеч. авт.) — и домой.

Румыны никого из женщин и детей не обижали, говорили, что у них дома тоже остались беззащитными жёны и дети.

Немцы иногда приходили к нам в дом, нас выгоняли во двор, и мы ютились в землянке во дворе, во время бомбёжек мы прятались у соседей в большом каменном подвале, где были устроены вертикальные нары, где всем соседям хватало места.

Мама говорила, что во время сильных бомбёжек в этот подвал при-

ходили немцы и тоже там укрывались, нас они не выгоняли.

В центре станицы до войны были построены большие красивые дома из местного известняка: это и школа, и магазины, и другие учреждения. За войну все они были разрушены.

Мне запомнилась наша землянка во дворе: я сидела там одна на ватнике, и на нём стояла мисочка с простоквашей.

Взрослых и детей-подростков собирали по дворам и отправляли строить дорогу из булыжников от нашей станицы к дороге Новороссийск — Анапа. Сокращался путь для отступления (на пятьдесят километров), это немцы готовили себе дорогу, работала там вся детвора и женщины.

Наша станица располагалась как раз на «Голубой линии», по которой шло то наступление немцев, то отступление. После войны всё кругом было усыпано снарядами.

Лампа у нас была сделана из снаряда — сплющена сверху, фитиль был из куска шинели, сбоку сверху — отверстие для керосина.

Сражались с немцами и наши партизаны. Были облавы по ночам, проверяли проживающих. Мама моей подружки рассказывала, что партизан душили газом в душегубках.

И ещё я помню свой рев на весь двор. Это уже было после войны. Все от нас разъехались, и остались только я и сестра. Я кричала без перерыва: «Хочу есть, хочу есть!» Бабушка ушла с коровой на свой хутор, и мы остались без молока и молочных продуктов. Сёстры молча нарвали каких-то колосков в огороде, потёрли их ладошками, потом на воде сварили их, я наелась и успокоилась.

Маме в колхозе дали двух бракованных поросят, худых, страшненьких. Мама их мыла в марганцовке, поросят мы кормили травой, и вскоре они стали розовенькими, шустрými.

Наша станица большая. С запада на восток тянется на пять километров, а с севера на юг — на три километра. После войны у нас было пять колхозов: наш — «Волна революции», потом шёл к востоку колхоз имени Калинина, далее, по кругу, — имени Сталина, имени Молотова и имени Тельмана. Как только немцев прогнали, сразу принялись за полевые работы, землю имели все. Мама с сестрой собрали большой урожай.

Когда отец осенью пришёл домой после войны, то в комнате один угол был заставлен большими тыквами в несколько рядов, а внутри, пирамидой, почти до потолка, возвышались початки кукурузы.

Река Кубань располагалась к северу в восемнадцати километрах, а Чёрное море — к западу — в двадцати. Стали носить рыбу, её меняли на картошку и прочее. Но годом раньше многие женщины пухли с голоду, а в колхоз на рыбалку ходили. Для меня война оказалась чуть не

трагической. Я была очень худенькой. Мама и отец были на работе, сёстры учились, а я оставалась дома одна. Я часто сидела дома одна, под замком. Я не помню, что мы ели. С приходом отца у нас появилась корова, но я не любила молоко. Я часто кашляла, говорили, что это кокмач. Потом у меня была корь, я какое-то время сидела в тёмной комнате, говорили, что так надо при кори. Мама меня при простуде поила горячим молоком с нутряным свиным салом. Маме на рынке сказали, что я должна пить сырые яйца и парное молоко. Я же не могла глотать сырые яйца. Тогда отец приготовил для меня гоголь-моголь из двух яиц, и так я стала пить куриные яйца, молоко мне было легче пить. Оказалось, что я в детстве перенесла туберкулёз, от этого остались рубцы в корнях лёгких. Об этом мне сказали врачи, когда я уже была замужем, после флюорографии. Всё обошлось, и слава моим Ангелам-Хранителям и моим Родителям!

Владимир Павлович Яблонских

Капитан первого ранга

1941 год. До города Мончегорска Мурманской области долетела страшная весть — война! Семья Яблонских. Павел Федотович работал кузнецом, электросварщиком. В начале Великой Отечественной войны был призван в Красную Армию. Старшим сержантом участвовал в боях в Заполярье, затем служил в Точках лагерях, готовил солдат перед отправкой на фронт. Жена, Александра Николаевна, была эвакуирована по озеру Имандра и далее, по Белому морю, вначале в город Архангельск, а потом в Казахстан. Александре Николаевне пришла похоронка на мужа, а Павлу Федотовичу сообщили, что транспорт с эвакуируемыми потопили гитлеровцы. На самом деле транспорт успели разгрузить в каком-то местечке. Муж и жена в ходе войны потеряли друг друга. В середине декабря, первого года войны в Казахстане появился мальчик Володя Яблонских. В 1955 году он окончил семь классов в школе производственного обучения, специальность — тракторист. Директором школы был потерявший на фронте ногу полковник Леонтьев, большинство учителей были его однополчане. Очень хорошо в школе была поставлена военно-патриотическая подготовка, и поэтому ежегодно большинст-

во выпускников средней школы стали курсантами военных училищ, а затем офицерами.

В 1966 году Владимир Павлович, молодой офицер, занимал должность командира, помощника начальника службы артиллерийского вооружения вновь формируемого полка морской пехоты. По личной просьбе В.П. Яблонских был переведён в плавсостав заместителем боевой части. После окончания специальных офицерских классов Военно-Морского флота в 1974 году был назначен заместителем по политической части Северного флота. После окончания Военно-политической академии был назначен заместителем командира бригады противолодочных кораблей Северного флота.

В дальнейшем был переведён в город Москву и возглавил Центральный спортивный клуб Военно-Морского Флота. После увольнения в 1992 году Владимир Павлович поселился в деревне Ченуй, на речке Взерножке. В этом селе у него построен дом. С первых дней проживания его избрали старостой. В 2002 году капитан первого ранга начал работать в средней школе учителем технологии, а затем заместителем директора по безопасности, кем и является на сегодняшний день. В 2006 году в школе был организован Морской кадетский клуб.

Владимир Павлович прикладывает все усилия, чтобы любовь к Родине, Российской Армии и Военно-Морскому Флоту передать нынешним ученикам.

Содержание

Агарков Николай Васильевич.....	6
Артамонова Эмилия Яковлевна.....	11
Барынина Эльвира Ерофеевна.....	13
Бибик Борис Михайлович.....	16
Бородкина Зоя Васильевна.....	18
Буга Валентина Александровна.....	20
Бычкова Зинаида Андреевна.....	21
Варакина Тамара Александровна.....	23
Васильева Т.Д.....	24
Витязева Надежда Николаевна.....	24
Володина Александра Афанасьева.....	24
Герасимова Евгения Петровна.....	25
Гилевич Зиновий Михайлович.....	28
Давыдова З.А. и Ильина З.А.....	30
Доброва (Мухина) Лилия Александровна.....	33
Домонтович Вера Ивановна.....	36
Ермошина Лидия Алексеевна.....	37
Захаров Дмитрий Иванович.....	39
Иванова Татьяна Викторовна.....	44
Иванов Евгений Михайлович.....	48
Ищенко Инна Викторовна.....	55
Кашин В.К.	58
Кожущенко Диана Викторовна.....	61
Комкова Лидия Васильевна.....	63
Кругликов Валерий Сергеевич.....	66
Кульчинская Валентина Ивановна.....	79
Захарова Валентина Лаврентьевна.....	81
Липатова Л.А.....	84
Лисовец Иван Иванович.....	86
Лобачёва Зинаида Александровна.....	87
Лысенко Александр Григорьевич.....	89
Лысенко Надежда Ивановна.....	92
Мальшева Тамара Михайловна.....	99
Мальцев Константин Иванович.....	99
Маргулис (Измайлова) Людмила Ивановна.....	101
Маруфенко Валентина Георгиевна.....	106

<i>Метлина Ангелина Михайловна.....</i>	<i>107</i>
<i>Миронова (Крыжова) Валентина Васильевна.....</i>	<i>108</i>
<i>Молчанова Зинаида Ивановна.....</i>	<i>116</i>
<i>Морозова Мария Анатольевна.....</i>	<i>118</i>
<i>Мухамедгариев А. Три судьбы.....</i>	<i>122</i>
<i>Нефедов Василий Васильевич.....</i>	<i>124</i>
<i>Перепелкина Лидия Ивановна.....</i>	<i>133</i>
<i>Пикалева Нина Ивановна.....</i>	<i>134</i>
<i>Похмельных Валентина Сергеевна.....</i>	<i>137</i>
<i>Русаков Анатолий Васильевич.....</i>	<i>139</i>
<i>Рябова Нина Константиновна.....</i>	<i>141</i>
<i>Семенова Татьяна Владимировна.....</i>	<i>144</i>
<i>Сидорова Маргарита Васильевна.....</i>	<i>146</i>
<i>Симакова Римма Федоровна</i>	<i>147</i>
<i>Синцова (Королева) Галина Николаевна.....</i>	<i>149</i>
<i>Синцов Владислав Степанович.....</i>	<i>152</i>
<i>Старченко Владимир Константинович.....</i>	<i>160</i>
<i>Талёбовская Г. П.</i>	<i>163</i>
<i>Федорова Инна Викторовна.....</i>	<i>164</i>
<i>Федоров Александр Александрович.....</i>	<i>166</i>
<i>Фрейлах Роза Аврамовна.....</i>	<i>169</i>
<i>Холодкова Нинель.....</i>	<i>170</i>
<i>Хомякова Зинаида Ивановна.....</i>	<i>175</i>
<i>Хомяков Петр Сергеевич.....</i>	<i>178</i>
<i>Чернышева Валентина Тихоновна.....</i>	<i>180</i>
<i>Чмулева Ангелина Андреевна.....</i>	<i>185</i>
<i>Чулков Валентин.....</i>	<i>187</i>
<i>Шашанова Р.И.....</i>	<i>191</i>
<i>Шипицына Валентина Алексеевна.....</i>	<i>193</i>
<i>Яблонских Владимир Павлович.....</i>	<i>196</i>

**Совет ветеранов
Сергиево-Посадского района Московской области**

Дети войны - дети Победы

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ

Редактор И.Серкова
Корректор К. Кальянова
Рисунки на обложке и стр. 3 Виктории Радеевой

Издательство «РЕМАРКО»
Директор С.Ю. Васильев. Верстка А.В. Секрет
Технический редактор В.П. Крылов

г. Сергиев Посад, Новоугличское ш. 44а
e-mail: remarkoprint@gmail.com
www.remarkogroup.ru

Подписано в печать 5.08.2013 г. Формат бумаги 84х108/32.
Усл. печатных листов 12,5. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ГУП ЧР «ИПК Чувашия» Мининформполитики Чувашии
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13
Заказ №

г. Сергиев Посад – 2013

ISBN 978-5-903615-37-7

© Совет ветеранов Сергиево-Посадского района Московской области. 2013
© Авторы текстов и фото. 2013
© ООО «РЕМАРКО». 2013